

Лариса Петровичева

ПРИНЦ-ВОРОНА

ГЛАВА 1

— Заходите! Заходите! Самое лучшее — только здесь! Не тратьте времени на другое! Заходите!

Дэвин поднялся по ступенькам бывшего дворца князей Столуцци, который теперь стал аукционным домом, обошел зазывалу в красном сюртуке и оказался в просторном холле, забитом народом — пестрым, веселым, предвкушающим пикантное развлечение. Что может быть веселее покупки человека? А сегодня здесь продавали именно людей. Миновав зевак и покупателей, Дэвин снял шляпу и, мельком глянув на себя в зеркало, направился в аукционный зал.

Он никогда не покупал рабов и сам не знал, что именно вдруг потянуло его сюда настолько властно, но Дэвин никогда не сопротивлялся зову судьбы. На него оборачивались. Дэвин заметил, что какая-то молоденькая и впечатлительная барышня осенила лицо знаком круга, стараясь отпугнуть нечистого. Остальные были более благоразумны — улыбались, кланялись, всячески выражали почтение и делали вид, что невероятно рады такой неожиданной и приятной встрече.

Дэвин хмуро подумал, что все идет как всегда. Принцу, старшему сыну короля Кормака, всегда будут кланяться. Даже если этот принц — самый страшный темный маг за всю историю страны. Даже если этот принц лишен короны и наследства.

Один из распорядителей сразу же предложил Дэвину место в первом ряду, по соседству с председателем Первого столичного банка. Почтенный старец тотчас же побледнел, но справился с волнением, поздоровался и поинтересовался:

— Тоже решили купить девицу в дом?

Дэвин неопределенно пожал плечами.

— Пока хочу просто посмотреть. Есть что-то примечательное?

Председатель махнул рукой.

— Самые лакомые кусочки приберегают напоследок, — со знанием дела сообщил он. — Дочери сподвижников министра Гевельта.

Ведущий ударил молоточком в гонг, призывая к тишине. На сцену вывели очередную девушку в полупрозрачном плаще до пят. «Много плакала», — подумал Дэвин, глядя на покрасневшее девичье личико, опухшее от слез. Длинные каштановые волосы были небрежно заплетены в пушистую косу, тонкие брови сведены в гримасе отчаяния, губы дрожали — девушка читала молитву.

Рабыня должна быть очаровательной и привлекательной, чтобы за нее выкладывали денежки, — аукционный дом заботился о правильном виде товара. Дэвин увидел это очарование даже за лицом, опухшим от слез. Легкая ткань мягко обнимала тело девушки, и она казалась выточенной из розового кварца — легкой, почти невесомой, ненастоящей.

— Дамы и господа! — пророкотал ведущий. — Джемма Эвилет!

Дэвин усмехнулся. Знакомая фамилия! Эдвин Эвилет, папаша бедной Джеммы, был из числа разоблаченных заговорщиков, которых совсем недавно размазали пушками по дворцовой площади. Заговор министра Гевельта против короны потерпел поражение, и теперь дети бунтарей продавались на аукционе. Прежде такого не бывало. Но его величество Кормак был настолько разъярен, что решил выместить свой гнев так, чтобы навсегда отбить охоту посягать на престол у тех, кто однажды рискнет это сделать.

Люди готовы рисковать своими головами и своей честью. Но они предпочтут вывести из-под удара своих близких. Возможность страшной судьбы для детей невольно заставит задуматься — и одуматься. Конечно, есть такие, кому наплевать на то, что их дочерей будут покупать на торгах престарелые сластолюбцы, но большинство будущих бунтарей не такие, к счастью для их семей.

Эта Джемма была барышней из приличной семьи, могла выйти замуж за юношу достойных кровей, а в итоге станет рабыней. Купит ее какой-нибудь старикашка вроде почтенного председателя, из которого уже много лет песок сыплется, будет играть, пока не наскучит, а там и выбросит...

Наверняка некоторые из тех, кто сейчас придирчиво рассматривает Джемму, бывали в доме ее отца и сидели с ней за одним столом. Но тогда она была благородной девицей, а теперь ее можно купить и использовать так, как сочтешь нужным.

Вряд ли кто-то из этих прекрасных господ и дам выкупит Джемму потому, что жалеет ее и хочет вернуть ей свободу. Наоборот — купят и будут использовать, чтобы показать верность королю и всем его приказам.

«А чудовище здесь, тем не менее, я», — подумал Дэвин.

Девушка впервые подняла голову. Скользнула взглядом по зрителям, которые рассматривали товар — ведущий расхваливал ее на все лады, — и вдруг посмотрела на Дэвина и содрогнулась всем телом. Узнала — и ее накрыло ужасом.

О Дэвине ходили просто невероятные слухи. Одним из самых невинных был рассказ о том, что он утопил в меду одну из своих любовниц, растворил ее в нем направленным заклинанием и в течение года употребил с крепким чаем. Неудивительно, что эта Джемма трепещет от ужаса, как листочек. Со своего места Дэвин видел, как пульсирует вена под тонкой кожей у нее на шее.

Принц ободряюще улыбнулся ей, и девушку ощутимо повело в сторону, так, что один из помощников бросился поддержать.

— Начальная цена — двести крон! — провозгласил ведущий. — Кто больше?

Почтенный председатель крикнул и поднял указательный палец.

— Двести пятьдесят! — с достоинством проговорил он и окинул взглядом зал, пытаясь определить, кто выступит его конкурентом в торге за красавицу.

— Двести пятьдесят крон от господина Лабрахаса, кто больше? — воскликнул ведущий, и торг бойко покатился дальше, постепенно дойдя до пятисот крон. Крупная сумма — за эти деньги можно купить хороший экипаж и пару лошадей или провести ночь с лучшей столичной куртизанкой, ни в чем не зная отказа.

Но владеть живым человеком, бывшей благородной барышней намного интереснее. Это волнует душу и разум гораздо сильнее, чем поход даже к самой дорогой куртизанке. Господа в зале взбодрились, разругались, они готовы были сражаться. Немногие дамы косились на них с явным неудовольствием, но мужчины не обращали на это внимания. Им был интересен свежий нетронутый плод, который можно сорвать и присвоить.

Джемму по-прежнему поддерживали, не позволяя упасть. Ее лицо обрело восковую бледность мертвеца, сделалось каким-то ненастоящим, словно плохо вылепленная маска. Дэвин не собирался участвовать в торгах. Он не держат в своем доме ни рабов, ни рабынь, но неожиданно для самого себя поднял руку и произнес:

— Две тысячи крон.

Зал накрыло тишиной — настолько густой и плотной, что ее можно было резать ножом. Все уставились на Дэвина, а Джемма посмотрела ему в лицо так, словно хотела спросить: «Вы? Это будете вы?!» Ведущий опомнился обвел зал своим молоточком.

— Самая крупная сумма за рабыню за всю историю торгов! — воскликнул он. — Кто больше, кто больше, господа?

Господа угрюмо рассматривали собственные руки. Две тысячи крон — да никто из них столько не выложит. Никогда. И дело не в деньгах. Все они очень благоразумны и не будут переходить дорогу принцу Дэвину, который поднимает мертвецов из могил и хранит их души в особых кувшинах в подвале своего дома. Кому захочется жить в кувшине и в то же время трудиться на плантации?

— Джемма Эвилет продана его высочеству Дэвину за две тысячи крон! — зычно провозгласил ведущий и ударил в гонг.

В ту же минуту Джемма лишилась-таки чувств и рухнула на сцену. Помощники быстро подняли ее и унесли куда-то за кулисы. К Дэвину подошел распорядитель и, низко поклонившись, произнес:

— Ваше высочество, прошу со мной.

Дэвина провели в малый зал — там над Джеммой хлопотали слуги, приводя ее в чувство. Господин в темно-сером сюртуке по чиновничьей моде, который производил расчеты и выписывал чеки на покупку, смотрел на девушку с искренним сочувствием. Она была дочерью врага государства, но не заслуживала того, чтобы попасть в руки Дэвина. Ни одна живая душа не заслуживала такого ужаса.

— Две тысячи крон, ваше высочество, — напомнил он.

Дэвин вынул из кармана тонкую книжку и, устроившись за небольшим столом для расчетов, принялся выписывать чек. Джемма пришла в себя — глубоко вздохнула и прошептала:

— Господи, это невозможно...

Их взгляды встретились, и Дэвин подумал, каким она его видит. Слишком высокий, с длинными

руками и ногами, с растрепанными черными волосами и хмурым лицом, он действительно пугал. Так было, сколько он себя помнил, и Дэвин успел привыкнуть к этому, но сейчас ему сделалось не по себе.

— Возможно, сударыня, — холодно откликнулся он и вырвал страничку из чековой книжки. Господин в темно-сером принял ее с низким поклоном и передал Дэвину заранее заготовленное свидетельство о собственности, в которое каллиграфическим почерком было вписано его имя. — Вам легче?

Губы Джеммы дрогнули. Дэвин подумал, что она — гордячка. Тонкая, хрупкая, упрямая гордячка — вон как глаза сверкают. Поборола первый страх, справилась с ситуацией и теперь не собирается сдаваться просто так. Да, она стала вещью, но в душе осталась свободной и непокоренной.

— Да, сударь, — ответила она ему в тон. — Мне легче, благодарю вас.

Господин в темно-сером не сдержал изумленного восклицания. Называть принца крови «сударь» было как минимум дерзко, а вообще-то очень опасно. Но Дэвин лишь улыбнулся.

— Раз так, тогда идем. Мой экипаж у входа.

Силы и желание сражаться покинули Джемму, когда они сели в экипаж и кучер хлестнул лошадей. Теперь она вещь. Рабыня. И не нужно объяснять, что бывает с дерзкими рабами, — Джемма прочла немало книг, чтобы понять: теперь она полностью зависит от настроения своего хозяина.

Она снова посмотрела на него. Дэвина — обязательно шепотом и с оглядкой — называли Принцем-вороной, королем без короны. Он был старшим сыном королевской четы, но, узнав о том, что ребенок — сильнейший маг, король Кормак тотчас же удалил его из очереди на престол.

Темноволосый и светлокожий, с карими глазами и острыми чертами лица, Дэвин в самом деле напоминал ворону — такую же, как на обложках страшных сказок. Джемме не хотелось думать о том, что случится, когда они приедут в его дом. Она прекрасно понимала, какова будет участь рабыни, и постаралась задвинуть эту мысль куда-нибудь подальше. Если об этом думать, то успеешь лишиться рассудка до того, как все начнется.

— Вы бледны, — заметил Дэвин, глядя, впрочем, не на Джемму, а на улицу. Она невольно поблагодарила его за это: когда Дэвин смотрел на нее, все в ее душе начинало звенеть и дрожать, к сердцу подкатывала боль, и горло стягивал ужас, не позволяя дышать.

— Я не вижу себя, — ответила Джемма. — Может быть, и бледна.

Всю ее одежду по-прежнему составлял полупрозрачный плащ, и это тоже было больно. Джемму воспитывали так, что открыть свое тело можно только будущему супругу — и сегодня ее увидела вся столица. Она знала многих, кто назначал за нее цену. Эти люди приходили гостями в дом ее отца, эти люди считались друзьями семьи, только у них хватило ума, чтобы не участвовать в перевороте.

И они видели ее почти обнаженной. Хотели купить. Это было настолько цинично и жестоко, что Джемме стало больно дышать. Она понимала, что никто из прежних друзей не купил бы ее, чтобы освободить. В такие дни люди будут всячески подчеркивать свою преданность королю, чтобы их дети не оказались на аукционе.

Ей хотелось плакать. Уткнуться лицом в ладони и выплеснуть из себя всю эту боль и грязь.

Дэвин неожиданно протянул к ней руку, и Джемма шарахнулась от него в сторону, забилась в угол, испугавшись, что сейчас-то, в экипаже, все и случится. Но он лишь усмехнулся, и Джемма, опомнившись от накатившего ужаса, увидела, что Дэвин протягивает ей белоснежный носовой платок.

— Да не тряситесь вы так, — устало посоветовал он. — Я вас не съем. И не сделаю с вами ничего предосудительного, можете мне поверить.

Джемма взяла платок, провела им по щеке. Дэвин оценивающе рассматривал ее, и Джемма чувствовала его взгляд, как осторожное прикосновение к коже. Ей казалось, будто он способен проникнуть в ее мысли и в те потаенные глубины сердца, которые она закрывала сама от себя и боялась туда заглядывать.

— Но вы мне пригодитесь, — уверенно сказал Дэвин. — Во многом наша с вами встреча — веление судьбы. Вы верите в судьбу, Джемма? В рок?

Джемма горько усмехнулась. Силу судьбы она познала на собственном опыте. Еще каких-то два месяца назад ее прочили в жены Алексу Абигалю, сыну одного из крупных чиновников. Он не был ее второй половинкой — но считался хорошей партией, которую было бы очень глупо упустить.

Но теперь ее отец мертв, сама она — рабыня, а Алекс, который так пылко клялся ей в любви, держа за руку и глядя в глаза, с ужасом отрекся от былых чувств и отношений. О да, она верила в судьбу!

— Да, — кивнула Джемма. — Да, верю.

Экипаж въехал в высокие резные ворота и вскоре остановился у белостенного особняка в стиле Первой республики: высокие окна, колонны, кружево балконов — все наполнено воздухом и солнечным светом, все так и дышит жизнью. Джемма никогда бы не подумала, что самый страшный волшебник страны живет в таком чудесном месте. Дэвину больше подошел бы черный замок с башнями, похожими на костлявые пальцы, что царапают синее горло неба, и чтобы внутри все заросло паутиной и пылью. Волшебники, о которых читала Джемма, жили как раз в таких пугающих и таинственных местах. А здесь, казалось, не было никакой тайны, просто дом, подходящий джентльмену высокого происхождения, который не имеет отношения к темной магии.

Расторопно подбежавший слуга открыл дверь экипажа и удивленно вытаращил глаза на Джемму. Должно быть, его хозяин прежде не привозил сюда девушек в рабских плащах. Дэвин протянул руку, на которую Джемме пришлось опереться, и, когда она вышла из экипажа, произнес:

— Так вот, что касается вашей участи, Джемма. Вы знаете, кто я?

— Самый могущественный темный маг за всю историю, — выдохнула Джемма. «Тот, кем пугают детей так, что они потом мочатся в постель», — мысленно прибавила она, но, разумеется, не сказала об этом вслух.

— Совершенно верно, — кивнул Дэвин. Он не выпустил руку Джеммы — так и повлек ее к гостеприимно распахнувшимся дверям. — Но любую магию требуется подпитывать, и сила невинной девы подходит для этого лучше всего. Вы ведь невинны, Джемма?

К щекам прилила кровь. Джемме стало трудно дышать от стыда. Впрочем, хозяин имеет полное право задавать рабыне такие вопросы. Особенно если заплатил за нее две тысячи крон.

— Да, — через силу ответила она. — Будь иначе, меня не продали бы за такие деньги.

Дэвин провел ее через просторную гостиную, богато обставленную изящной мебелью со светлой обивкой — мелькнули вышитые цветы и птицы, высокие расписные вазы, наполненные розами, старинная картина на стене. Они поднялись по лестнице, прошли по коридору, и Дэвин толкнул одну из дверей.

Войдя, Джемма невольно поежилась. Красивый дом оказался лишь маскировкой — настоящее обиталище ее нового знакомого было именно здесь.

Впрочем, обстановка завораживала. Выпустив ее руку, Дэвин прошел к большому письменному столу, заваленному кипой бумаг, а Джемма побрела вдоль стены, разглядывая чудовищные оскаленные маски с юга, разноцветные груды камней и кристаллов, небрежно сваленные на полки, мелкие птичьи скелеты. Самым интересным был маленький глобус — материки и океаны на нем не имели никакого отношения к тому, что рассказывали на уроках географии. Мелкие буквы на материках, впрочем, оказались знакомы, и Джемма прочла: «Eurasia».

Странное слово, от которого веяло чем-то пугающим. Больше всматриваться в глобус не хотелось.

Возле окна Джемма увидела маленький диван, небрежно застеленный пестрым одеялом. От волнения у нее свело живот, а сердце нервно забилося, словно пыталось вырваться и умчаться прочь. Значит, здесь все и будет. Джемме стало так жутко, будто ее швырнули в пропасть.

— И как вы собираетесь присвоить силу невинной девы? — поинтересовалась Джемма, стараясь держаться независимо и гордо.

У нее отобрали свободу и честь, но плакать и молить о пощаде она не собиралась. Встретить новое горе с достоинством и не склониться перед ним — вот все, что ей оставалось.

Дэвин снял сюртук, бросил его на кресло и, приблизившись к Джемме, негромко сказал:

— Ничего противоестественного. Не бойтесь.

Сейчас, когда он стоял почти вплотную, Джемма почувствовала его запах — аромат дорогого одеколона, смешанный с сухими травами, солнцем и теплом чужой кожи. Ей одновременно сделалось холодно и так жарко, что голова поплыла. Она не увидела — почувствовала, как Дэвин

осторожно потянул за шнурки, что стягивали ее плащ возле шеи.

Ткань с легким шелестом упала на ковер. Джемма вздрогнула всем телом, пытаясь подхватить ее, но маг придержал ее за руки.

— Тихо, — прошептал он. — Не бойся.

Джемма с трудом сдерживала слезы. Ей никогда не было настолько стыдно и горько. Правая рука Дэвина мягко легла ей на грудь — теперь сердце Джеммы билось в его ладони, словно пойманная птица. Осторожно подхватив ее левое запястье, Дэвин потянул ее к себе и положил руку Джеммы на свою грудь.

— Сердце к сердцу, — по-прежнему негромко произнес он. — Еще немного, потерпи. Это не больно.

Джемма успела уловить ладонью звонкое биение чужого сердца — а потом ее ударило в голову, и свет померк.

ГЛАВА 2

Все качалось и плыло. Джемма не знала, что с ней. Спит ли она, бодрствует или умерла? То над ней нависал потолок с наполовину облупившейся фреской, то вдруг выплывало окно, что выходило в пышный сад, залитый солнечным светом, то неожиданно появлялся глобус — живой, с дымящейся зеленью материков, пугающих неизвестными названиями, и прохладным шелестом волн.

Потом наполнила тьма. Наваливалась горячим тяжелым брюхом, подминала под себя — Джемма начинала задыхаться и звать на помощь, но никто к ней так и не пришел. Кажется, потом она расплакалась — от собственного бессилия, от боли, от того, что отец так поступил с ней. Отец ведь понимал, что в случае провала пострадает и он сам, и его семья, — и все равно остался с мятежниками. «Потому что джентльмены не предают друзей!» Зато предавать своих детей джентльмены, по всей видимости, могут. В этом нет ничего особенного...

— Тихо, тихо. Не плачь.

Голос Дэвина пробился сквозь тьму, и на мгновение Джемме стало легче. Она пошла за ним сквозь мрак — ей больше некуда было пойти.

Потом Джемма почувствовала осторожное прикосновение пальцев к лицу и окончательно пришла в себя.

Она лежала на диване, заботливо укрытая одеялом. Плащ рабыни по-прежнему валялся на полу. Дэвин сидел рядом с диваном, и одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: он свеж и полон сил. Джемме казалось, что над его головой кружатся маленькие искры.

— Это... все? — спросила она.

Дэвин улыбнулся, и Джемма неожиданно для себя самой отметила, что у него приятная, располагающая улыбка. В следующий миг она подумала, что с такой же улыбкой Дэвин запечатывал свою любовницу в ларец с медом. И отправлял полчища трехголовой саранчи туда, где теперь расположены Пустынные земли Дальнего Юга.

От одной этой мысли начало тошнить.

— На сегодня — все. — Дэвин снова одарил ее улыбкой и добавил: — Дух твоей невинности будет иметь силу еще несколько недель, так что я заберу ее пару раз.

«Пару раз», — повторила про себя Джемма и торопливо спросила:

— А что потом?

Допустим, Дэвин даст ей свободу. И куда тогда отправится Джемма? Отцовский дом перешел к казне. После того как все в столице узнают, чьей именно рабыней была Джемма, ее не возьмут ни в служанки, ни в гувернантки. Ее не примут ни в одном порядочном семействе. Даже если она найдет свою вторую половину, этот человек все равно отвергнет ее, и никто не упрекнет его в этом. Брать в жены шлюху Принца-вороны? Ну уж нет.

— Потом? — Дэвин пожал плечами. — Честно говоря, я не задумывался. Но я в любом случае устрою твою жизнь. Допустим, будешь жить со мной. Станешь, например, моей ассистенткой.

— Буду помогать вам запечатывать женщин в мед?

Слова сами собой слетели с губ, и Джемма подумала, что сейчас сама отправится в медовую гробницу. Однако Дэвин лишь усмехнулся.

— Тоже слышала эту бредовую сплетню? — осведомился он и презрительно добавил: — Ненавижу мед. Никогда его не ел и уж тем более никого в него не запечатывал.

Джемма невольно вздохнула с облегчением и тотчас же напомнила себе, что у Принца-вороны есть и не такие скелеты в шкафу.

— Я... — прошептала Джемма и вдруг призналась: — Я боюсь вас. Мне страшно.

В улыбке Дэвина появилась грусть.

— Это очень предсказуемо, — произнес он. — Меня все боятся. Даже мать отказалась брать на руки, когда увидела первые искры над моей головой.

Джемме стало стыдно.

Дэвин поднялся с пола и, пройдя к одному из шкафов, вынул темное шелковое одеяние, которое оказалось халатом с капюшоном.

— Вот, переоденься, — сказал он. — Завтра дам тебе денег на одежду, не будешь же ты вечно ходить в этом безобразии. А послезавтра... — Он на несколько мгновений уставился в потолок, затем кивнул. — Да, послезавтра мы уедем отсюда.

Джемма выскользнула из-под одеяла и торопливо нырнула в халат. Меньше всего ей хотелось, чтобы Дэвин разглядывал ее. Хотя... он уже успел увидеть все, что нужно.

— Уедем? — спросила Джемма, застегнув последнюю пуговицу. — Куда?

Дэвин усмехнулся.

— Мой король-отец отправит меня в ссылку, — сообщил он.

Джемма удивленно ахнула.

— Как в ссылку? Почему?

Она запоздало подумала, что задает слишком много вопросов. Рабыне следует быть послушной и говорить только тогда, когда хозяин изволит к ней обратиться.

— А что ему еще делать? — Дэвин прошел к столу, вынул из выдвижного ящика бутылку темного стекла и, вытянув зубами пробку, сделал большой глоток. В воздухе отчетливо повеяло вишней. — Едва он успел избавиться от своих врагов, как я притащил в дом дочь одного из них. Его величество будет в гневе.

Джемма удивленно посмотрела на него. Встревожен? Да вроде нет, держится спокойно и как-то привычно, словно не ожидает от отца другой реакции. Из тех пугающих слухов, которые бродили по столице, было ясно, что отношения отца и сына далеки от дружеских.

Но отправлять в ссылку? И не бояться того, что Дэвин, допустим, захочет остаться и использует для этого свою магию?

Глобус налился прозрачным синим светом. Джемме казалось, что на полке неторопливо вращается причудливое живое существо.

— Ничего! — ободряюще улыбнулся Дэвин, заметив, что Джемма окончательно растерялась. — Тебе в любом случае не о чем волноваться, все самое страшное с тобой уже случилось.

— А с вами? — спросила Джемма неожиданно для самой себя.

Улыбка Дэвина стала печальной.

— А со мной случился я, — ответил он. — Вот и все.

Дэвин даже удивился тому, насколько быстро государь узнал о его приобретении. Его величество Кормак прислал за сыном ранним утром. Еще даже не развиднелось, а офицеры внутренней охраны государя уже входили дом, нарочито громко топая каблуками.

Пытались развеять свой страх перед могуществом темного мага, но получалось у них плохо. Судя по выражению лица одного из храбрых военных, он боялся, что все: их вынесут отсюда в спичечном коробке.

Утро выдалось прохладным и свежим — Дэвин нырнул в него, как нырял в прорубь зимой, чтобы настроить течение своих магических полей, и подумал, что подложил государю свинью невиданных размеров. Конечно, любящие дети так не поступают. Несмотря на то что Дэвин был Принцем-без-короны, отец любил его. Пусть меньше, чем остальных своих детей, которым повезло родиться без капли магии, но все-таки любил.

Государь заставил его ждать в малой приемной, и Дэвин потратил четверть часа на рассматривание старинного гобелена. Мастера вышили на нем историю хрустального яблока, причем настолько умело, что фигурки казались живыми. Дэвин замер перед ними, как в детстве, когда смотрел на гобелен, прижав ладошку к груди, и в очередной раз понимал, что он не такой, как все. Порченный.

Душа человека — половинка хрустального яблока. Господь срывал яблоки в своем небесном саду, разделял их надвое и вкладывал в разных людей. Встретишь свою вторую половину — обретешь заветное счастье и подлинную целостность. Половинки соединятся в одно, и два человека очистятся от грехов, став такими, какими их замыслил Владыка земной и небесный. И жить они будут

счастливо. Долгими будут их дни и сладкими — ночи.

В груди Дэвина тоже хранилось хрустальное яблочко — его было видно, если посмотреть в особое магическое стекло.

Яблоко было целым.

Дэвин не раз и не два подходил к зеркалу с магическим стеклом, надеясь, что произошла ошибка и он все-таки увидит половинку, а не целый плод. Он менял стекла и зеркала. Яблоко оставалось целым. Возможно, именно оно и делало Дэвина тем, кем он был.

— Ну здравствуй, сын.

Дэвин обернулся к отцу, вдруг поняв, что так и не успел продумать, как себя вести. Держаться смиренно или в определенной степени дерзко? Сопrotивляться, ругаться или давать покорные обещания немедленно сплавить куда-нибудь эту несчастную Джемму? Будто в столице мало невинных девушек — только свистни, сразу толпа сбежится.

— Здравствуй, отец, — ответил Дэвин. — Что-то случилось?

Лицо государя дрогнуло. Высокий, сухощавый, начинающий лысеть, он напоминал святых подвижников, которых Дэвин видел в книгах. Ничего для себя, все ради страны и народа. Впрочем, это была только маска, и его величество Кормак с удовольствием носил ее, не отказывая себе в самых разных радостях. Например, в том, чтобы смотреть, как расстреливают мятежников. Или в том, чтобы отправить их детей на аукцион рабов.

За это государь недолюбливал Дэвина — Кормак прекрасно понимал, что сын видит его насквозь, и ему это не нравилось.

— Ее величество всю ночь не спала. Лейб-медик не отходил от нее, — сухо сообщил Кормак. — Даже странно, почему ты не жалеешь нервы своей бедной матери.

Дэвин пожал плечами. В отличие от отца, который поддерживал с сыном хоть какие-то отношения, ее величество Тесс демонстративно отказалась от ребенка. Она не могла родить темного мага, все это совершенно невозможно и даже неприлично.

Сначала Дэвин не понимал, почему матушка с такой любовью возится с другими детьми и отворачивается, стоит ему приблизиться к ней. Потом ему объяснили. Если отец любил своих детей вне зависимости от их изъянов, то ее величество все считали виноватой в том, каким родился первенец. За детей отвечает мать, это всем известно. Поэтому она отвернулась и делала вид, что Дэвина не существовало.

— Я не знаю, — сказал он, чувствуя, как в груди что-то дрогнуло.

Джемма, должно быть, уже проснулась. Дэвин запоздало пожалел о том, что не оставил ей денег на новую одежду, хотя и обещал.

Кормак прошел к дивану возле окна. Сел, устало вытянул длинные ноги. Дэвин в очередной раз подумал, что очень похож на отца: такой же высокий и тощий, такой же нескладный. Только у него темные густые волосы, в мать, а отец рыжеватый и уже начинает лысеть.

— Если ты владыка, то не принадлежишь себе, — произнес государь. — Не имеет значения, чего ты хочешь. Нужно делать то, что требует от тебя благо государства. Однажды оно потребовало, чтобы я женился на Тесс, хотя любил другую женщину. Недавно оно приказало, чтобы я убил тех, кто посягал на престол, и сделал бы это так, чтобы отбить охоту у остальных желающих. Понимаешь?

Дэвин усмехнулся. Отец оценил его усмешку по-своему, потому что вдруг поднялся и сделал несколько шагов назад-вперед, словно пытался скрыть волнение.

— Лишь один раз, — сказал Кормак, — я поступил не как государь, а как мужчина. Всего один раз. Хочешь знать, какой?

Дэвин пожал плечами.

— Какой? — спросил он.

Вертикальная морщина пересекла отцовскую переносицу, и он ответил:

— Когда оставил тебя в живых. Убить младенца, что может быть проще? Лейб-медикус увидел искры над твоей головой и сразу предложил принести подушечку. И он был прав! — Король остановился и с горечью посмотрел на Дэвина. — Но я этого не сделал. Я оставил тебя в живых, потому что ты был моим сыном.

Некоторое время они молчали. Дэвину казалось, что в груди что-то возится и скребется. Он хотел спросить у отца так много, что не мог подобрать слов.

Солнечный луч скользнул по стене. Господь на гобелене разделял хрустальное яблоко, чтобы вложить его половинки в первую пару людей. Дэвин вдруг понял, что именно нужно сделать и как себя вести.

Он кивнул. Перевел взгляд в окно — оно выходило в сад, и по яблоневетке прыгала беззаботная синица. В каком-то смысле купленная им Джемма была как раз такой птицей: возьмешь в руки и сможешь убить неосторожным движением. Или спасти. Дэвину хотелось спасать, а не убивать. Хватит с него страшных сказок и утопленных в меду дев.

— Я хочу, чтобы мои близкие поддерживали меня, — продолжал Кормак, опомнившись. Минута откровенности миновала. Бриллиант в кольце на указательном пальце поймал солнечный луч, рассыпавшийся алыми и синими бликами по стенам. — А если мой сын покупает на аукционе дочь моего врага, то это уже не поддержка. Это нож, который внезапно воткнули в спину всей семье. На глазах у всей столицы.

Дэвин вспомнил о том, сколько раз семья от него отрекалась, но решил не говорить об этом. Всегда следует понимать свое положение — это невероятно тонкая наука, не каждому под силу.

— Я не мог поступить иначе, ваше величество, — негромко произнес Дэвин. — Она — моя вторая половина.

Кормак посмотрел на него так, словно Дэвин его ударил, — звонко, с оттяжкой, вложив в удар всю свою силу. Дэвин молчал, просчитывая ситуацию. Вчера он выпил ту силу, которую хранила в себе Джемма, и сегодня собирался повторить процедуру. Забор сил вызвал возмущение магического поля, которое в течение полугода никому не даст проверить наличие ее половинки яблока. А раз так, то это давало шансы им обоим.

— Твое яблоко целое, — произнес Кормак, и Дэвин услышал в его голосе далекую горечь надежды и утраты.

Король смирился со своим разочарованием, но иногда оно все же причиняло ему боль.

— Совершенно верно, — кивнул Дэвин. — Целое. А у нее его вообще нет.

Кормак провел ладонью по лбу. Нахмурился, пытаясь переварить сказанное.

— Нет яблока? — переспросил он. — Ты уверен?

— Разумеется, я уверен! — воскликнул Дэвин. — Ты же не отрицаешь мои таланты в магии?

Государь не отрицал.

— Так вот, сперва я подумал, что она — какой-то магический курьез, — продолжал Дэвин. — Этакая любопытная диковинка. Потому, собственно, и купил: не люблю, когда интересные волшебные предметы проплывают мимо меня.

— И как ты узнал, что в тебе половинка ее яблока? — поинтересовался Кормак.

Дэвин почти слышал, как мечутся мысли в отцовской голове. Король не знал, что делать, но решение следовало принять максимально быстро.

— Есть несколько способов это обнаружить, — со знанием дела сообщил Дэвин. — Например, снять часть кожи с запястья, вот тут. Без обезболивания! И я взял лезвие, знаешь, такое изогнутое, с зубцом, надрезал ей кожу и потянул. Самое главное, чтобы кровь не выступила, но были видны мышцы...

Из коридора послышалось брезгливое восклицание — служба безопасности государя подслушивала. Все как обычно: Кормак любил сына, но не встречался с ним без охраны.

— Все, прекрати, не желаю слушать эту мерзость! — воскликнул он.

Дэвин улыбнулся: нет так нет.

— Она — моя вторая половина, — сказал он. — Это совершенно точно, ваше величество, и я не откажусь от нее.

Дэвин не мог сказать точно, что это было. То ли давнее упрямство и желание любой ценой добиться своего, которое из него с детства выбивали розгами, то ли простое стремление помочь сироте Джемме, потерявшей и семью, и свободу, то ли застарелый призыв хоть как-то насолить тем, кто

вычеркнул его из жизни. Он не знал, да это и не имело значения.

— Господь милосердный, как же Ты все закрутил со своими грешными созданиями... — проговорил Кормак и махнул рукой. — Ладно, иди. Я должен все обдумать.

ГЛАВА 3

Ночь прошла спокойно.

Служанка, которую приставили к Джемме, отвела ее в гостевую комнату — просторную, светлую и очень уютную. Там Джемма вдруг почувствовала мимолетное прикосновение прежней жизни. Она была не рабыней, а девушкой из благородного семейства и, допустим, приехала к кому-нибудь в гости.

Потом ей сделалось так горько, что Джемма чуть не расплакалась. Никогда она уже не будет девушкой из приличной семьи. Никто не пригласит ее в гости. Все кончено. Рабыня Принца-вороны вынуждена вести совсем другую жизнь.

— Вот, госпожа, ваша комната. — Служанка улыбалась, но взгляд был необычайно цепким и пронизывающим. — Если что-то потребуется, зовите Киру, Кира вам во всем поможет. Если хотите, Кира подберет вам что-то из одежды на первое время. У девушек найдутся платья и старые чулки.

Очарование мечты окончательно рассеялось. Джемма была не барышней, а рабыней. Потому-то эта Кира так на нее смотрит: пытается понять, почему она, свободная женщина, вынуждена прислуживать той, которую несколько часов назад привезли сюда в плаще невольницы.

И даже чулок у нее нет, вот незадача!

— Спасибо, — с искренним теплом ответила Джемма, и взгляд Киры смягчился. — Было бы замечательно.

Одежду ей принесли только утром — аккуратно положили на край кровати стопку с бельем и светло-синее платье, Кира принялась раздвигать шторы и между делом сообщила:

— Хозяина вызвали во дворец. С самого утра уехал. Быть беде, государь в гневе.

«Откуда бы тебе знать?» — хмуро подумала Джемма. Сегодня, когда волнение после вчерашнего дня улеглось, вернув ей свежесть ума и возможность размышлять спокойно и трезво, Джемма думала о Принце-вороне с определенным теплом. Он не мучил ее и не надругался над ней — Джемма прекрасно знала, что именно хозяева делают с рабынями, и у нее все леденело от страха, когда она думала о своей возможной участи.

Вспомнилось, как одна из подруг под строжайшим секретом передала Джемме книгу, которую утащила из родительской библиотеки. Помимо романа об отношениях господина и рабыни там были еще и цветные иллюстрации, одного взгляда на которые Джемме хватало, чтобы залиться краской стыда. Она читала книгу поздним вечером, у окна, и в душе смешивались предвкушение чуда и страх разоблачения...

Впрочем, зачем рабыня Дэвину? Он принц, пусть и без короны. Он всегда будет сыном своего отца, а это в первую очередь означает деньги и связи. Наверняка ему хватает внимания и интереса приличных и порядочных девушек. Хотя... Джемма задумалась, держа в руке чулок, аккуратно заштопанный у щиколотки. Его ведь бояться. Особенно после истории с девушкой в меду.

Но, видит Господь, ей он больше не казался страшным.

Дэвин вернулся перед завтраком — Джемма увидела, как его экипаж остановился возле дома и Принц-ворона выбрался оттуда практически в исподнем. Всю его одежду составлял шелковый халат поверх пижамы и домашние тапочки.

«Взяли прямо из кровати, — подумала Джемма. — Как меня».

Вспомнился тот день, когда она стала рабыней, — в спальне утреннем доме вдруг сделалось шумно и многолюдно. Джемму, которая смогла заснуть лишь на рассвете, вытащили из постели и поволокли по лестнице, как была, в одной ночной сорочке, придавая скорости ударами прикладов в спину. И она, не в силах опомниться, мысленно умоляла только об одном: «Господи, пусть я умру до того, как меня начнут мучить по-настоящему».

Но ее не мучили. Рабынь надо было продать за хорошую цену, а не портить.

Через час Джемму пригласили на завтрак с хозяином дома. Заплетя волосы в косу, она посмотрела на себя в зеркало и подумала, что та девушка, которой она была совсем недавно, уже никогда не вернется. Ушла легкая беззаботность, ушли надежды и мечты, оставив лишь горестную складку между бровями. Все кончено. Минувшее не оживет.

Дэвин сидел за столом и с удовольствием поедал омлет. Когда Джемма опустилась на стул, он молниеносным движением вынул из кармана круглое стеклышко в золотой оправе и, направив на

Джемму, радостно произнес:

— Ну вот, как я и предполагал. Ничего не видно.

Джемма узнала стеклышко: его использовали для того, чтобы рассмотреть половинку хрустального яблока в душе. Когда-то отец с матерью давали его Джемме, чтобы она взглянула: их яблоки были целыми, они нашли друг друга.

«Вот, дочка, — улыбаясь, говорила мама и с искренней любовью смотрела на отца. — Однажды и ты найдешь свою половинку».

Потом они обнимались, и Джемма верила, что однажды у нее тоже будет любовь — вечная, сильная, настоящая.

После смерти матери, которая за несколько месяцев сгорела от болотной чумы, все пошло кувырком. Отец утратил опору и пустился во все тяжкие — это в итоге и привело его к мятежному министру, а потом на площадь под пушечные ядра.

— А что вы хотите увидеть? — поинтересовалась Джемма.

— Твою половинку яблока, — ответил Дэвин. — Все в порядке, возмущения магических полей ее скрыли.

Служанка поставила перед Джеммой тарелку с омлетом, грибами и ветчиной. Мама никогда не позволила бы столько есть, тем более за завтраком. Девушка должна следить за фигурой, но теперь это уже не имело значения. Можно спокойно погрузить вилку в пышно взбитый омлет, наслаждаться вкусной едой и не думать о том, что благородная девица должна есть меньше птички.

— Зачем вам моя половинка яблока? — опасливо спросила Джемма.

Дэвин протянул ей стеклышко и предложил:

— Взгляни-ка на мое.

Джемма послушно поднесла стеклышко к правому глазу и какое-то время наблюдала лишь туманный силуэт на месте Принца-вороны. Затем в тумане за клубились тонкие дымные нити, и Джемма увидела, как из дыма к ней выплывает хрустальное яблоко. Круглое, прозрачное, с золотыми косточками внутри и слегка розовеющей тенью у черешка, оно было целым. Как ни всматривалась Джемма, она не могла увидеть ни единой трещины.

— Целое? — испуганно спросила Джемма, едва не выронив стеклышко. — Разве это возможно? Или вы...

Она хотела спросить: «Вы женаты?» — но осеклась. Ей сделалось так жутко, что какое-то время Джемма могла лишь смотреть на Дэвина, не произнося ни слова.

— Я таким родился, — беспечно ответил он. — Магический дефект... который сегодня позволил мне спасти нас обоих.

По спине проползла капля пота. Джемме казалось, что столовая куда-то уплывает от нее и она вот-вот упадет в обморок от страха. Что решил король? Почему Дэвин держится настолько свободно?

— Спасти? Но как?

— Его величество Кормак был разгневан, — сообщил Дэвин, и его улыбка на какое-то мгновение померкла. — Потому что принц, который покупает дочь бунтаря и приводит в свой дом, — это в каком-то смысле государственная измена, и с ним нельзя не согласиться. И я сказал ему, что ты — моя вторая половина. Что в тебе вообще не было никакого хрустального яблока. Ты моя, и я тебя никому не отдам.

Несколько долгих минут Джемма сидела молча, стараясь справиться с волнением. Кровь шумела в ушах, как морские волны, и в этом шуме слышалось: «Я не отдам... Я не отдам... Ты моя...»

— Он ведь все узнает! — прошептала Джемма. — Пусть сейчас моего яблока не видно, но потом-то!.. Все раскроется!

— Через полгода, — уточнил Дэвин, накалывая на вилку очередной шампиньон размером с куриное яйцо. — Но к тому времени ты уже шесть месяцев будешь моей женой.

Это прозвучало словно оплеуха, после которой наступает звонкая тишина. Джемма вздохнула, провела ладонями по лицу. Нет, надо опомниться, надо прийти в себя. В конце концов, что такого ужасного и непереносимого ей предлагают? Стать законной женой самого страшного темного

мага? Который растворит ее в меду или скормит собакам, если она будет сопротивляться?

— Вашей женой, — сокрушенно повторила Джемма.

Уже потом она заметила, что выражение лица Дэвина обрело привычную горечь, словно она чем-то задела его. Ну конечно, задела. Рабыне, дочери врага государства, следует принимать такое предложение с радостью и молиться, чтобы его высочество не передумал. А она испугалась и не смогла скрыть своего ужаса, хотя Дэвин не сделал ей ничего плохого, не обидел ни словом, ни действием.

Джемме сделалось стыдно.

— Вот именно, — кивнул Дэвин. — Надеюсь, до медовых ванн у нас все-таки не дойдет.

Принц-ворона оказался щедр — вручил Джемме свою чековую книжку и предложил ни в чем себе не отказывать. На мгновение Джемму укололо воспоминание: они с мамой отправляются за покупками, и отец, улыбаясь, говорит, вручая им свою чековую книжку: «Принарядитесь как следует, мои красавицы! Ни в чем себе не отказывайте! Пусть все завидуют моей жене и дочери!»

Это было горько, но Джемма с удивлением обнаружила, что горечь стала привычной.

— Не бойтесь, что я сбегу? — спросила она.

В конце концов, кто мешает ей купить все необходимое для путешествия, а потом поехать на вокзал и сесть в поезд, который увезет ее, допустим, на Дальний Восход? А там она сядет на корабль и уплывет на Маланийский архипелаг, к чайным плантациям. Или еще дальше, в края, где не заходит солнце.

Дэвин посмотрел на Джемму со странной смесью снисходительности и грусти. Он не делал ей ничего плохого — а она все равно хотела сбежать. Все равно куда, лишь бы подальше от него.

— Тебе некуда бежать по большому счету, — невозмутимо сообщил он. — Ты путешествовала только с родителями, верно? У тебя нет опыта перемещений по стране в тех условиях, когда за тобой охотится полиция. Ты не знаешь, где найти крышу над головой, да так, чтобы тебя не предали, не ограбили и не убили.

Джемма угрюмо посмотрела на него. Да, он был прав, и эта правота отдалась в ней густой тоской. Некуда бежать, ты рабыня. Беглых рабов ловят и забивают плетью насмерть, и тогда Дэвин уже не станет за тебя заступаться.

— Я пошутила, — проронила Джемма. — Никуда я не убегу.

Дэвин улыбнулся. Осторожно подцепил пальцами ее подбородок и несколько долгих минут смотрел в лицо так, словно пробовал прочесть мысли. Джемме казалось, что ее сердце падает куда-то вниз, во тьму, и там, в этой тьме, медленно крутится голубой глобус незнакомой планеты.

Она сама не знала, как устояла на ногах и не рухнула на ковер. Ноги подкашивались, во рту сделалось горько. Наконец Дэвин убрал руку и сказал:

— Я поставил маленькую систему безопасности на тот случай, если ты не пошутила. Решишь сбежать — она тебя задушит.

Джемма вдруг поняла, что ее левое запястье охватывает тонкая цепочка. Она подняла руку и увидела серебряный браслет, на котором красовалось маленькое бриллиантовое яблоко. Черешок украшала россыпь бледно-голубых топазов, в алмазной глубине парили рубиновые зернышки. Бесценная вещь.

— Спасибо, — прошептала Джемма, замороженная игрой света в яблоке. Она никогда не видела настолько изысканного украшения. — Оно прекрасно...

— Оно тебя убьет, если ты не будешь умницей, — сообщил Дэвин и, легонько стукнув Джемму по кончику носа каким-то очень милым, почти семейным движением, добавил: — Приятной прогулки!

Джемма и сама не поняла, как ее вынесло за дверь особняка. Она опомнилась уже за воротами, когда подумала, что перед ней лежит вся столица и можно притвориться, что ничего плохого не случилось. Да, Джемма сейчас в затрапезном платье и штопаных чулках, но через минуту она пройдет по улице, завернет в магазин и выйдет из него уже не рабыней в чужой поношенной одежде, а барышней.

Администратор магазина — важный, солидный и такой пузатый, что Джемма подумала: он, должно

быть, давно не видел собственных ног, — сперва прикрикнул на нее:

— А ну, пошла отсюда! Здесь не подают!

Джемма прошла в магазин, бросила взгляд на платья, выставленные на манекенах, и лишь затем ответила ледяным тоном, не оборачиваясь на администратора:

— Я от его высочества Дэвина. Подберите мне что-нибудь в духе мастерской Гальяни.

В ее прежней жизни ни один продавец не осмелился бы говорить с ней в подобном тоне — эта мысль в очередной раз заставила сердце Джеммы тоскливо сжаться. Однако упоминание его высочества заставило администратора подпрыгнуть и с удивительной для его сложения скоростью помчаться куда-то за витрины.

Вскоре вокруг Джеммы уже порхали продавщицы. Ей подобрали несколько платьев и шляпок, комплекты белья и удобные туфельки, и в примерочной, ощущая прикосновение дорогих тканей к коже, Джемма вдруг подумала: «Я никогда не буду прежней. Я могу нарядиться, как принцесса, но это не сделает меня свободной».

Бриллиантовое яблоко, знак ее рабства, словно подмигнуло с запястья: все верно, голубушка. И будь благодарна своему хозяину, что он надел на тебя серебро и драгоценные камни, а не ржавые цепи.

Выйдя из магазина уже в новой одежде, Джемма отправила посыльного с покупками в дом Дэвина и решила, что чашка кофе с пирожным — как раз то, что нужно, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Мама не разрешала Джемме налегать на сладкое, но раз в неделю можно было позволить себе пирожное с ягодами и трехслойным шоколадом, для хорошего настроения. И какой же это был праздник!

Погрузившись в воспоминания о матери, Джемма практически влетела в пышную компанию. Ее сразу же окатило смехом, запахом духов, веселыми голосами — опомнившись, Джемма увидела, что ее специально окружили так, чтобы она не смогла уйти.

— Джемма, дорогая!

— Ах, Джемма!

Клер Мюлин, Диана Хольцбрунн, Ника ван Ауфзен — все ее подруги из прошлой жизни. Когда-то они вместе проводили время в парке, читали, мечтали о кавалерах, даже гадали потихоньку. Сейчас Джемма видела, что от их былой дружбы не осталось и следа. Бывшие подруги видели в ней лишь неудачницу, над которой стоит поглумиться как следует — не отказывать же себе в удовольствии засадить рабыне несколько шпилек!

Хуже всего было то, что компанию девушкам составлял Алекс Абигаль, несостоявшийся жених Джеммы. Сейчас он смотрел свысока, и в его взгляде, в котором раньше была любовь и нежность, теперь плескалось искреннее презрение. «И эта девка чуть было не стала моей женой!» — почти кричал он.

— Мы так волновались за тебя! — воскликнула Клер. — Отец вчера видел тебя на аукционе. Две тысячи крон, подумать только!

— Небывалая щедрость! — поддакнула Ника. Ее голубые глазки так и горели от нетерпения и того возбуждения, которое обычно охватывало ее, когда их компания играла в карты. — Ты уже отработала ее, да?

Стайка компаньенок, которая держалась чуть в стороне от господ, подобострастно захихикала. «Началось», — подумала Джемма. Она не сможет выйти за ворота, не наткнувшись на того, кто захочет бросить в нее комок грязи.

Принцу-вороне никто не осмелится и слова сказать. Ему будут улыбаться, кланяться и радоваться, если он поклонится в ответ. Джемму станут старательно втоптывать в грязь.

— Да, Джемма, расскажи! — Диана практически приплясывала от нетерпения. — Как оно было? Как он тебя оприходовал? Не стесняйся, мы же подруги!

Джемма отстраненно подумала, что, будь она просто фавориткой или любовницей Принца-вороны, ей никто и слова не сказал бы. Но теперь она была всего лишь рабыней — а рабыня обязана выслушивать господ и улыбаться. И не сметь ни дерзить, ни перечить, ни защищаться.

Дружба? Сочувствие? Джемме стало смешно и горько.

Ее защитил браслет. Задавая свои мерзкие вопросы, Диана схватила Джемму за руку, словно

пыталась не позволить ей удрать, и улицу вдруг залило каким-то мертвенным голубым светом. В следующий миг девушек, Алекса и компаньонов отшвырнуло от Джеммы так, что они прокатились по тротуару и замерли на мостовой, как тюки рванья.

На мгновение Джемма испугалась, что они переломали все кости. Платье Ники задралось, открыв нижние юбки. Модный сюртук Алекса богато украсила грязная плюха. Компаньонки со стоном поднимались с мостовой, потирая ушибленные зады и бока и пытаясь понять, что же произошло. Мальчишка-письмоносец увидел лежащих людей и замер с разинутым от удивления ртом.

В Джемме пульсировал гнев. Когда Диана и Клер открыли глаза, то она отчетливо проговорила, чувствуя, как к глазам подступает яростный жар:

— Его высочество дал мне этот браслет на тот случай, если ко мне захочет прицепиться какая-то мерзость вроде вас. Он хотел вложить сюда заклинание неизбежной смерти, но я попросила его не делать этого. С таких, как вы, довольно будет и оплеух.

Джемма и сама не знала, откуда взялось это заклинание неизбежной смерти, — но прозвучало это настолько пронизывающе, что все побледнели. Ника забормотала молитву. Алекс смотрел на Джемму так, что она с испугом поняла: он в восторге. Ему нравился и ее гнев, и то, что за ней стоит могущественный покровитель.

— Советую больше ко мне не приближаться, — продолжала Джемма, глядя не на бывших подруг, а сквозь них. Словно на пустое место, точно так, как они смотрели на нее до этого. — В следующий раз синяками уже не отделаетесь. Кстати, Алекс, — Джемма взглянула в глаза бывшего жениха и на какой-то миг перестала дышать, — я искренне соболезную той девушке, которая станет твоей женой.

Джемма обошла лежавших и, выпрямив спину и высоко подняв голову, ровным шагом направилась в сторону особняка Дэвина, чувствуя, как глубоко в душе рвутся тонкие нити, которые соединяли ее и прошлое. Вскоре лопнула последняя нить, и ничего не осталось.

ГЛАВА 4

Джемма обнаружилась в саду. Девушка сидела на скамеечке возле маленького пруда, рядом с живописными золотыми брызгами круглых кувшинок, и Дэвин вдруг пожалел, что так и не научился рисовать. Поставить бы сейчас мольберт да изобразить свое несчастное приобретение в образе вечно плачущей нимфы Эвит.

Приобретение действительно плакало. Не краснея лицом, не всхлипывая — просто роняя слезы, словно Джемма и в самом деле была нимфой или наядой. Дэвин бесшумно прошел по тропинке, вышел к пруду, и девушка вздрогнула и обернулась.

— Вы... — прошептала Джемма. Смахнула слезы.

Дэвин хмуро подумал: все, что она чувствует сейчас, — это вежливое отвращение. Не шарахается, не осеняет лицо знаком круга, как впечатлительные столичные барышни при его появлении, но ее буквально переворачивает от того, что он подошел.

Дэвин сказал себе, что это неудивительно. Они знают друг друга всего лишь второй день, и конечно же девушка боится, учитывая все то, что она слышала о нем до этого.

— Наш мир пронизывают энергетические поля, — скучным тоном лектора за кафедрой произнес Дэвин. Часть из них — живые, творящие. Часть — некротические. Мертвые. Я использую в своей магии именно вторые. Такова моя природа. Есть люди, которые не переносят сладкое или молочное, оно их убивает. А есть маги, которые сплетены с некротическими полями мира.

Джемма шмыгнула носом. Испуганно посмотрела на него.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она.

Дэвин вдруг вспомнил, как торопливо и сбивчиво стучало ее сердце под его ладонью, какой теплой и мягкой была кожа, и подумал, насколько же это все-таки важно: почувствовать живое рядом.

— Затем, чтобы ты поняла, что я не злодей и не сволочь, — ответил он и сел на скамью.

Джемма вздрогнула, машинально пытаясь отстраниться, но все же не отодвинулась от него.

— Я так не думаю, — ответила она тем тоном, которым обычно говорят хорошо воспитанные девушки, и Дэвин почувствовал, что начинает злиться, сам не зная почему.

— Красивое платье, — сказал он, и Джемма тотчас же торопливо добавила, словно боялась, что он рассердится:

— Мне сделали большую скидку, когда узнали, что я от вас.

«Бедная девочка, — с далекой грустью подумал Дэвин. — Ты можешь купить всю столицу, это не опустошит моих сундуков».

Он осторожно подцепил сверкающее яблоко на ее запястье, всмотрелся в его прозрачную глубину и увидел, как в ней мелькнула тень.

— Был взрыв, — сказал Дэвин. В яблоке проплыли улица и люди в грязи. Барышни рыдали, компаньонки отряхивали их платья, молодой джентльмен с туповатым лицом и завитыми волосами пытался очистить модный сюртук от лошадиного навоза. — Эти люди обидели тебя?

— Эти люди когда-то были моими друзьями, — вздохнула Джемма. Еще одна слеза прочертила ее щеку. — Но теперь они... В общем, я поняла, что мы никогда не дружили по-настоящему. Так, проводили вместе время, потому что принадлежали к одному кругу. Вот и все.

Дэвин понимающе кивнул. Уж так устроен свет — стоит тебе сорваться и упасть, как бывшие друзья протянут не руки, чтобы поднять, а ноги, чтобы затоптать. Сегодня эти барышни и кудрявый кавалер потоптались по Джемме, и хорошо, что алмазное яблоко преподало им урок.

— А этот юноша в завитушках? — любопытствовал Дэвин. — Твой жених?

Джемма опустила голову еще ниже. На мгновение Дэвину сделалось невыразимо жаль ее. Ему захотелось протянуть руку, погладить ее по голове и плечам, утешить, но он понимал, что Джемма лишь шарахнется от него.

— Он забрал кольцо, — едва слышно ответила Джемма. — И официально заявил, что не желает иметь ничего общего с дочерью преступника.

Дэвин усмехнулся. Чего-то в этом роде он и ожидал. Благоразумные и добропорядочные стремятся как можно скорее отмежеваться от своих ошибок, а дружба и помолвка как раз и были ошибками.

Дэвину вдруг захотелось обнять девушку — просто взять и закрыть от той грязи, в которую ее сегодня пытались бросить. В голове вдруг мелькнуло: женись на ней, в самом деле, женись. Возьми ее в жены — не по какой-то бешеной страсти или любви, не пытаясь в очередной раз подложить отцу свинью, а из человеколюбия и понимания. Просто возьми и защити ее от этого мира и всей злобы, что его наполняет. Ее больше некому защитить.

— Если бы я был твоим женихом, — так же негромко сказал Дэвин, — то собрал бы денег и пошел тебя выкупать. И дал бы тебе свободу.

Впервые за все время Джемма посмотрела на него с неким проблеском интереса.

«— Но вы ведь и сейчас можете это сделать, — промолвила она, и глубоко в ее голосе прозвучала затаенная надежда. — Вы же теперь в некотором смысле тоже мой жених, если я правильно поняла то, что вы сказали государю».

Дэвину захотелось рассмеяться — настолько легко и непринужденно его поймали на крючок. Теперь Джемма смотрела на него неотрывно, с такой горячей надеждой, что ему делалось почти больно. Почему бы и нет, в конце концов? Нормальный, порядочный человек поступил бы так в первый же вечер.

Впрочем, Дэвин прекрасно понимал, что ему далеко до нормального и порядочного.

— Хорошо, — кивнул он. Ощущение было таким, словно он открывал клетку и выпускал птицу. — Ты свободна, можешь идти, куда захочешь, и распоряжаться своей судьбой.

Птица выпорхнула из клетки и полетела над прудом в сторону деревьев. Несколько минут у Дэвина звенело в ушах. Он покосился на Джемму — она сидела неподвижно, как изваяние, а потом вдруг взяла его за руку и сказала:

— Спасибо. Честно говоря, я не думала, что вы так поступите.

— Конечно, — усмехнулся Дэвин, — я же заливаю женщин медом, а потом ем. А еще оставляю шрамы на бедрах своих любовниц, по шраму за ночь любви. Просто потому, что мне так хочется. Про насланное на Вышневелинское княжество землетрясение и торфяные пожары в королевстве Мун даже упоминать не будем.

Джемма посмотрела на него так, словно он был психопатом, причем очень опасным. Дэвин замолчал, вздохнул.

— Я еще несколько раз возьму у тебя твою силу, — сказал он. — А пока дам работу, чтобы ты не переживала по поводу своих прежних подруг.

Взгляд Джеммы смягчился. «Она боится меня, — с грустью напомнил Дэвин. — Боится, только и всего. Что бы я ни сделал, страх не уйдет».

— Хорошо, конечно. Что за работа? — деловито осведомилась Джемма.

Ей, должно быть, не терпелось избавиться от его общества. Дэвин хотел было сказать: когда они пожениются — а это не обсуждается, они обязательно станут мужем и женой, — ей придется спать с ним в одной постели и выполнять супружеский долг, и там она уже не скроется за своим вежливым отращиванием.

— У меня есть старая лаборатория, — сказал Дэвин и указал в сторону особняка, который выглядывал из-за деревьев белой грудой сахара. — Там уже нет ничего опасного, зато есть много вещей, которые надо разобрать.

Во взгляде Джеммы снова появился страх.

— Я же не разбираюсь в магии, — опасливо промолвила она. — Как я буду наводить порядок в вашей лаборатории?

— Ничего сложного, — заверил ее Дэвин, вспомнив завалы своих черновиков. — Все бумаги в стопку и в один угол. Все, что в ящиках, — в другой. Полудрагоценные камни — в мешочки, их я тебе дам. Камни от птичьих и лягушачьих костей ты, я надеюсь, отличишь? Согласна?

Джемма посмотрела на него, и ее губы дрогнули в мягкой улыбке — той, с которой никто и никогда не смотрел на Дэвина.

— Хорошо, — ответила она. — Могу начать прямо сейчас.

Старая лаборатория Дэвина была царством пыли: судя по всему, сюда много лет никто не заглядывал. Первым делом Джемма открыла окно, а затем прошла в центр зала и осмотрелась.

Столы, заваленные бумагами. Бесконечные коробки, поставленные друг на друга. Три шкафа, заполненные — Джемма всмотрелась и осенила лицо знаком круга — человеческими скелетами в тусклых стеклянных ящиках. Россыпи сердоликов размером с кулак на полу. Какие-то портреты, приставленные к стене. Джемме казалось, что нарисованные люди двигаются, пытаются выбраться из рам.

Что-то чирикнуло над головой, и лабораторию залил свет. Джемма подняла голову и увидела, как под потолком размеренно кружит огромная золотая сова, освещая помещение. С перьев рассыпалась пыльца, и Джемма почувствовала, что ей стало легче дышать. Что ж, теперь можно и за работу.

— Я свободна, — сказала Джемма, чтобы наконец-то все осознать до конца.

Ее рабство было коротким, а Принц-ворона оказался к ней добр. Подвеска с яблоком теперь стала простым украшением, и она могла не бояться.

«Конечно, не бояться, — хмыкнул внутренний голос. — А твой возможный брак? Пойдешь замуж за его высочество?»

Джемма невольно поежилась. Сова по-прежнему парила под потолком, и Джемма спокойно складывала листы бумаги в стопку. Один из них вдруг привлек ее — Джемма подошла с ним к окну и прочла:

«Дорогая Эмми!

Ни о чем не волнуйся, я сделаю все для того, чтобы ты поправилась. Нужно просто потерпеть несколько дней, пока не вызреет смесь, и я сразу же отправлю ее тебе. Осложненный легочный жабе — редкостная дрянь, ты и сама это знаешь, но совсем скоро все будет хорошо. А пока посылаю к тебе пингвина в колбе, он обучен делать забавные штуки и обязательно поднимет тебе настроение.

Обнимаю тебя и целую.

Всегда твой,

Джемме стало не по себе, словно она заглянула туда, куда не имела права смотреть. Она отошла от окна, отложила письмо в стопку бумаг и на всякий случай накрыла его несколькими листками, испещренными чертежами.

Кто была эта Эмми? Жива она или умерла? И Дэвин был с ней совсем не таким, каким его привыкли видеть в столице. Не сгусток живого зла, а заботливый и любящий человек...

— Она умерла, — сказала Джемма вслух.

Сова встрепелась и усердно заработала крыльями, озаряя лабораторию. Да, эта Эмми умерла — будь иначе, она жила бы в этом доме с Дэвином, который любил ее. Нелюбимым так не пишут.

«Почему я так удивляюсь? — размышляла Джемма, усевшись на пол рядом с сердоликовой россыпью. — Он выкупил меня на аукционе и освободил на следующий день. Он не обидел меня ни словом, ни действием. Он заступился за меня перед королем».

Сердолики казались теплыми. Джемма взвешивала рыжие глыбы на ладони, и камни отзывались на ее прикосновение, наливаясь солнечным светом. В них проступали рыжие прожилки, похожие не то на сгустки крови, не то на рисунки. Вот цветок, а вот дракон. Постепенно все сердолики спрятались в бархатную ткань мешков, и Джемма уволокла их к стене.

Все равно ей было страшно. Человек, который мог хлопнуть в ладоши и вызвать ураган на другом конце света, как он это сделал с островной империей Шинь, не мог не вызывать страха. Да, он мог быть добр, но пока Джемма слишком мало и плохо его знала.

— Господи боже... — выдохнула она, слепо глядя туда, где нарисованный рыцарь в сверкающих доспехах пытался перекинуть ногу через раму и не мог этого сделать.

Если это не шутки и не попытка как-то одурачить короля Кормака, то она действительно может стать женой Принца-вороны. Страх, окативший Джемму, настолько глубоко проник в нее, что она снова опустилась на пол. Ей придется делить с ним ложе. Вряд ли его высочество Дэвин откажется консумировать их брак. Почему-то эта мысль внушала Джемме такой ужас, что она готова была

бежать — куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Джемма быстро взяла себя в руки. Пока она просто убирает старую лабораторию Дэвина и отдает ему свою силу, вот и все. У него наверняка есть те, кто ложится к нему в постель не со страхом, а с желанием. В конце концов, за последние несколько месяцев она пережила столько, что ночь с Принцем-вороной не самое страшное, с чем ей пришлось столкнуться. Ей следует быть благодарной, а не капризной.

Она вспомнила прикосновение чужой ладони к своей груди — властное, спокойное, уверенное. Вспомнила, как ровно билось сердце Дэвина под ее ладонью, и по спине вдруг побежали мурашки, а дыхание сбилось. На мгновение все тело сделалось каким-то чужим, неловким. Джемма снова подошла к окну, пытаясь успокоиться. С чего она вдруг так разволновалась?

Тут она и заметила шкатулку, что стояла на полу. Небольшая, выточенная из черного дерева, она мягко легла в ладони Джеммы. Завитки на крышке двигались, словно ветер шел по саду и прикасался к стеблям и бутонам роз на крышке. Маленький замочек давно проржавел — Джемме хватило лишь одного прикосновения кончиком пальца, чтобы он рассыпался серебристой пылью.

«Не надо было этого делать», — только и успела подумать Джемма.

Крышка откинулась сама, и лабораторию заполнил шелест и ииск. Какое-то время Джемма ничего не видела — шкатулку наполнял черный дым, он хлынул из нее лохматыми клоками, и сова под потолком издала протестующее уханье. Вонь была такой, что Джемму качнуло, и она едва не лишилась чувств.

Но дым рассеялся почти сразу же, и Джемма увидела, что дно шкатулки выстлано золотыми нитями, а на них извивается дракон. Увидев Джемму, он разразился недовольным щебетом и треском, а вокруг маленькой, почти квадратной мордочки поплыли струйки пара.

— Господи... — только и смогла прошептать Джемма. Послышался влажный хруст, и дракон с видимым усилием развернул слежавшиеся влажные крылья. Из ноздрей вырвались искры, и дракон вылетел из шкатулки.

Сначала он завалился набок, но потом выровнялся и помчался к окну, мерно взмахивая крыльями. Сова гневно заухала и помчалась за драконом, едва не сбив Джемму с ног. Заметив погоню, дракон прибавил скорость и превратился в золотую точку в небе.

Сова еще энергичнее заработала крыльями. Джемма выглянула в окно и увидела, как она летит в сторону королевского дворца.

— Боже мой... — только и смогла прошептать Джемма. — Я выпустила дракона!

ГЛАВА 5

Столицу накрыл ужас.

Потом, вспоминая об этом дне, Дэвин думал, что огромный город стал похож на коробку с кукольным театром, — и ребенок, хозяин коробки, смешал декорации и игрушки. Вот с визгом и криками бегут люди, волокут какой-то немудреный скарб и тотчас же бросают его — надо спасать не вещи, а жизнь. Вот мчатся охранные отряды на черных лошадях — на пиках развеваются алые флажки, на лицах солдат пляшет такой же ужас, как и у обывателей. Они должны спасать и защищать, но понятия не имеют, как это делать. Вот сориентировался полковник Хамин — его люди, вооруженные артефактами, уже несутся в сторону центра, чтобы развернуть магический щит над городом.

Дракон парил над столицей. Огромный и неуклюжий на земле, в небе он выглядел легким и изящным, словно геральдическое чудовище на щите. Он пока не нападал — парил высоко-высоко, примеривался. На его правом крыле Дэвин смог разглядеть алое пятно, и ему захотелось ударить себя по голове, да посильнее.

Идиот. Самонадеянный идиот. Десять лет назад он поймал этого дракона на юге, испепелил и запечатал в ларце, а потом бросил ларец в старой лаборатории и благополучно забыл о нем.

— Молодой человек! — сказал внутренний голос со скрипучими интонациями академика Пейнры-и-Валаскеса, который читал Дэвину лекции об истории магии. — Некоторые драконы способны возрождаться из пепла. От них и пошла легенда об огненном фениксе. Как вы могли забыть об этом, молодой человек, ну как вам не стыдно!

Если бы Дэвин сегодня не отправил Джемму разбирать завалы в старой лаборатории, то дракон просидел бы в ларце еще много лет. Может, и сдох бы там окончательно, а теперь — нет. Теперь он величаво машет крыльями над городом и ловит запахи, что поднимаются над домами, пытаясь вычленив дух королевской крови.

Такова натура драконов. Уничтожить владыку и воссесть на его престоле — именно этого они и добиваются, именно к этому драконов ведет их огненная природа. Что сейчас делает его величество Кормак? Пытается выехать из города или уводит семью в катакомбы под дворцом, куда не проникнет никакое драконье пламя?

Джемма! Жива ли она?

Дэвину не хотелось думать о предсказуемом ответе на свой вопрос. Дракон мог вырасти так быстро и до таких размеров только потому, что поглотил плоть и силу невинной девы. Все кончено. Его величество может быть спокоен.

— Па-аберегись! — услышал Дэвин и, подняв голову, увидел, как над улицами расплывается золотой туман: люди полковника Хамина установили-таки магический щит.

Если дракон выдохнет пламя, то щит отразит его — во всяком случае, Дэвину хотелось верить, что так и будет.

Когда он смог-таки добраться до дворца сквозь давку, толкотню и крики на улицах, дракон нанес первый удар. Дэвин не сразу понял, что случилось: вроде бы он только что вбегал в дворцовые ворота — и вот лежит на земле, воздух такой горячий, что нельзя дышать, а небо почему-то белое. Сквозь шум в ушах прорывался отчаянный звон — по всей столице ревели колокола, призывая божью милость и спасение.

Щита больше не было. Он разлетелся от драконьего пламени, а отдача оглушила всех магов и артефакторов в столице, в том числе и Дэвина.

С трудом поднявшись, Дэвин заковылял в сторону дворца. Его обгоняли бегущие люди в красной форме дворцовой стражи — оружие на изготовку, выполнять свой долг до последнего. Кто-то схватил Дэвина за рукав, и он увидел испуганное побелевшее лицо.

— Ваше высочество! Дракон!

Дэвин тряхнул головой, сбрасывая оцепенение. Обернулся — дома у площади превратились в пылающие развалины. Запах горелого мяса забивал ноздри. Дэвин посмотрел вверх — дракон сделался крошечным чернильным росчерком в небе и вдруг выплюнул ярко-красный цветок.

Это было красиво. Огонь медленно-медленно летел к земле, воздух наполнялся гулом, и Дэвин вдруг с невероятным спокойствием подумал, что сейчас все закончится. Для него, для отца, для всех. Дракон будет пировать человеческой плотью, сидя на развалинах.

Он поднял руку и смял цветок в горсти.

Это было больно — так, что на несколько мгновений Дэвин потерял сознание и снова рухнул на землю. Потом, опомнившись, он увидел, что дракон поперхнулся собственным огнем, который Дэвин отправил обратно в его глотку, и начал было заваливаться в сторону, но смог-таки выправиться.

Дэвин сумел отразить еще один удар — третий плевок огня рухнул куда-то за дворцом. Пламя встало до небес, какое-то время в мире не было ничего, кроме огня и боли.

— Ваше высо-о-о...

Человек в красной форме помог Дэвину подняться. Дракон величаво описывал круг над городом и собирал силы для четвертого удара. Земля качалась под ногами, пытаясь стряхнуть с себя горящие дома, от дворца бежали кричащие люди — служанки, письмоноscopy, повара, кто-то из помощников государя.

Над городом гремели колокола.

— Королева! — Кто-то, захлебываясь рыданиями и ужасом, схватил Дэвина за рукав. — Там королева горит! И младшие принцы!

Королева горит. Принцы горят.

В следующую минуту Дэвин уже бежал так, как никогда до этого не бегал. Дракон снижался — Дэвин не смотрел в его сторону, но знал, что брюхо зверя сейчас наливается красным огнем, готовится последний, самый страшный удар, который уничтожит весь центр столицы. Какая королевская кровь? Тут и пепла не останется.

Не оборачиваясь, Дэвин вскинул руки и швырнул заклинание — туда, в красное пятно на крыле, и сразу же второе — в брюхо.

Дракон взревел, и Дэвин не почувствовал — понял, что охвачен пламенем.

Боли почему-то не было. Дэвин закрыл лицо ладонями, и драконий огонь стек с него, почти не причинив вреда. А потом земля содрогнулась, и Дэвин не удержался на ногах и покатился по траве.

Мир дрожал и таял в огне. Колокола захлебывались своим голосом, плавись в пламени. Дэвину казалось, что он лишился плоти, — драконье пламя испепелило его тело, оставив лишь обожженную душу.

На какой-то миг лицо Дэвина лизнул свежий воздух, и он снова почувствовал себя и увидел, что бежит — туда, в пятое крыло, за этим сквознячком. Туда, где сейчас горят его мать, братья и сестры.

«Господи, помоги мне», — только и смог подумать Дэвин и простер руки в пламя.

Спустя несколько минут густой, какой-то неправильной тишины, он вдруг почувствовал, что может дышать. В голове было пусто и звонко — направленное заклинание, которое он швырнул перед собой, стряхнуло огонь с этой части здания. Дэвин качнулся, привалился было к стене — и услышал далеко впереди не то стон, не то плач.

Он поковылял вперед — что-то черное и грязное липло к ногам. Обгорелые останки мебели и детских игрушек казались призраками. Дэвин мотнул головой, сбрасывая оцепенение. Надо было идти. Надо было...

Дверь в покои матери. Дэвин толкнул ее и вошел.

Тесс сидела на полу возле распахнутого балкона, привалившись к стене и беспомощно запрокинув голову. Старших принцев не было — должно быть, уехали куда-то с отцом. Анхель и крошка Вера прижались к матери, и Дэвин опустошенно подумал, что все трое мертвы. Но, подойдя ближе, он увидел, что королева еще дышит, — и тогда его повлекла вперед та сила, что, должно быть, и звалась любовью. Он не знал точно.

Дэвин упал на колени рядом с матерью и энергично растер ладони. Надо было собраться с силами, которых почти не осталось. По капельке собирая ту магию, которая могла бы вернуть их, Дэвин механически отмечал, что здесь произошло. Когда все загорелось и пламя отсекло им выход на лестницу, Тесс и дети бросились к балкону, но надышались гарью и обмякли на полу без сил.

Над руками поплыли струйки серебристого пара.

— Я знаю, почему так дрожало, — сказал Дэвин и накрыл ладонью посеревшие губы матери,

которые никогда не целовали его. — Это дракон упал. Я убил его.

Какое-то время ничего не происходило, но потом Тесс вздрогнула всем телом и выпрямилась. Дэвин отвел руку — последние нити пара скользнули по лицу королевы, и туман в ее глазах начал таять. Анхель и Вера зашевелились, и девочка тотчас же захныкала.

— Я убил дракона, — повторил Дэвин, глядя на мать. — Все хорошо.

Несколько долгих секунд Тесс всматривалась в его лицо, а потом поймала руку Дэвина, прижала к губам и разрыдалась.

За Джеммой приехали вечером. Стоя в гостинной, она смотрела, как испуганный дворецкий впускает в дом офицеров охранного отряда в черных мундирах, и в голове было пусто и звонко.

Потом сквозь этот звон пробилась тоскливая мысль: «Дракон убил Дэвина. И меня возвращают к работоторговцам».

— Вы Джемма Эвилет? — уточнил один из офицеров, огненно-рыжий, с осунувшимся лицом, похожим на скорбную маску. Джемма кивнула, и он добавил: — Проследуйте с нами.

Джемма набралась сил, чтобы спросить:

— Что случилось?

«В чем я еще виновата?» — вдруг почти сорвалось с языка, но она больше ничего не сказала.

— Его высочество Дэвин при смерти. — Офицер старался говорить сухо и официально, но в его голосе звенела отдаленная дрожь искреннего горя. — Он хочет проститься с вами.

«При смерти, — повторила Джемма. — Хочет проститься».

Ее вывели из дома, усадили в экипаж, и тогда Джемма словно стряхнула с себя оцепенение. Ей сделалось так страшно, будто эти люди везли ее не к Дэвину, а в тюрьму.

Возможно, так и будет. Вряд ли кто-то пожалеет дурочку, которая собственноручно освободила дракона. Стоя на балконе особняка Дэвина, Джемма видела, как пылает центр столицы. Ветер был тугим и горячим, он нес запах крови, пепла и сгоревшей человеческой плоти — такой жуткий, что волосы на руках поднимались дыбом.

А потом дракон поперхнулся пламенем и рухнул на город — Джемма почувствовала, как дрогнула земля.

— Его высочество убил дракона, да? — осторожно спросила она у рыжего офицера, который сидел напротив.

Он снял фуражку, провел ладонью по лбу и ответил:

— Да. Убил.

— Ранен? — Джемма сама удивилась тому, как вдруг задрожал ее голос.

Офицер кивнул.

— Медикус говорит, отдача магических полей. И он сильно обгорел, когда спасал королеву с детьми.

«Спасал королеву», — повторила Джемма.

Дэвин бросился в огонь к матери, которая отвергла его, ни разу не взяв на руки, — а его при этом называют самым страшным и темным, его именем и делами пугают... Офицер словно прочитал ее мысли, потому что негромко добавил:

— Он герой. Если бы не он, то...

Джемма понимала. Если бы не Дэвин, который встал против дракона, то на месте страны была бы выжженная пустыня. И дракон пировал бы на развалинах, пожирая человечину.

— Патриарх велел служить по его высочеству, как по святому мученику. Спасителю людей, — сказал офицер, и Джемма ахнула:

— Он же еще жив!

Офицер горько усмехнулся.

— Медикус сказал, что он не доживет до утра.

Только теперь Джемма подумала о том, что же будет с ней, когда Дэвин умрет. Куда ей идти? Что делать?

«Я освободила дракона, — с болью и стыдом подумала Джемма. — Это я во всем виновата. Только я одна».

Она опомнилась только тогда, когда экипаж въехал в распахнувшиеся ворота Летнего дома — второй резиденции его величества. Вечерело; вдоль подъездной дороги выстроились слуги, облаченные в траур. От факелов, которые они держали в руках, тянулись растрепанные черные ленты дыма.

«Это все, — подумала Джемма. — Это все».

Ее быстро, почти бегом провели на второй этаж. Мелькнули статуи, колонны, мраморная лестница, устланная пушистым алым ковром, похожим на высунутый язык, — и вот слуга открывает двери покоев. Джемма вошла — медленно, словно ее тянули на ниточке.

Вот белая кровать. Человек, который на ней лежал, казался сломанной куклой — перебинтованные руки поверх одеяла, растрепанные темные волосы, лицо в ссадинах. Возле правого виска танцевал золотой кузнечик-артефакт: то запускал лапки в волосы, то начинал поглаживать лоб. Он лечил, вот только толку от его лечения не было.

Джемма сделала еще шаг, чувствуя, как горло сдавливает спазм.

— Джемма, — услышала она и, почти упав на край кровати, взяла Дэвина за руку.

— Это я, — прошептала Джемма.

Лицо вдруг сделалось мокрым, и она подумала: «Господи, как странно. Вчера я не могла смотреть на него без ужаса, а теперь он умирает и я плачу...»

— Хорошо... — Глаза Дэвина были закрыты, едва слышный шепот летел из потрескавшихся губ, и Джемме казалось, что она говорит с мертвецом. — Сейчас придет... священник.

— Дэвин, — прошептала Джемма и вдруг уткнулась лбом в его руку. — Дэвин, не умирай, пожалуйста...

Она не знала, что еще сказать. Мысли путались. Единственный человек, который был к ней добр после гибели отца, сейчас уходил от нее — Джемма почти видела темную фигуру Принца-вороны, которая неторопливо брела по радужному мосту, что ведет от жизни к смерти и суду божьему.

Не удержать. Не поймать. Еще немного — и она останется совсем одна.

— Мы... поженимся. — Сиплый шепот стал громче. — Он обвенчает нас.

— Дэвин... — только и смогла выдохнуть Джемма.

О чем он говорит? Какое венчание? Как вообще можно венчаться в эту минуту? Это казалось неправильным и диким.

— Не спорь со мной. — Пальцы Дэвина сжались на ее руке, и голос немного окреп. — Ты унаследуешь состояние и имя. И будешь жить дальше...

«Я стану какой-нибудь герцогиней. — Джемма чуть не рассмеялась: настолько нелепой была эта мысль. — Прелестная вдова с состоянием и титулом. Алекс немедленно прибежит свататься».

От мысли о бывшем женихе начинало тошнить.

Она положила руку Дэвина себе на грудь. Как он говорил — сердце к сердцу? Джемме казалось, что комната плывет, что весь мир, пропахший гарью и драконьей вонью, утратил опоры и летит куда-то прочь от нее.

— Моя сила, — сказала она. — Дэвин, возьми мою силу. Пожалуйста.

Лицо Принца-вороны, наполненное восковой безжизненной серостью, дрогнуло, и Джемма почувствовала легкий укол в ключицу — так иногда ударяет сломанный артефакт, если взять его без перчаток. Она услышала, как открылась дверь и кто-то вошел, но не могла обернуться.

Над всклокоченной головой Дэвина проплыло облачко искр. Дрогнули веки; Принц-ворона открыл глаза — темные, мутные, похожие на грязные стекляшки. Джемма чувствовала, как что-то в ней движется к нему — прорывается сквозь кожу, пульсирует в венах, скользит в волосах.

— Дэвин, — услышала она незнакомый мужской голос.

Мертвый взгляд Дэвина прояснялся; рука выскользнула из пальцев Джеммы.

— Ваше величество, — произнес Принц-ворона. — Прошу, не мешайте мне.

Джемма обернулась. Возле кровати стоял священник — кругленький, румяный, испуганный. Ларец со святыми дарами в его руках заметно подрагивал: святой отец волновался. У дверей Джемма увидела того человека, которого восставшие собирались повесить, — его величество Кормак сейчас казался мрачным памятником самому себе.

От его взгляда Джемме одновременно сделалось холодно и жарко. Она смотрела на короля, не в силах отвести взгляда. Человек, который приказал убить отца и сделать ее рабыней, — вот он стоит, смотрит горестно и с какой-то привычной усталостью, словно не ожидая ничего другого.

— Я сделаю так, как сочту... нужным, — отчетливо проговорил Дэвин.

Джемма сидела, боясь шевельнуться. Но король лишь вздохнул и ответил:

— Главное выживи. Хорошо?

ГЛАВА 6

Дэвин проснулся от того, что на подоконник села птица и негромко чирикнула. Хохлатая красногрудка — ее величество их любила и всячески привечала, устраивая в саду кормушки и домики для птиц.

Он открыл глаза — в самом деле, красногрудка. Птица заметила, что Дэвин смотрит, снова чирикнула и была такова.

«Я жив», — устало подумал Дэвин. Тело казалось чужим — неповоротливым, тяжелым, наполненным болью. Вчерашний день был далеким, похожим на сон. В воздухе плавали царапающие нотки гари.

«Я жив», — повторил Дэвин, перевел взгляд на кресло. Джемма спала, свернувшись в нем калачиком, кто-то из слуг заботливо прикрыл ее тонким одеялом.

Странно, Дэвин был уверен, что его величество выволочет Джемму из комнаты за волосы. Но Кормак лишь встал в стороне и махнул рукой священнику: начинайте, время дорого.

— Мы собрались здесь пред лицом Господа и при достойном свидетеле. — Священник испуганно кашлянул, покосился на государя; Кормак стоял, словно памятник самому себе, смотрел во тьму в распахнутом окне. Священник снова кашлянул и продолжил: — Чтобы сочетать законным браком этого мужчину и эту женщину.

Должно быть, государь просто не стал спорить с последней волей умирающего героя. Если человек убил дракона и спас столицу от разрушения, а людей — от мучительной гибели, то он имеет право жениться на ком угодно. После похорон Джемму, конечно, не примут при дворе, но и не лишат состояния и имени. Вдова героя есть вдова героя — народ не поймет, если ее выбросят на улицу в рубище. И Джемму сошлют куда-нибудь в резиденцию в Западных землях, будет там жить потихоньку...

Дэвину хотелось напоследок сделать что-то хорошее. Остаться в чьей-то памяти не чудовищем, а спасителем.

— И я спрашиваю тебя... — священник покосился на Джемму, она прошептала свое имя, — Джемма из семьи Эвилет. Согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, любить его, разделять с ним счастье и невзгоды, пока не разлучит вас Господь?

Лицо Джеммы дрогнуло, и по щеке пробежала слезинка. Пальцы, сжимавшие руку Дэвина, стиснулись сильнее.

— Да, я согласна.

Священник кивнул, посмотрел на Дэвина.

— Тогда я спрашиваю тебя, Дэвин из семьи Иглангаров. Согласен ли ты взять в жены эту женщину, любить ее, разделять с ней счастье и невзгоды, пока не разлучит вас Господь?

«Должно быть, это будет самый короткий брак в истории», — подумал Дэвин и прохрипел:

— Да, я согласен.

Священник вздохнул, понимая, что через несколько часов будет доставать в этой комнате святые дары и отпевать мертвеца.

— Тогда, дети мои, я объявляю вас мужем и женой, — с искренним теплом промолвил он. — Любите друг друга, живите счастливо. Пусть Господь даст вам долгие дни и наполнит светом и надеждой.

Джемма всхлипнула. Кормак кивнул и бесшумно покинул комнату.

Скрипнула дверь, и Дэвин услышал опасливый шепот:

— Еще спят, ваше величество. Но он жив, хвала Господу!

Дэвин перевел взгляд в сторону дверей и увидел испуганное личико служанки. За испугом крылось любопытство. Ох, сколько же сплетен сегодня поползло из дворца по столице! Самый страшный темный маг убил дракона и женился на бывшей невольнице и дочери бунтовщика! Взял в законные супруги ту, которую позавчера привез с аукциона невольников! Разговоров хватит на год, не меньше.

Служанка нырнула в коридор, уступая место, и в комнату заглянула Тесс — живая, здоровая,

встревоженная. Дэвин с искренним удивлением обнаружил, что эта тревога — о нем. Это было настолько странно и непривычно, что он ощутил знобящее беспокойство.

— Ваше величество... — прохрипел Дэвин, и Тесс скользнула в комнату и махнула рукой.

— Молчи, тебе нельзя разговаривать.

Джемма шевельнулась в кресле, просыпаясь, и тотчас же села, не сводя с государыни испуганного взгляда. Должно быть, она и в страшном сне не могла представить, кто однажды станет ее свекровью. «Такой муж, как я, наверное, еще страшнее», — подумал Дэвин и сказал:

— Мне уже легче.

Некоторое время Тесс смотрела на него, и Дэвин чувствовал, что мать растеряна и потрясена. Возможно, впервые в жизни она по-настоящему не знает, что делать. Когда-то долг и семейная честь приказали ей отречься от старшего сына и вычеркнуть его из жизни — и вот он спас ее и младших детей от неминуемой гибели, он убил дракона и стал героем, и Тесс понятия не имела, как ей теперь себя вести.

— Слава богу, — ответила она. — Я рада, что ты жив... Дэвин.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Дэвин.

В горле заскреблись невидимые когти. Тесс улыбнулась: это был обычный вопрос, и можно было вести себя привычно, по-светски.

— О, прекрасно! — ответила она. — Никто из королевской семьи не погиб, старшие дети были с отцом в Северном дворце. — Тесс сделала паузу и добавила уже другим тоном, намного искреннее: — Все очень благодарны тебе. Вся столица молится за твое выздоровление.

Дэвину удалось улыбнуться. Те люди, которые осеняли лица знаком круга и едва не мочились в штаны от страха при его появлении, теперь бьют поклоны в храмах — и это тоже совершенно искренне. Как переменчиво людское мнение, надо же. Для этого надо всего лишь убить дракона.

— Надеюсь, что оно будет скорым, — произнес Дэвин и понял, что на сегодня с него хватит разговоров: вместо голоса вырвался сип. Перед глазами все поплыло, и он откинулся на подушку.

— О, разумеется! — преувеличенно весело откликнулась Тесс. — Его величество сегодня отправит тебя с супругой в Элонгар. Говорят, что тамошний климат целителен для волшебников.

Дэвину захотелось рассмеяться. Быстро же действует государь. Очень быстро.

— Благодарю за заботу, ваше величество, — прошептал он и закрыл глаза.

Кормак нашел выход, который устроит всех, и его самого в первую очередь. Элонгар был страшной глушью, которая поглотит всю память о неудавшемся сыне. Государь был на диво предусмотрителен. Сегодня народ молится за здоровье героя и спасителя, а завтра начнет задавать вопросы о том, почему бы не вернуть этого героя в очередь на престол. По праву рождения и по воле народной — была такая старая формула, почти забытая, но не отмененная.

И то, что жена этого героя — дочь казненного мятежника, тоже придется людям по нраву. А вот его величеству — нет. Поэтому героя отправят на край света. Пусть поправляет здоровье и не высовывается. Скоро все обо всем забудут под грузом насущных проблем.

Он не услышал, как подошла Джемма, — почувствовал, как его взяли за руку.

— Как я и обещал, — произнес Дэвин. — Мы отправляемся в изгнание.

Стараниями дворцовых врачей уже к обеду Дэвин мог сидеть, на его лице появился румянец, а взгляд прояснился — этого было достаточно, чтобы к трем часам пополудни его и Джемму доставили на вокзал и погрузили в специальный поезд. Один из вагонов был превращен в уютную спальню; когда слуги устроили Дэвина в кровати, то Джемма заметила на столике свежую газету — передовица сообщала о том, что героический победитель дракона отправляется на Дальний Север, поправлять здоровье в исконно магических землях.

Вторая страница была посвящена тому, как тушу дракона разделявают для Министерства магии. На последней краткая заметка сообщала о бракосочетании его высочества Дэвина и Джеммы Эвилет — рядом со статьей о том, что в Абервилле состоится выставка знаменитого художника Матиаса Штрубе, который уже несколько месяцев работает на севере.

Джемме сделалось противно. Устроившись в маленьком кресле в углу, она смотрела, как вокруг Дэвина суетятся слуги, и думала о том, как ее жизнь в очередной раз изменилась. Несколько дней назад она была рабыней. А сейчас — ее светлость, супруга принца. Крошечную заметку о ее свадьбе все знакомые зачитают до дыр. Бывшие подруги и бывший жених, которых волшебное яблочко извляло в конском навозе и грязи, мигом забудут все свои обиды и сделают все, чтобы вернуть дружбу.

Дэвин теперь был народным героем. Семья такого человека способна поднять до недостижимых высот.

— Все готово, ваша светлость.

Джемма сперва не поняла, к кому слуга обращается с таким почтением. Дэвин задремал в кровати, поезд готов был отправляться на Дальний Север. Из уроков географии Джемма помнила, что Элонгар, старинная королевская резиденция, находится в такой дикой глуши, которая способна похоронить любого героя и любую историю.

«Хорошо, что нас ссылают. А могли бы и подушкой придушить и сказать, что герой и спаситель скончался от ран, — подумала Джемма и сразу же поняла: — „:Ваша светлость“ — это теперь я».

Ей сделалось как-то неловко. Слуга по-прежнему смотрел на нее, почтительно склонив голову.

— Спасибо, — кивнула Джемма. — Когда отправление?

— Через пять минут, ваша светлость, — ответил слуга с тем же искренним уважением.

Джемма подумала, что к их семье действительно будут относиться с пиететом. Убийца дракона, который сочетался законным браком с дочерью бунтаря, что отдал жизнь за народное счастье. Поэтому их и ссылают.

— Благодарю вас, — сказала Джемма. — Если что-то понадобится, я позову.

Слуга поклонился и вышел.

Джемма посмотрела в окно: перрон был пуст, если не считать нескольких вокзальных служащих, занятых таблицей с расписанием. Вроде бы никто не пришел проводить изгнанников, но Джемма понимала, что за королевским поездом сейчас следит множество глаз. Скоро его величеству Кормаку доложат, что сын, угроза для его престола, наконец-то отправился прочь из столицы, и королевская семья вздохнет с облегчением.

Вагон мягко вздрогнул, качнулся и едва заметно отплыл от вокзала. Джемма смотрела, вспоминая, как давно, в детстве, они с мамой уезжали на юг — отец провожал их, шел по перрону и мягко махал рукой. Воспоминание было похоже на сон — добрый, тихий, который давно забылся, а теперь вдруг вспомнился...

Поезд набирал скорость. Дэвин спал. В дверь легонько постучали, и слуга вкатил столик с накрытым обедом. Только теперь, посмотрев на фарфоровую супницу с ароматным свекольным и большое блюдо с жареной курицей в окружении овощей, Джемма поняла, насколько проголодалась.

— Дэвин, — негромко позвала она, — будешь обедать?

Он не откликнулся. Во сне его лицо по-прежнему было усталым и строгим, и Джемма вдруг подумала о своем новоиспеченном муже с искренней жалостью и пониманием. Он рисковал жизнью, чтобы спасти город, — а его вышвырнули, едва он пришел в себя. Он сделал своей законной женой девчонку, которую знал всего пару дней, — и поступил так, чтобы защитить ее.

Джемме захотелось плакать.

— Что там? — услышала она шепот.

Дэвин открыл глаза, и его взгляд был спокойным и живым.

— Свекольник и курица, — ответила Джемма. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — улыбнулся Дэвин и попробовал есть. Джемма бросилась было ему на помощь, но он остановил ее предупредительным жестом.

— Я сам, — сказал Дэвин и, сумев-таки есть, откинулся на подушку. — Давно мы едем?

— Четверть часа. — Джемма подкатила к кровати столик с едой и спросила: — Что будешь?

Дэвин попросил супа и резко отказался от предложения Джеммы покормить его. Она налила

свекольника в глубокую тарелку и сказала:

— Я понимаю, что твоя гордость не велит тебе чувствовать слабость. Но сейчас не тот момент, чтобы быть таким упрямым.

Дэвин посмотрел на нее и вдруг рассмеялся так, словно Джемма сказала ему что-то уморительное.

— Это не гордость, — ответил он на ее вопросительный взгляд. — Это желание скорее подняться на ноги. А значит, не надо жалеть себя и давать спуску.

Джемма решила не спорить.

На обед ушло чуть больше часа — за это время поезд успел покинуть равнинную часть страны, и нить железной дороги потекла среди лесов, озер и болот. Солнце дотрагивалось до верхушек сосен, в кронах деревьев перепархивали с ветки на ветку птицы, а однажды Джемма заметила огромного лося с разлапистой короной рогов, который вышел посмотреть, может ли поезд стать его соперником на время гона.

— Я читала, что там красивая природа, — сказала она, когда Дэвин отодвинул тарелку и устало откинулся на подушки.

— Да, — ответил он. — Я был там в детстве. Леса, реки, животные... Однажды я вышел из дома и увидел на крыльце медведя.

Джемма ахнула удивленно и испуганно.

— Медведя?

— Ну да, — улыбнулся Дэвин. — Они очень любопытны. Вот и тот медведь решил посмотреть, что у людей и как. А потом...

Он не договорил, снова задремав. Слуга заглянул в дверь, вывез столик с посудой и негромко спросил у Джеммы:

— Что-то еще, ваша светлость?

— Нет, спасибо, — ответила Джемма, и дверь за слугой закрылась.

Несколько часов до заката она провела в кресле у окна — сначала читала о том, как ученые маги разделяют дракона, потом просто смотрела на болота за окном. Постепенно солнце скрылось за деревьями, вагон наполнили сиреневые сумерки, и в углах ожили золотые колибри — замахали крылышками, наполнив спальню приятным тихим светом.

Джемма вдруг подумала о том, что сейчас кто-то древний и могущественный смотрит на поезд со стороны болот, и свет в окне влечет его, как того медведя. Она задернула шторы и услышала голос Дэвина:

— Ложись спать. Ты устала.

Джемма обернулась на него, вздрогнув не то от страха, не то от какого-то неудобства, что ли.

«Чего бояться? — ожил внутренний голос. — Все девушки ложатся в постель с мужьями».

— Я... — начала было Джемма и поняла, что не знает, что и как сказать, чтобы не обидеть Дэвина. — Я пока не хочу.

Дэвин усмехнулся. Пожал плечами.

— Ну смотри. Болотник тебя увидит и захочет сцапать. А тут — их вотчина.

— Болотник?! — переспросила Джемма.

Казалось, Дэвин прочитал ее недавние испуганные мысли о таинственных обитателях здешних краев.

— Да, болотные бесы, — ответил Дэвин. — Их тут полчища, я уверен. Вынюхивают неспящих, навешивают на них лихорадку.

— Ты надо мной смеешься! — обиженно воскликнула Джемма.

Дэвин улыбнулся так, словно она раскрыла все его замыслы.

— Ложись, — сказал он. — Спи и ничего не бойся.

Услышав слово «спи», двое из четырех колибри сложили крылышки, и сумрак в вагоне сделался еще гуще. Стараясь не смотреть в сторону Дэвина, Джемма быстро вынырнула из платья и скользнула под одеяло. Постель была мягкой, белье — прохладным, и, свернувшись калачиком, Джемма почувствовала, как утекает ее усталость.

Прикосновение чужих пальцев к коже под ключицей пришло к ней в тот миг, когда она почти провалилась в сон.

— Я возьму самую малость, — услышала Джемма негромкий голос. — Спи.

ГЛАВА 7

Джемма проснулась оттого, что по крыше вагона кто-то пробежал.

Она вздрогнула, села в постели. Вагон был погружен во тьму — такая же тьма царила за окнами, едва подсвеченная полной луной: на шторе Джемма видела ее бледное размытое пятно. Дэвин спал — обернувшись в его сторону, она увидела темные волосы, которые разметались по подушке, и руку поверх одеяла.

Снова слышались шаги. Кто-то маленький, явно не больше ребенка, бегал по крыше вагона. Но какие дети могут объявиться в этих безлюдных болотистых землях?

Джемма почувствовала прикосновение страха — липкое, холодное, как лягушачья лапа. Незвестный вновь пробежал по крыше, и Джемма с ужасом поняла, что теперь их двое. Слышался смех — едва различимый, хриплый, неприятный.

— Господи боже... — прошептала Джемма.

Когда-то мама рассказывала, что молитва отпугивает любую нечисть, но те, кто бегал по вагону, лишь громче рассмеялись.

— Ха-х-х... Молитс-ся-а! — услышала Джемма. — Щ-щекотно-о!

В ночи рассыпался мерзкий смех. «Болотные бесы, — подумала Джемма. — Те самые, о которых говорил Дэвин. Это они. Ищут тех, на кого можно насрать лихорадку».

Знал ли его величество Кормак об обитателях болот, через которые проложена дорога? Возможно, знал — и надеялся, что Дэвин подхватит от них лихорадку, которая окончательно сведет его в могилу. Джемма была уверена, что от короля им не стоило ждать ничего хорошего, даже если он действовал якобы в интересах сына.

Джемма выскользнула из-под одеяла. Бесшумно прошла по вагону, прикидывая, чем можно защититься. А вот и подставка с кочергами возле маленького камина — Джемма осторожно вытянула одну из них и аккуратно отодвинула краешек шторы.

Никого. Поезд летел сквозь ночь мимо огромного озера — над темной зеркальной гладью завивались молочно-серые струйки тумана. Все спало, и Джемме слышался далекий звон, тот самый, который иногда можно уловить летними ночами. «Звезды поют», — так говорила об этом звоне мама.

Джемма узнала озеро. Когда-то они с родителями проезжали мимо по пути в Эглонбар, городок, где у отца были какие-то научные интересы. Но теперь нет ни отца, ни матери, а озеро по-прежнему лежит холодным зеркалом в оправе камыша...

С крыши свесилась голова. Какое-то время Джемма смотрела на рожу в окне, сжимая и разжимая пальцы на своем импровизированном оружии, — золотистые глаза-плошки, наполненные яростью, дырка в черной сморщенной коже на месте носа, распахнутая пасть до ушей с мелкими острыми зубами в два ряда — а потом заорала так, что болотный бес от неожиданности свалился с вагона, а Дэвин подпрыгнул в кровати и в следующий миг уже подбежал к Джемме и обнял ее за плечи.

— Что? — встревоженно спросил он. — Джемма, что случилось?

Джемма уткнулась лицом ему в грудь и разрыдалась. Ее трясло от ужаса — сильнее, чем от лихорадки. Какое-то время Дэвин обнимал ее и ласково гладил по плечам, а потом спокойно, словно говорил с ребенком, попросил:

— Джемма, отдай мне кочергу. Хорошо?

Джемма вдруг обнаружила, что до сих пор сжимает кочергу настолько крепко, что ноют пальцы. Дэвин аккуратно забрал у нее импровизированное оружие и поинтересовался:

— Там что-то было?

— Бо-болотные бесы, — едва смогла проговорить Джемма. — Бегали... там, по крыше. Два. Я... я взяла кочергу, чтобы... ну, отбиться, а потом увидела одного...

Оскаленная рожа снова всплыла перед ней, и Джемма заплакала еще сильнее. Потом она вдруг обнаружила, что в вагоне светло, что она уже не стоит в объятиях Дэвина, а сидит в кресле, и возле нее хлопочет слуга с каплями от нервов.

Дэвин отдернул штору, отодвинул рамку форточки и пристально всматривался во тьму. С крыши

снова донеслись шаги — теперь почти неслышные. Болотные бесы подходили к окну. Вспомнив уродливую пучеглазую рожу, Джемма зажала рот ладонями, чтобы не закричать.

Все, что случилось дальше, заняло буквально несколько секунд. Вагон озарила вспышка ослепительно-белого света. Один из болотных бесов сорвался с крыши горящей кометой и, скатившись по стене вагона, упал куда-то под колеса — визг разнесся над озером и оборвался в коротком плеске воды. Джемма увидела, что второй болотный бес извивается в руке Дэвина, скулит и размахивая лапами и хвостом, — несмотря на все усилия, отбиться он так и не мог. Острые уши были прижаты к голове, как у испуганного кота.

Дэвин держал болотного беса за шиворот и рассматривал с невероятно довольным видом.

— Взгляните-ка! — воскликнул он. — Свеженький, жирненький!

Джемма и слуга посмотрели на него и худосочного беса с одинаковым выражением брезгливого ужаса. Больше всего Джемме сейчас хотелось зажмуриться и никогда больше не открывать глаза, чтобы не видеть эту дрянь, которая дергалась и крутилась в руке Дэвина.

Она, конечно, знала о том, что мир наполнен порождениями тьмы. В городах безопасно, потому что их накрывают защитные магические купола, над которыми день и ночь трудятся артефакторы, а вот покой обитателей деревень, поселков и хуторов защищают бродячие волшебники и охотники на нечисть. Джемма читала об этом в книгах, но никогда не думала, что столкнется с подобным сама.

Что-то подсказывало ей, что болотные бесы — это самая мелкая гадость. Бывают и покрупнее, и позубастее. И Джемма понимала, что наверняка встретится с ними: а как иначе, если она замужем за темным магом.

— Что там с кухней? — осведомился Дэвин, бросив взгляд на слугу. — Может, зажарим его к завтраку? Смотрите, какой жирненький! На всех хватит. Можно потушить с соевым соусом, веткой розмарина и лимонным соком.

Слуга побледнел — представил, как потащит пойманную нечисть на кухню, и его ощутимо повело в сторону. А Джемма заметила, что поимка болотного беса взбодрила Дэвина. Сейчас он выглядел так, словно не было никакого сражения с драконом, — здоровый, сильный, энергичный. Тот самый человек, которого Джемма увидела в аукционном зале среди покупателей.

Болотный бес поджал к мохнатому пузу лапки с крошечными копытцами и заскулил:

— Отпусти, дяденька! Кто ж знал, что ты такой ловкач? Мы бы сроду к тебе не полезли!

Из пасти болотного беса веяло такой вонью, что Джемме сделалось дурно. Дэвин встряхнул свою добычу и поинтересовался:

— Чего хотел, дрянь?

Болотный бес поплотнее прижал уши к растрепанной голове и еще сильнее стал похож на нашкодившего кота. Джемма до сих пор не переставала удивляться собственной храбрости: она собиралась отбиваться кочергой от этой дряни! Действительно собиралась! А Дэвин бесстрашно держал болотного беса в руке и выглядел таким довольным, словно это была не нечисть, а мешок золота.

Джемма невольно залюбовалась им. Сейчас Дэвин был полон той влекущей красоты, которую она раньше видела лишь на картинах, изображавших героических рыцарей и мифических воинов. Хотя, конечно, на нем не было ни шлема с перьями, ни лат, ни алого плаща, но пижама не делала его менее впечатляющим.

— Ай, дяденька, пусти! — проскулил болотный бес. — Мы ж ничего! Чисто из озорства!

Дэвин взвесил беса в руке и сказал:

— Ну ладно. Ты нам еще пригодишься, дружок.

Болотный бес отправился в специальный пузырек после заклинания уменьшения — Дэвин всегда носил с собой такие на тот случай, если встретит что-то любопытное, например, фавна с рожками и полупрозрачными крылышками или наяду. Потом его находки, как правило, отправлялись в академиум — там любили магическую живность, особенно когда за ней не надо бегать самому.

Но с этими болотными бесами все было намного интереснее. Глядя, как пойманный бес хнычет за толстым стеклом пузырька на столе, Дэвин предчувствовал неприятности.

Они были совсем рядом. Они кривлялись и дразнили его: ну-ка, поймай! Ты же такой ловкач — попробуй, излови!

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Джемма.

Они вернулись в кровать, погасили свет, но сон не шел. Дэвин и сам не понял, как это получилось, просто вдруг обнаружил, что Джемма лежит в его объятиях.

Он не раз засыпал и просыпался с женщиной, но сейчас все было совсем по-другому. Возможно, потому, что никто до этого не интересовался, как он себя чувствует. И от этого было тепло — так, как никогда прежде.

Дэвин понимал, что все это иллюзия, — понимал и хотел верить, что он нужен этой девочке. Не потому, что он освободил ее и взял в жены. Потому что он — это он. Глупые мысли. Он и сам понимал, что они глупые.

— Все хорошо, — ответил Дэвин, погладил Джемму по голове и плечу. Бедная, она до сих пор дрожала от страха и вслушивалась в ночь: вдруг по крыше вагона снова побегут болотные бесы.

— Правда?

— Правда, — улыбнулся Дэвин. — Не ожидал, что ты такая решительная особа. Лупить болотного беса кочергой!

Джемма недовольно завозилась в его руках.

— Не надо смеяться надо мной, — попросила она. — Пожалуйста. Мне просто стало страшно...

— И ты решила не будить меня, а взять кочергу.

— Но ты же болен, — хмуро сообщила решительная леди.

Дэвин задумчиво погладил ее по плечу. Прикосновение к теплой и гладкой коже заставило его вздрогнуть, словно он вспомнил что-то важное.

— А ты никогда не сражалась с болотными бесами, — сказал Дэвин. — Так что в следующий раз просто буди меня и не геройствуй.

Джемма кивнула. Дэвину подумалось, что в том, как они сейчас лежали в обнимку, было что-то по-настоящему семейное. Что-то очень правильное.

«Мы ведь и есть семья, — напомнил он себе. — Пусть странная, но все-таки семья».

— Эти болотные бесы очень странные, — сказал он. — Обычно вся нечисть меня очень хорошо чует. И не лезет, со мной связываться — себе дороже. А эти прыгали по вагону, шумели, едва не напали на тебя. Мне это не нравится.

Джемма шевельнулась, выскользнула из его рук и, сев в кровати, пристально посмотрела на Дэвина. На мгновение ему сделалось грустно. Кожа еще помнила ускользнувшее тепло чужого тела.

— Может, они не почуяли тебя? — спросила Джемма.

— Это невозможно, — ответил Дэвин. Сейчас в нем словно свернулась тугая пружина — не давала дышать полной грудью, говорила, что впереди их ждут неприятности. — Они меня чуют всегда. И убегают... если могут.

Мир за окном вагона начал светлеть. Тьма теряла густоту, лениво отступала — на востоке зарождался рассвет, еще совсем робкий. Днем они наконец-то приедут в Элонгар, и для Дэвина начнется совсем другая жизнь.

Иногда он думал: это именно то, что нужно. Спокойно жить вдали от столичной суеты и сплетен, читать книги, которые будут доставлять сюда спустя несколько месяцев после их выхода, ходить в халате и с неким привычным удивлением смотреть на крестьян, которые боятся прививок от оспы. И чтобы обязательно была прелестная супруга и выводок детишек...

Дэвин мысленно усмехнулся. Детишек у него точно не получится. Все маги бесплодны — так решила природа, которая, должно быть, создавала волшебников как некий курьез. Что ж, всегда можно будет взять какого-нибудь воспитанника — или отправить жену на курорт в приятной компании молодого и привлекательного ассистента: такие поездки творят чудеса.

От этой мысли у Дэвина появилась горечь во рту.

— Кстати, — сказал он, — у нас будет остановка около восьми утра. К нам подсядет один очень хороший человек.

Джемма вопросительно подняла левую бровь.

— Кто же?

— Артур Вудвилл, — сказал Дэвин.

Если в их ситуации могло быть что-то хорошее, то старина Артур был его частью. Вчера, услышав от одного из дворцовых секретарей о том, что господин Вудвилл готов присоединиться к старому товарищу, Дэвин испытал такой прилив сил и радости, что у него закружилась голова.

Когда-то они с Артуром были друзьями — конечно, если у такого, как Дэвин, могут вдруг случиться друзья, а не прилипалы, которым лишь бы присосаться там, где можно пожить чинами и званиями. Артур не имел талантов к магии, но посвятил жизнь изучению ее истории. Он ездил по стране и миру, записывая песни и обряды бесчисленных народов, проводил дни в библиотеках и мог часами рассказывать с искренним восторгом ученого о том, что детская игра в похороны принцессы, в которой человека можно поднять одним пальцем, — всего лишь далекий отголосок первобытного ритуала плодородия...

Второй его любовью были обитатели болот. Артур обожал лягушек, ящериц и змей, написал несколько научных работ и несколько раз читал лекции студентам, после которых молодые люди были вдохновлены настолько, что уезжали на север ловить жабусов и писать о них статьи.

— Я буду рада с ним познакомиться, — искренне сказала Джемма. — Долго он пробудет с нами?

Дэвин вспомнил Артура: невысокого роста, всегда одетый с иголочки, с тщательно завитыми и уложенными светлыми волосами, он казался куклой в человеческий рост, которую какой-то чародей оживил для забавы. Если бы понадобилось, то Дэвин отдал бы за Артура жизнь — и точно знал, что он поступил бы так же.

— Погостит пару недель, потом сорвется в очередную экспедицию, — с улыбкой сказал Дэвин и, взяв Джемму за запястье, осторожно притянул к себе. Джемма нырнула под одеяло, и Дэвин добавил: — Он всегда так, не может усидеть на месте.

— Хорошо, когда есть друзья... — вздохнула Джемма и через несколько мгновений уснула.

А Дэвин долго лежал и смотрел в потолок — пока тьма не отступила окончательно и не появился рассвет, сметавший звезды рыжим солнечным хвостом.

ГЛАВА 8

Артур присоединился к их компании утром, когда Джемма и Дэвин успели проснуться, переодеться и выпить по чашке кофе. Поезд остановился на маленьком вокзале, похожем на игрушку из дорогого детского набора, — и человечек, который стоял на перроне, тоже показался Джемме игрушечным. Маленького роста, с изящно уложенными светлыми локонами, одетый в щегольской костюм — серый с искрой, он выглядел так, словно сошел со страницы модного журнала, а не вылез из болот несколько часов назад.

Артур действительно провел эту ночь на болоте: он так и сказал, войдя в вагон:

— Наконец-то достойное общество, а не пиявки и мавки! Всю ночь бегал то от них, то за ними!

Дэвин и Артур обнялись — Джемма заметила, что при их разнице в росте это почему-то не выглядит забавным, — и Артур спросил:

— Значит, все-таки сослан?

Дэвин кивнул. По его лицу скользнула тень. Да, благодарность родины в его случае оказалась весьма специфической — впрочем, Джемма не ждала ничего другого от короля. Отпустили живыми — и то слава богу. Она все еще не могла в это поверить.

— Увы, — кивнул Дэвин. — Погостишь у меня?

Улыбка Артура была искренней и светлой. Джемма невольно заметила, что он со своими почти белыми кудрями похож на одного из архангелов, какими их рисуют на фресках ортодоксальных церквей. Человеку, который смотрит так открыто, нельзя не доверять.

— С удовольствием! — воскликнул Артур. — Давно собирался изучить глифы первобытных племен в тех краях.

— Глифы? — не выдержала Джемма. — Вы ими занимаетесь?

Артур и Дэвин обернулись к ней, и Джемма осеклась, поняв, что нарушила сразу два светских правила. Леди должна молчать и слушать, пока супруг не представит ее гостю, — это первое правило. И второе, самое важное: глифы — знаки, которые древние люди оставляли на камнях и скалах, не должны интересовать леди. Мода, дети, обустройство дома — вот все, что ей положено.

— Джемма, познакомься, — произнес Дэвин. — Артур Вудвилл, мой лучший друг. Мой единственный друг, я бы сказал. Артур — это Джемма, моя жена.

Артур улыбнулся, поклонился, прикоснулся губами к руке Джеммы — старый светский ритуал, о котором она успела забыть. Просто выбросила из головы все, что когда-то было частью ее жизни. Знакомства, правила ведения разговоров, все те мелочи, которые делали Джемму барышней из приличной и достойной семьи, — она забыла обо всем, чтобы не сойти с ума в аукционном доме.

А теперь вдруг вспомнила. И ее стало знобить. В горле заворочался тяжелый липкий ком.

— Рада с вами познакомиться, — негромко сказала Джемма.

Артур улыбнулся.

— А я-то как рад! Удивительно, что вы знаете о глифах! Наконец-то мне будет с кем побеседовать о моих изысканиях. Обычно, когда я о них говорю, меня не слушают. Кивают из вежливости.

Джемма улыбнулась в ответ.

— Буду очень рада узнать о них.

Слуги принялись накрывать завтрак. Артур вынул из своего саквояжа свежую газету, которую, должно быть, купил на вокзале, и сообщил:

— Кстати, Элонгар кипит. Весь округ взбудоражен.

— Что произошло? — поинтересовался Дэвин, нарезая омлет аккуратными кусочками. — Всех напугал мой приезд?

— Не только твой, дружище, — сообщил Артур и обернулся к Джемме: — Глифы, дорогая Джемма. Но не старые, а свеженькие, оставленные кровью. На дверях домов, на деревьях, везде. Особенно много в Хавтавааре, почти у твоего дома.

— Позволь-ка. — Дэвин забрал газету, некоторое время вчитывался в статью, и Джемма с

неожиданным облегчением поняла, что он приходит в себя.

Его болезнь отступила и больше не вернется. Перед ней опять был сильный и энергичный мужчина.

«И самый страшный темный маг за всю историю», — напомнила себе Джемма. Впрочем, она с немалым удивлением обнаружила, что это больше не пугает ее. Да, Дэвин был темным магом. О его делах рассказывали только шепотом и с оглядкой. Но он выкупил ее и дал ей свободу. Он жертвовал собой, спасая столицу и ее жителей от дракона. Он вынес из огня мать и брата с сестрой.

Да, Дэвин — темный маг. Ну и что? Джемма не видела от него ничего, кроме добра. И это было самым главным.

Она вдруг поняла, что могла бы влюбиться в него, — и от этой мысли Джемме снова сделалось не по себе, словно она подумала о чем-то страшном или двусмысленном.

— Да, все встревожены, — кивнул Дэвин и вернул Артуру газету. — Ждут конца времен, ну да это всегда бывает.

Артур кивнул.

— Да, стоит только появиться чему-то необычному, как народ начинает вопить во всю глотку о Страшном суде. Ты только представь себе: я смог раздобыть редчайшую крапчатую ящерицу, две недели лазал за ней по топам, а меня едва не повесили в поселке за то, что я, видите ли, выволок из преисподней одного из младших демонов. Еле сбежал!

Джемма нахмурилась.

— Они не видят разницы между ящерицей и демоном? — удивилась она.

Отец, конечно, рассказывал, что провинциалы, мягко говоря, не слишком образованны, но чтобы настолько?

— Это особенная ящерица, — сообщил Артур. — С рудиментарными крылышками и кожистым воротником на шее. Раздувает его в случае опасности.

Джемма согласилась, что такая тварь и правда может произвести впечатление.

— А что же ящерица? — спросила она. Артур махнул рукой:

— А, она тоже сбежала. Будет рассказывать знакомым и родне о своих приключениях.

Дэвин указал на столик, где в склянке грустил болотный бес, периодически ковырявший пробку изнутри, и сказал:

— Я тоже поохотился под утро. Взгляни, какой красавец!

Артур вышел из-за стола, взял пузырек, и болотный бес тотчас же прилип к стеклу, растянул пальцами рот и скорчил ему рожу: то ли насмеялся, то ли пробовал испугать.

— Э, дружок, что-то ты совсем тощий, — усмехнулся Артур и пощелкал ногтем по стеклу: бес тотчас же свернулся клубочком. Джемме стало жаль его, несмотря на весь свой ночной страх. — Здесь полно таких тварей, дружище. Кормятся в гнездах тигровых червей, жиреют. А тебе что? Не досталось червяков, всех сожрали, да? Эх, бедолага...

Джемма решила не уточнять, что это за черви. Бес вздохнул и закрыл морду лапками.

Поезд прибыл на конечную станцию ровно в полдень, и, выглянув в окно, Джемма обнаружила, что их встречают. Господин, который выглядел как дворецкий, стоял на перроне с букетом цветов: посмотрев на него, Дэвин тепло улыбнулся.

— Старина Ормун... — сказал он. — Совсем не изменился.

Спустя полчаса вся компания добралась до большого белостенного особняка, чем-то похожего на крепость, которую кто-то выстроил среди леса: пришла в голову блажь. Выходя из экипажа, Джемма невольно обратила внимание на то, что дом переживает не лучшие дни. Светлая краска, покрывавшая стены, была богато украшена трещинами, со статуй возле входа облетела позолота, и казалось, что у богинь природы на лицах что-то вроде оспы. Фруктовый сад буйно разросся, откровенно сообщая: мной почти не занимаются. Всмотревшись в один из древесных стволов, Джемма нахмурилась и окликнула Артура:

— Взгляните-ка! Это глиф?

— Он самый! — прищурившись, ответил Артур. — Насколько я вижу, знак Вороньего короля. Перечеркнутый круг, его символ.

Дворецкий нетерпеливо махнул рукой, и один из слуг, что выстроились у ступеней встречать принца, тотчас же побежал в сад.

— Простите, ваше высочество, ваша светлость, — сконфуженно произнес Ормун. — Когда я уезжал, этого не было. Весь регион в этой мерзости, откуда только берется...

Они вошли в особняк, и Джемма заметила, что внутри все выглядит намного приличнее, чем снаружи. Дорогая мебель, светлые шторы, пушистые ковры, в которых так и утопают ноги, высокие восточные вазы с пышными букетами живых цветов, картины в тяжелых золотых рамах — некоторое время Джемма с восторгом смотрела по сторонам и думала, что они с Дэвином прекрасно заживут в этом месте.

Ну и что, что кто-то рисует глифы и замышляет что-то недоброе. Дэвин с этим справится, Джемма не сомневалась.

Несмотря на то что Дэвин бодрился, после обеда стало ясно, что ему нужно отдохнуть с дороги и поспать несколько часов под особыми артефактами исцеления. Джемма собиралась остаться с ним, но Дэвин отказался.

— Лучше прогуляйся, — сказал он. — Места здесь удивительные, а Артур составит тебе компанию.

Джемма нахмурилась. Ей почему-то показалось, что Дэвин хочет от нее избавиться.

— Ты уверен? — спросила она.

Дэвин кивнул, и первый артефакт зажужжал над его головой, рассыпая серебристую лекарственную пыльцу.

— Да, — улыбнулся он. — Погуляй.

Маленькая служанка с тяжелыми светлыми косами до колен помогла переодеться — когда она застегивала крючки платья на спине, Джемма подумала, что надо будет попросить Дэвина о портнихе. Платья, купленные в столице, были слишком легкими для здешнего прохладного климата: служанка оценила платье госпожи, недовольно поцокала языком и убежала — вернулась через несколько минут с большой цветастой шалью.

— Вот, госпожа, накиньте, — предложила она. — Сегодня солнышко, но оно у нас тут обманчивое, ветер так и пробирает.

Джемма послушно завернулась в шаль и, выйдя на свежий воздух, мысленно поблагодарила девушку за заботу. Посмотрев в сад, она увидела уже знакомые белые кудри — Артур возился возле дерева.

— Я знаю этот глиф, — сказала Джемма, подойдя к нему. — Тут еще сверху должна быть черта. Это знак того, что все склонятся пред Вороньим королем.

Рисунок был грубым — Джемма подумала, что неизвестный окунул палец в краску и намалевал круг просто так. Потом перечеркнул. От глифа веяло чем-то тяжелым и недобрым, словно Джемма заглянула туда, куда не имела права смотреть. Когда в детстве отец показывал ей знаки, высеченные первобытными людьми на камнях, то чувства, которые накрывали ее при взгляде на них, были совсем другими — не страхом и брезгливостью, а прикосновением к чему-то прекрасному и очень важному.

Ей вдруг показалось, что в их с Дэвином ссылке в эти края есть определенная ирония. Принц-ворона приехал в Элонгар, а неизвестные поклонники Вороньего короля изрисовывают все глифами. Артур выпрямился и посмотрел на Джемму с нескрываемым удивлением.

— Не ожидал, что ваши познания настолько глубоки! — сказал он и дотронулся до ствола. Пальцы испачкались в липком и красном. — Все верно, нужна черта, вот тут. Символизирует корону. Должно быть, слуги спугнули того, кто это рисовал. Вон трава примята. Побежал в сторону леса.

Джемма пожала плечами, плотнее кутаясь в шаль. В Элонгаре было удивительно красиво — за садом поднимался холм, покрытый сосновым лесом, свет золотился среди стволов, и откуда-то издали доносились веселые детские крики. Но почему-то Джемма чувствовала тревогу, словно все вокруг было не настоящим, а декорациями к спектаклю.

В последний раз ей было так тревожно перед тем, как ее пришли забирать в аукционный дом. Джемма еще не знала, что за ней придут, что ее жизнь изменится быстро и страшно, она просто

чувствовала, как неумолимо надвигается беда и этого уже нельзя исправить.

— Как называется тот поселок? — спросила она, указывая на красные черепичные крыши, которые виднелись из-за деревьев сада.

— Хавтаваара, — охотно ответил Артур. — Регион Элонгар, поселок Хавтаваара, ну и номер дома, если вы захотите кому-то написать.

Джемма улыбнулась. Наверно, местные ребяташки лазают в этот сад и собирают яблоки, а сторож грозит им ружьем, заряженным солью.

— Вороний король, — задумчиво сказала она. — А Дэвина называют Принцем-вороной, вы знаете?

Артур усмехнулся одной стороной рта. Джемма снова представила, как он выбирается из болота с пойманной ящерицей, — ни пятнышка грязи на одежде и локоны в идеальном порядке.

— Все знают, — ответил он. — Считается, что вороны приносят несчастье, а Дэвин как раз и стал таким несчастьем для своей семьи. Отсюда и прозвище.

Джемма ощутила обжигающее прикосновение жалости. Каково это: с младенчества быть отвергнутым семьей, не знать материнской ласки и не понимать, за что с ним так поступают. Ужасная участь.

— Он спас свою мать из огня, вы слышали? — поинтересовалась Джемма.

Артур горестно усмехнулся.

— И в награду его отправили в эти края! Причем представили все заботой о герое. Исконный магический край восстановит его силы, это ради его блага и все такое, и бла-бла-бла... Я счастлив, что у него есть вы.

Джемма неожиданно смутилась. Возможно, Артур думал, что у них с Дэвином неземная любовь и горячая страсть, но ведь этого не было... Ей сделалось не по себе, словно она в чем-то провинилась и так и не поняла, в чем именно.

— Вы славная девушка, — добавил Артур. — Чистая сердцем, простая и славная. В вас есть настоящая живая душа. Вы, конечно, не половинка его яблока, но вы намного больше.

Он вдруг отвел взгляд, словно понял, что и так сказал слишком много. Джемма куталась в шаль, чувствуя, как на щеках пульсирует пламя румянца. Надо было что-то сказать — потому что слова Артура были на грани приличий, почти признанием в любви... Но Джемма не успела.

Из-за сада донесся истошный визг, к нему сразу же присоединился второй. Женщины кричали так, словно их резали. Джемма сделала было шаг вперед, но Артур тотчас же придержал ее за руку — настолько уверенно и властно, что на миг ей показалось, будто они стали одного роста.

— Нет, — твердо сказал он. — Вдруг там медведь?

И из-за сада тотчас же донесся согласный вой:

— Уби-и-ли-и!

ГЛАВА 9

Когда женский вопль выбил Дэвина из сна, то он не успел ничего понять: просто почувствовал, что с Джеммой случилось что-то непоправимое, и вбросил тело в щель в пространстве.

Он не мог тратить бесценное время на то, чтобы подняться с кровати, выбежать в коридор, спуститься по лестнице и кинуться в сад. Скользя во тьме сгустком черного дыма туда, где кричали, Дэвин думал лишь о том, что за эти дни окончательно потерял все: хоть какую-то иллюзию семьи, привычную жизнь, свободу. А теперь вот и Джемму потерял. Маленькую несчастную Джемму, которая больше его не боялась.

Щель в пространстве выплюнула его на самый край сада — фруктовые деревья здесь росли ровным строем, склоняли ветви с мелкими зелеными яблоками к траве и смотрели, как дорожка убегает через маленький луг к холму и сосновому лесу. Кто-то сразу же угодливо подхватил его под руку, не давая упасть; Дэвин удержался на ногах и какое-то время смотрел на женщину, лежавшую в густой траве.

Когда это Джемма успела надеть такое платье — местного фасона, из плотной светлой ткани, с алой цветочной вышивкой по подолу? Платье задралось, обнажив раскинутые ноги в белых чулках и аккуратных туфельках с застежкой через щиколотку. У Джеммы не было таких туфель, он бы запомнил, ему нравились именно такие... Дэвин смотрел, выхватывая детали: красную нитку на запястье, рассыпавшиеся бусы, завязку на чулке у колена. Перерезанное горло еще булькало кровью, и светлые косы, разметавшиеся по земле, тонули в этой крови. Раскрытый рот все еще беззвучно молил о пощаде — Дэвину казалось, что он слышит этот крик.

— Ваше высочество... — сказали откуда-то сзади. — Что же это?

«Это не Джемма», — наконец-то понял Дэвин, и ему сделалось невыносимо стыдно за свой страх. Это была какая-то другая девушка, одна из жительниц Хавтаваары. Молоденькая, хорошенькая. Не Джемма. Другая.

На мгновение Дэвину стало очень легко. Он даже обрадовался — и ему стало стыдно и за эту радость тоже. «Я не влюбился в нее, — сказал он себе. — Я просто не хочу терять немногих близких людей».

Дэвин мысленно ухмыльнулся, пытаясь опомниться и вернуть себе привычное спокойствие духа. О каких глупостях он думает над трупом! О своем вынужденном браке, в определенном смысле фарсе!

Чуть поодаль рыдали и причитали бабы в таких же светлых платьях, как у мертвой. Молодой парень в сюртуке и с садовыми ножницами, торчавшими из кармана, снял картуз и провел ладонью по лбу. Какая же дрянь! Стоило им только приехать — и вот уже мертвец.

Дэвин прекрасно понимал, что именно об этом будут говорить. Что самый могущественный темный маг потребовал себе жертву. И таких жертв еще будет очень и очень много. Такова природа темных магов, они не могут без крови. Те, кто так рассуждает, совершенно ничего не знают о природе магии, зато они очень настойчивы и убедительны. И им верят — как поверили в то, что Дэвин растворил любовницу в меду.

Во рту сделалось горько.

Из-за деревьев выбежала Джемма в компании Артура, и Дэвин невольно вздохнул с облегчением. Вот она, живая и здоровая. Все хорошо. Джемма подбежала к нему, схватила его за руку, словно тоже за него боялась, чего, конечно, и быть не могло, — и тут посмотрела на мертвую и ахнула, зажав рот ладонью.

— Ваше высочество... — растерянно повторил молодой слуга: Дэвин заметил его только сейчас и понял, что это именно он не дал ему упасть возле выхода из щели в пространстве. — Что же делать-то?

Дэвин невольно ощутил, как в голове копится гневная тяжесть.

— Полицию вызывать, что! — рыкнул он.

Одна из баб всхлипнула и проговорила:

— Так нет у нас полиции, батюшка! Откуда же ей взяться-то! У нас места тихие, лиходеев отроду не было! Особенно таких губителей...

Ну конечно, как он мог забыть. Этот регион всегда был глухим медвежьим углом. Ни полиции, ни охранных отрядов, ни инквизиции — а зачем? Бегать по лесу за медведями? Зажимать крестьянок по углам? С этим местные и сами прекрасно справляются, им помощники не нужны.

— Боюсь, с этим придется разбираться именно нам. — Артур, который по-прежнему был спокоен и невозмутим, деловито обошел Дэвина и Джемму, присел на корточки рядом с покойницей и со знанием дела принялся изучать ее рану.

Со стороны поселка подбежала стайка девушек, увидела покойницу и будто споткнулась о невидимую преграду. На Артура смотрели с суеверным испугом. Наконец он выпрямился и уверенно произнес:

— Нет, это не медведь, не болотонская крысь и не какое-то другое животное. Дело человеческих рук.

— Может, нечистая сила, батюшка? — подала голос одна из баб. — Та, которая эти пакостные знаки малюет? Бисы какие аль кто? Откуда же у нас взялся такому лиходею?

Артур отрицательно качнул головой.

— Нет. У нечистой силы нет ножей. А это, — он махнул рукой в сторону окровавленного горла, — похоже на работу скальпеля.

Услышав незнакомое слово, люди уставились на Артура так, словно наступал конец времен и невиданный скальпель был его предвестником. Он вздохнул, вынул из кармана белоснежный платок и принялся оттирать пальцы. Дэвин вскользя подумал, что именно за это Артура и не слишком-то жалуют в научных кругах: он относился ко всему лишь как к объектам исследования. Не трепетал и не жалел ни людей, ни животных.

— Я могу посмотреть. — Дэвин обошел тело и добавил: — Так работают нюхачи в полиции, следы еще есть.

Это вызвало прилив воодушевления у собравшихся — на Дэвина смотрели, как на героя: не того, о ком вдохновенно врут газеты, а настоящего, который сейчас найдет душегуба и открутит ему голову всем на радость.

— Посмотри, батюшка!

— Помоги, сделай милость!

— Век будем за тебя бога молить!

Джемма смотрела на него с ужасом и надеждой, и почему-то Дэвину стало тепло и очень легко.

Он прикрыл глаза. Сейчас надо было сосредоточиться и отстраниться от мира — от этих людей, их голосов, звуков и запахов, от красок и воздуха — и поймать едва уловимые течения магических полей, которые отнесут его на несколько минут назад и покажут то, что здесь произошло.

Его толкнуло и, подхватив, подняло над землей. Дэвин открыл глаза: сад и лес казались кусочками смятой зеленой ткани, его дом и поселок выглядели рассыпанными обломками детской игрушки. Под ногами мелькнуло что-то белое, растрепанное — Дэвин с удивлением понял, что это было облако.

Магические поля в столице были похожи на тоненькие лоскутки — а здесь это были огромные длинные полотна, и Дэвин закачался на них, как в колыбели. Они обняли его с тем теплом, которое могло принадлежать только материнским рукам: Дэвин не знал его, но понял, что это оно и есть.

Это была исконная магия здешних земель — та, которая возникла задолго до того, как первые предки людей спустились с деревьев. Магия вышла из древнего моря, что лежало когда-то на месте болот, магия выплыла из глубоких ходов в земле, проложенных давно вымершими драконами, магия...

Воздух разрубило хриплое карканье. Дэвин увидел огромные крылья, которые раскрылись справа и слева, и какое-то время в мире была лишь густая тьма.

— Все склонятся пред Вороньим королем, — прошептал Дэвин и не узнал своего голоса. — Все склонятся пред Вороньим королем. Все...

А потом он увидел девушку — невинную деву, чья кровь должна была напоить его, воскресить его, поднять его. Сверкнули серебряные когти, обагрившись красным. Над мертвой девушкой заструились дымные пряди черного тумана, подсвеченные пролитой кровью, и крылья захлопали, унося Дэвина вверх. Вороний король испил жертвенной крови и удалился.

Дэвин не сразу понял, что уже не летит над лесом и садом, а стоит в траве рядом с телом убитой девушки. Все смотрели на него, разинув рот. Во взгляде Джеммы плескался страх. Лицу было горячо и мокро — Дэвин слепо провел ладонью по щеке и увидел кровь, она струилась тонким

ручейком из рассеченной брови.

Все правильно. Иногда магия причиняет боль — особенно если ты лезешь туда, где тебя не ждут. Сегодня она разбила ему бровь — так, поиграла. А могла бы лишит глаза.

И еще — это было странно, это было почти нелепо, но сейчас Дэвин чувствовал себя осиротевшим. Он в очередной раз пронзительно, до боли в груди ощутил себя покинутым ребенком. Сила, которая подняла его над лесом, обогрела его и ушла. Он остался один. Его испытали и сочли недостойным тепла и любви.

Он давно не чувствовал такого глубокого одиночества — несмотря на то, что рядом были Джемма и Артур.

— Это была магия, — глухо произнес Дэвин. — Темная, изначальная магия. Она прикрыла того, кто ее убил, и я не рассмотрел его.

Бабы снова принялись всхлипывать. Дэвин вдруг почувствовал прикосновение — это Джемма взяла его за руку. Стало немного легче. Одиночество, стиснувшее его горло, разжало пальцы.

— Все! — Голос, разлетевшийся над садом, был визгливым, режущим уши. — Все склонятся пред Вороньим королем!

Дэвин обернулся и сперва не понял, кто это визжит. Голос был не мужским и не женским, и существо, которое дергалось за деревьями, тоже не было похоже ни на мужчину, ни на женщину. Растрепанное, бесформенное, оно то подпрыгивало, то принималось кататься по траве, то вдруг высовывало из своих пестрых лохмотьев длинные сухие руки и принималось размахивать какими-то лентами. Когда существо зазвенело колокольчиками, которые извлекло из лохмотьев, то Дэвин понял.

— Шаман, — сказал он, и Артур согласно кивнул.

— Да. Шаман. Их уже мало осталось.

— Шаман, ваши милости, — подтвердил парень с садовыми ножницами. Дэвин обернулся на него: парень поклонился и добавил: — Прошлой зимой с ним болезнь приключилась, ну вот так и вышло. Воспаление мозга. Едва не умер, а теперь духов видит.

Шаман тем временем выкатился из-за деревьев и приблизился к мертвой. От него так и брызгало невидимыми искрами магии. Дэвин всмотрелся и, выждав момент, сумел схватить шамана за волосы и запрокинуть его лицо к небу.

— Ай, пусти! — прокричал шаман молодым и совершенно разумным голосом. Причитания по поводу Вороньего короля тотчас же прекратились.

«Все правильно, — подумал Дэвин. — Это конфликт магических полей, моего и его».

— Как тебя зовут? — спросил он.

Если стереть с лица грязь, то он, пожалуй, пришелся бы по вкусу столичным барышням. Аккуратные черты лица, ровные зубы, хорошая кожа... Дэвин ощутил непривычную для себя жалость. Может, сейчас этот парень работал бы в саду, не случись с ним это несчастье.

— Аймо... — выдохнул шаман и взмолился: — Пустите, жжет! Ай, жжет! Пустите, я ничего не сделал!

Дэвин снова кивнул. Правильно, жжет. Одна разновидность магии конфликтует с другой — принц тоже чувствовал этот конфликт как покалывание в кончиках пальцев. Шаман черпал силу не в некротических полях, как Дэвин, а в здешних лесах, болотах и озерах, он шел тропами лосей и алыми дорожками клюквы, его магия была живой и могущественной. Но сила Дэвина подавляла ее и, что удивительно, возвращала безумному Аймо разум.

— Что ты видел? — спросил он, не выпуская грязные патлы. — Рассказывай!

— Дружище, осторожнее, ты ему голову оторвешь, — озадаченно предупредил Артур.

Джемма смотрела с ужасом и надеждой — Дэвин спиной чувствовал ее взгляд. И было что-то еще — был кто-то могущественный и древний, который пристально рассматривал сейчас мага и шамана. Вороний король? Дэвин с брезгливым недовольством отменил эту мысль. Не бывает никаких Вороньих королей, он знал, на что способна магия, и...

«Кто тогда поднял тебя над лесом? — вдруг заговорил в нем чей-то незнакомый голос. — Кто дал тебе крылья?»

— Что ты видел? — прорычал Дэвин, и Аймо совершенно осознанно проговорил:

— Все склонятся пред Вороным королем. Он идет, и мир дрожит от его поступи. Он несет с собой тьму, которая не знает света. Все склонятся пред Вороным королем...

В эту минуту Дэвина окликнули:

— Вашвысочество. Отпустите его, Господом богом молю.

Дэвин обернулся и увидел, что из-за деревьев вышел двойник шамана — одетый в светлые штаны и рубашку, совершенно разумный. Двойник смотрел с искренней тревогой и страхом, словно боялся, что Дэвин прямо сейчас примется потрошить скулящего Аймо.

— Он дурачок у нас. — Голос двойника дрогнул. — Был нормальный парень, а потом — вот. Совсем убогий сделался, мелет неведомо что. Он не убивал никого, вашвысочество, пожалейте.

— А ты кто? — хмуро спросил Дэвин.

Ему вдруг подумалось, что он — королевская кровь, хозяин и владыка этих мест и этих людей, ему дано карать и миловать, и от этой мысли на мгновение сделалось не по себе.

— Я Армо, вашвысочество. — Двойник приложил руку к груди и поклонился. Из-за воротника рубахи выпал талисман на шнурке — старинная монета с горделивым профилем правителя. — Я брат его, мы близнецы у матушки. Господом клянусь, он не виноватый, он просто дурачок. Не погубите, вашвысочество.

Дэвин разжал руку, и Аймо, поскуливая от боли, пустился бежать. Армо растерянно смотрел брату вслед, но догонять не пытался. Артур протянул Дэвину платок — тот машинально вытер руки и спросил у женщин, которые до сих пор подвывали и причитали:

— Как покойницу звали?

— Керту, батюшка, — охотно откликнулась одна из женщин. — Керту Лухвин, дочь кузнеца.

— Ясно, — кивнул Артур. — Что стоите-то, бабоньки? Бегом в поселок, зовите мужчин, пусть несут покойную родителям. И священника зовите. Священник-то у вас есть или пням в лесу молитесь?

— Есть, батюшка, как не быть! — хором воскликнули женщины и в следующий миг уже мели юбками по дорожке к поселку.

Артур покачал головой.

— Священник есть, а полиции нет. И школы — тоже. Захолустье, что с него возьмешь!

Дэвин усмехнулся и, взяв Джемму за руку, пошел по тропинке к дому. Солнечный день был ясным и свежим, среди ветвей заливались щебетом птицы, но Дэвин по-прежнему слышал отрывистое тяжелое хлопанье вороных крыльев и ощущал на затылке чужой пристальный взгляд.

Ему разрешили уйти, но не отпустили окончательно.

До дома добрались в молчании. Когда вошли в гостиную, Дэвин хмуро произнес:

— Ну что? Все склонятся пред Вороным королем?

Джемма поежилась, хотя в доме было тепло. Дэвин вдруг подумал, что она невероятно испугана, но тщательно скрывает от него свой страх.

— Я предпочитаю дружбу с Принцем-вороной, — беспечно заметил Артур, сел в кресло и с блаженным вздохом вытянул ноги.

Дэвин сел напротив и сказал:

— Похоже, тебе светит должность единственного полицейского в Хавтавааре. Убийством придется заниматься, а это должен делать образованный человек со свежим взглядом.

Артур развел руками.

— Раз так, то я подчинюсь. Надеюсь, у меня останется время на изучение глифов.

И Дэвин вдруг мрачно подумал, что времени не останется. Времени у них уже не было.

ГЛАВА 10

Джемма смогла окончательно успокоиться только к вечеру, когда солнце опустилось за лес и мир накрыло молочным покрывалом туманной белой ночи. Она почти успела забыть о том, как красиво это бывает: видела белые ночи много лет назад, и память сохранила лишь таинственное ощущение чуда, которое свершается на твоих глазах.

Тогда отец поехал на север с какой-то научной работой и взял Джемму с собой: хотел показать ей края озер, лесей и клюквы. Джемма едва помнила это путешествие — лишь знала то, что не хотела спать. Сон не дал бы ей налюбоваться на красоту мира — безграничную, обжигавшую душу, делавшую Джемму совсем другой, не той, какой была раньше.

Но сейчас, несмотря на все свое жемчужное очарование, белая ночь казалась тревожной. В поселке оплакивали убитую девушку, Артур готовился вступать в должность единственного в регионе полицмейстера — Дэвин имел право назначить его, перед отправкой король выдал ему разрешение на введение в должность мелких чиновников, — а на крошечном кладбище возле леса копали могилу. Джемма стояла возле окна, и ей казалось, что она слышит, как могильщики работают лопатами. Завтра несчастную девушку похоронят, и Вороний король станет искать новую жертву.

— Убийство с помощью магии, — задумчиво проговорила она.

Дэвин, который разбирал вещи в небольшом сундучке и расставлял по столу хрустальные пузырьки с разноцветным содержимым, усмехнулся.

— Заметь, я здесь ни при чем.

Джемма посмотрела на него с искренним сочувствием. Должно быть, он привык к этому: все кругом считают, что любые неприятности и проблемы — его рук дело. Если бы они сейчас были в столице, то в смерти девушки обязательно обвинили бы Дэвина. Мало ли зачем величайшему темному магу понадобилась кровь невинной девы? Заплатит ее родителям, и все замнут. И даже не станут искать настоящего убийцу.

— Я знаю, — сказала Джемма, и вдруг ей сделалось невыносимо стыдно, словно она могла чем-то обидеть Дэвина.

Он вынул из сундука небольшой черный ящичек, и Джемма вздрогнула от омерзения — за стеклом красовались сиреневые друзья аметиста, которые словно охраняли скелет большой ящерицы. Кости и позвонки казались кружевными, и в этой мерзости таилось какое-то смутное очарование. Джемма боялась смотреть и в то же время не могла отвести взгляда.

— Что это? — испуганно спросила она.

Дэвин аккуратно поставил ящичек на стол и с определенной гордостью ответил:

— Скелет саламандры. Они очень докучливые твари и очень опасные. Я поймал одну и законсервировал с аметистами. Как-нибудь пригодится.

Против воли Джемма всмотрелась в скелет и увидела, как по тонким косточкам пробегают золотые искры. Должно быть, когда придет срок, кости обрастут плотью и саламандра вспыхнет и бросится бежать, поджигая все на своем пути.

Дракон поступил точно так же.

— Это было жутко, — призналась Джемма и поежилась: несмотря на тепло в комнате, ее продолжало знобить. — Мы с Артуром были в саду, а потом женщины закричали...

Дэвин вдруг сделал очень неожиданную вещь: отодвинул свой сундук, поднялся и, подойдя к Джемме, обнял так крепко, что на мгновение у нее перехватило дыхание.

— Я подумал, что с тобой беда, — негромко признался он. — Что это тебя убили. Ох, как я полетел сразу...

Его голос дрогнул. У Джеммы зашипало в носу, а на глаза навернулись слезы — волна нахлынувшей нежности и тепла была настолько сильной, что она готова была разрыдаться.

За нее никто никогда не переживал, кроме родителей. Она никому не была нужна, кроме них. И вот теперь — Дэвин, который появился в ее жизни почти случайно...

— Ты ведь сможешь его найти? — негромко спросила Джемма.

От того, насколько быстро все происходило, у нее начинала кружиться голова. Несколько дней

назад она была рабыней на торгах, потом получила свободу и выпустила дракона, затем стала женой Дэвина, и вот они приехали в дальние края, укутанные шалью белых ночей, — и в первый же день кто-то совершил убийство.

Джемме казалось, что она стала героиней романа ужасов — одного из тех, в мягких темных обложках, которые мама запрещала ей читать, боясь, что Джемме будут сниться кошмары. Но жизнь оказалась гораздо страшнее придуманных ужасов.

— Я сделаю все что смогу, — твердо сказал Дэвин. — Тебе нечего бояться, Джемма, все будет хорошо.

И Джемма ему поверила — она вдруг всем сердцем поняла, что с ней не случится ничего плохого. Потому что Дэвин...

Любит ее? Нет, для этого прошло слишком мало времени. Любовь так обрушивается только на тех, чьи половинки яблока совпадают, — всем остальным приходится привыкать друг к другу, притираться, общаться...

Мама иногда говорила, что девушке, которая войдет в свет, нельзя быть такой, как Джемма, — такой искренней и наивной. Со стороны это может выглядеть смешно, но...

Она вдруг поняла, что Дэвин по-прежнему обнимает ее. Не так, как в ту ночь, которую они провели в вагоне, не так, как тогда, когда он хотел забрать часть ее силы. Это было что-то совсем другое — то, что заставило половинку яблока в груди Джеммы шевельнуться и задрожать, наполняя душу мучительным и радостным предчувствием чего-то хорошего. Потому что иногда не так важно, встретишь ли ты того, кто станет твоей второй половиной. Потому что душе важнее любить, а не быть любимой.

Вечер прорезало воронье карканье. Дэвин вздрогнул всем телом, словно его окликнули издалека. Выпустив Джемму и встав так, чтобы закрыть собой, он выглянул в окно и сказал, словно не ожидал увидеть ничего другого:

— Вороны. Целая стая над лесом.

Птичьи крики усилились. Джемме казалось, что светлый вечер потемнел. Огромная стая ворон кружила там, где, насколько Джемма успела понять, было кладбище, — птицы то опускались к деревьям, то их словно подхватывало ветром и поднимало к облакам. Зрелище было томительным и неприятным: больше всего Джемме сейчас хотелось закрыть окно и задернуть шторы, чтобы вороны не увидели ее.

Что такого ей могут сделать птицы? Да ничего! Не будут же они бросаться на оконные стекла, чтобы проникнуть в дом! В конце концов, Джемма не сделала им ничего плохого, чтобы их бояться. Но ощущение опасности нарастало и крепло: если бы Джемма могла залезть в шкаф и запереть за собой дверь, она бы сделала это.

«Какие глупости! — одернула она себя. — Это всего лишь птицы!»

Джемма посмотрела на Дэвина — он не отводил от стаи зачарованного взгляда, и его побледневшее лицо было каким-то неживым, словно душа покинула тело и сейчас кружила над лесом вместе с птицами. «Недаром его называют Принцем-вороной», — растерянno подумала Джемма и окликнула:

— Дэвин? Что с тобой?

Ей вдруг сделалось так жутко, что ноги подкосились. Джемма вдруг увидела, что человек, от которого все эти дни она видела только хорошее, бесследно исчез. На нее смотрела тьма — густая, непроницаемая. Та самая тьма, которую Джемма чувствовала все эти дни и старательно скрывала от самой себя, что чувствует.

— Дэвин? — повторила Джемма, растерянno понимая, что сейчас лучше бы молчать.

И отойти в сторону — так, чтобы он ее не видел. А еще лучше — выйти из комнаты и найти Артура. Он друг Дэвина, он ведь сможет помочь...

— Мне нужно выйти на улицу, — негромко произнес Дэвин.

Он говорил совершенно спокойно, так же, как и всегда, но Джемма чувствовала, что все это маскировка. Тьма говорит голосом Дэвина, тьма смотрит на нее его глазами, и это было настолько жутко, что она почти перестала дышать.

Вороны кричали так, что в голове поднимался звон. Джемма вдруг услышала выстрел — а затем еще один. Дэвин вздрогнул, схватил ее за плечо, и его лицо посерело и осунулось — так, словно

стреляли в него.

— Дэвин! — вскрикнула Джемма, понимая, что не удержит его, если он сейчас упадет. — Кто-нибудь! На помощь!

В ту же минуту послышался еще один выстрел и хлопнула дверь — вбежали двое слуг. Глаза Дэвина закатились, и он рухнул на пол без сознания.

— Кто стрелял? — спросила Джемма у слуг, которые проворно подхватили Дэвина и уложили на кровать.

— Местные мужики, ваша светлость, — с готовностью откликнулся один из слуг. — Очень уж им эти вороны не по душе после того, как Керту зарезали. В поселке невесть что творится, Аймо снова пророчествует про Вороньего короля, парни его бить собираются, чтоб поуменел... Ой!

Слуга осекся. По светлой рубашке Дэвина медленно расплзлось кровавое пятно — под левой ключицей. Второе распускалось лохматым цветком на правом боку. Джемма смотрела, и ей казалось, что она уже никогда не сможет закрыть глаза. Три выстрела — и два поразили цель.

— Зовите врача, — решительно сказала она. — А я иду в поселок.

До поселка Джемма добралась без приключений. Выстрелы распугали воронью стаю, и страх, который сжимал Джемму, не давая дышать полной грудью, разжал тиски. Крики и вопли Джемма услышала сразу же, как только покинула сад и быстрым шагом двинулась по дорожке. Голосили и мужики, и бабы — и не пытались униматься.

— Все склонятся пред Вороньим королем! — услышала Джемма, когда под ноги легла первая улочка поселка. — Все! Ибо он уже здесь, и ему нужна законная добыча! Он придет за тем, что ему обещали!

Обитатели Хавтаваары собрались возле крошечной деревянной церквушки: осторожно пробившись сквозь испуганную стайку местных девушек, Джемма увидела, что прямо перед ступеньками храма крутится на земле шаман. Пыль стояла столбом; Аймо то вскидывал руки к небу, то валился наземь и принимался кататься, колотя в бубен судорожно сжатым кулаком. Двое самых крепких мужиков разматывали веревку, готовясь вязать помешанного, — они выглядели так, словно это была неприятная, но привычная работа.

Двери храма были заперты. На одной из створок Джемма увидела намалеванный глиф — знакомый знак Вороньего короля.

— А где батюшка? — спросила она у девушки, стоявшей рядом.

Светлокосая, в пышном платье, богато украшенном вышивкой, она щелкала семечки и устало смотрела на шамана.

— В церкви заперся, — ответила девушка. — Бойтся.

«Ну и места», — испуганно подумала Джемма. Пришло запоздалое понимание, что она отправилась сюда напрасно. О чем она будет говорить с этими людьми? Как убедит их больше не стрелять в ворон? Если это ранило Дэвина, значит, он замешан в убийстве Керту. Значит, он и есть Вороний король.

«А потом нас пойдут убивать», — подумала Джемма, и ноги вдруг сами вынесли ее вперед.

Сила, которая завладела Джеммой, была спокойной и властной, и Джемма тоже успокоилась, чувствуя, как страх отступает. Это было похоже на прикосновение ласковой руки к голове — так мама гладила ее, когда Джемма просыпалась в слезах после кошмара.

«Не бойся, котенок, не бойся, — приговаривала мама. — Я с тобой, и все хорошо».

И та же сила заставила Джемму пнуть завывающего на земле шамана носком туфельки. Пинок удачно пришелся в живот: Аймо поперхнулся воздухом и удивленно умолк.

Поселок накрыло тишиной. Мужики удивленно опустили веревку. Видно, до этого никто и понятия не имел, что можно сделать вот так: просто подойти и отвесить пинка.

— А ну заткнись! — рыкнула Джемма и вздрогнула: она и подумать не могла, что способна издавать такие звуки. В толпе кто-то охнул. Какая-то баба заплакала, вытирая слезы концом алого платка. — Заткнись, кому говорю!

Аймо удивленно поднялся на четвереньки, и Джемма с невероятным удовольствием, которое испугало ее саму, пнула шамана по тощему задку — так, что он отлетел в сторону и распластался в пыли.

«Умница. Все правильно, — доброжелательный голос, который прозвучал в ее голове, был незнаком Джемме. — Теперь обернись к ним и скажи...»

— Мой муж здесь, — сказала Джемма, развернувшись к поселянам, — потому что спас людей от дракона. Тех, которые его ненавидели. — К лицу прилила краска, Джемме одновременно сделалось жарко и так холодно, словно ее швырнули в прорубь. — А он спас их жизни. Вас он тоже спасет от этой дряни. — Джемма махнула рукой в сторону глифа. Люди перед ней казались размазанными цветными пятнами, и из этой пестрой мешанины выплывали лица. Молодые, старые, но все смотревшие на нее с одинаковым страхом и надеждой. За ней чувствовали силу и склонялись перед этой силой. — Но если хоть одна сволочь выстрелит в поселке... — Она стиснула зубы так, что челюсти занули, а потом почти выплюнула слова в толпу: — Пеняйте на себя.

Какое-то время было тихо. Потом Джемма услышала, как кто-то из баб спросил:

— Ктой-та?

— Я Джемма Эвилет, — отчеканила Джемма. — Супруга принца Дэвина.

— А я — ваш новый полицмейстер, — раздалось откуда-то справа. — Еще один припадок — буду стрелять.

Джемма обернулась и увидела Артура. В темно-сиреновом скюртуке с иголки, демонстративно вскинув к плечу руку с многозарядным пистолем, он в самом деле производил серьезное впечатление. Возможно, Джемма выглядела барынькой, которая бесится с жиру, но от Артура так и веяло властью: той самой, перед которой склоняются и никогда не спорят.

— Барышня, как вы сказали? — вдруг окликнул Джемму мужчина в потертом костюме. Весь вид этого господина говорил о том, что он из образованного сословия. — Эвилет? Вы дочь Эдвина Эвилета? Ученого?

— Которого король расстрелял? — добавил высоченный здоровяк.

— Да, — кивнула Джемма, с облегчением почувствовав, что безымянная сила, которая управляла ею, неожиданно отступила и исчезла.

От упоминания имени отца ей сделалось горько и больно — почти до слез. Артур встал рядом, не опуская пистоя. И поселяне подошли: Джемма с удивлением увидела, что они смотрят на нее с искренним уважением. Одна из женщин, черноволосая, полная, вдруг подошла и обняла ее с каким-то материнским теплом.

— Что ж вы сразу-то не сказали, — произнесли из толпы. — Знаем, все знаем, за что ваш батюшка погиб!

— И что до этого для народа сделал!

— Ништо, не бойтесь!

Джемма опомнилась только тогда, когда Артур вывел ее из пестрого водоворота лиц и голосов и повел по улице. Брат-близнец Аймо потащился за ними.

— Вы с ума сошли, — сквозь зубы проговорил Артур. — Зачем вы вообще к ним сунулись? Началась бы заваруха, вас бы на куски разорвали!

Он был бледен — Джемма увидела, что Артур с трудом сдерживает гнев. Ей снова стало стыдно — в который раз за сегодня. Только теперь Джемма окончательно поняла, чем мог закончиться ее порыв.

— Господь с вами, ваша милость, — произнес Армо. — Что мы, звери, что ли?

Артур обернулся на него, смерил оценивающим взглядом и с плохо скрываемой злостью спросил:

— Ты кто такой?

— Армо, ваша милость. Я это, спросить хотел. — Парень торопливо снял шапку и пробормотал: — Может, вам это, помощник нужен? Я грамотный, читаю, пишу...

Артур покосился в сторону Джеммы и устало вздохнул.

— О чем вы только думали, Джемма.

— Вы слышали выстрелы? — негромко спросила Джемма. Артур кивнул, и она продолжала: — Дэвин впал в какой-то транс, когда увидел стаю ворон. А потом у него появилась кровь. Стреляли в птиц, а ранили его. Что я должна была делать?

Артур растерянно посмотрел на нее и не нашелся, что ответить. Армо молчал, по-прежнему комкая свою шапку в руках.

— Грамотный, говоришь? — спросил Артур, не глядя на парня. Тот решительно закивал. — Ладно, пойдем. Может, на что и сгодишься.

ГЛАВА 11

Дэвин проснулся от того, что его легонько толкнули в плечо. Он открыл глаза, приподнялся на локте. Никого. Спальню заливал таинственный жемчужный свет белой ночи — не поймешь, который сейчас час. Джемма спала на своей стороне кровати, свернувшись калачиком и закрывая лицо ладонью, словно пыталась от кого-то спрятаться.

Да, спальня была пуста. Окно закрыто.

Дэвин осторожно дотронулся до груди. Конечно, пули в него не попали — кровь вырвалась из-за выплеска некротической энергии. Он помнил, как смотрел на воронью стаю, что кружилась над лесом, и в какой-то момент понял, что оторвался от земли и парит над верхушками сосен. Стая была единым организмом, а Дэвин сделался его душой и разумом. И перед тем, как пули обитателей Хавтаваары выбили его в реальность, Дэвин всем своим естеством ощутил, что наконец-то вернулся домой.

Темные маги используют в работе некротические потоки — так он говорил Джемме. И когда темный маг попадает в область узлов и скоплений таких потоков, то испытывает невероятный подъем сил. Дэвин с трудом подавил желание выйти из дома прямо сейчас — прогуляться по саду, полной грудью вдыхая прохладный свежий воздух, поймать дуновение ветра, почувствовать каждое движение самой жизни...

Он напомнил себе о неминуемом конфликте магических сил. Некротические поля здесь плотно переплетались с древней природной магией этих краев — если Дэвин окажется неосторожным и зачерпнет слишком много из удивительного источника волшебства, то это может уничтожить его. Или, возможно, отнимет магию — так, как конфликт сил возвращал разум несчастному шаману. Или разметет Хавтаваару по кирпичику. Одним словом, ничего хорошего. Рисковать было нельзя.

Дэвин покосился в сторону спящей Джеммы. Хрупкая барышня, которую он совершенно случайно приобрел на аукционе рабов, неожиданно оказалась весьма решительной особой. Отправилась в поселок, где назревала драка, вмешалась и надавала пинков Аймо — и все это не только благодаря авторитету покойного отца, но и с помощью силы собственного духа. В ту минуту она и понятия не имела о том, что расстрелянного батюшку здесь уважают настолько, что считают ее саму почти родной.

Он усмехнулся. Бунтарей любят все — особенно тех бунтарей, которые представляют верхушку власти и стремятся наконец-то сделать что-то хорошее для тех, кто сроду этого хорошего не видел. Неудивительно, что отца Джеммы здесь считают героем.

«Она за меня боялась, — с непривычным теплом подумал Дэвин. — Она пошла туда для того, чтобы меня защитить. Сперва я ее вытащил, потом она меня...»

От этой мысли делалось неудобно — почти неприлично. Хрупкая девушка вышла вперед, чтобы закрыть собой Дэвина, который был оглушен прорывами некротической массы. Если бы добрые поселяне узнали, к чему привела пальба по воронам, то дальнейшие их действия оказались бы предсказуемы — Дэвина спалили бы вместе с домом. И вместе с Джеммой, разумеется. Обычно в таких случаях убивают всех — он прочел много книг по истории магии и прекрасно знал, чем все заканчивается. Можно быть сыном короля, можно иметь невероятную власть — и кончить весьма плачевно. Им с Джеммой просто повезло.

Дэвин решил, что утром серьезно поговорит с ней.

Зачем она туда пошла? Джемма шевельнулась во сне, негромко вздохнула и отвела руку от лица, словно что-то, пугавшее ее, ушло и ей больше не от чего было закрываться. Дэвин вдруг подумал, что смотрит на нее с тем далеким теплом, которого не испытывал с юности, со времен своей первой любви.

Эмма была одной из немногих людей, кто его не боялся. Джемма тоже не боится. Дэвин усмехнулся: надо же, у них даже имена похожи.

Джемма что-то пробормотала во сне. Дэвину нравилось смотреть, как она спит, — сейчас девушка была настолько беззащитной и хрупкой, что ему невольно хотелось чем-то заслонить ее от бед. Он тотчас же осадил себя, сказав, что это глупо. Что это дурацкая сентиментальность, которую давно пора выкинуть из головы.

И что-то внутри, там, где кружилось хрустальное яблоко, вдруг напомнило ему: люди всегда считают глупым то, что им нужнее всего. Нежность, любовь, чистоту души. Возможно, они стесняются самих себя и прячут это стеснение за грубостью.

Дэвин выбрался из кровати и подошел к окну. Сад был укутан туманом. Далекие сосны касались

золотисто-розового неба, и вся земля еще спала. Мир был настолько торжественным и волшебным, что Дэвин вдруг испытал неукротимое, обжигающее желание слиться с ним. Раствориться в рассветном золоте, в запахе сосен, в бархате тумана — потерять себя и вернуть.

«Силы? — услышал он. — Я дам тебе силы. Приди и возьми».

За спиной с влажным треском развернулись черные блестящие крылья. В следующий миг Дэвин уже не стоял перед закрытым окном, а летел над соснами. Лес проплывал под ним величавыми темно-зелеными волнами, мелькнул тонкий шнурок реки, и воздушный поток, который подхватил Дэвина, вынес его к синей глади большого озера — окаймленное густым сосновым лесом, как зеркало — оправой, оно было спокойным и торжественным, и от его вод веяло прохладой древней тайны. Остров в центре, заросший соснами, своими очертаниями напоминал лосиную голову.

Дэвин спикировал вниз. Какое-то время он кружил над деревьями, ловя воздушные потоки, а потом неторопливо направился к земле. Он окончательно пришел в себя, когда ощутил теплый ковер из сосновых иголок под босыми ступнями. Утро было свежим, прозрачным, как тщательно отмытое стеклышко, и Дэвин сразу же озяб. Он осмотрелся: да, это действительно был остров посреди озера. Нечто, которое заговорило с ним в спальне, перенесло его сюда во плоти наяву, а не во сне. Среди ветвей порхали какие-то птицы, от воды веяло прохладным запахом водорослей и рыбы, солнечный свет золотил сосновые стволы: утро было удивительно мирным и спокойным. Дэвин провел ладонью по голове и стряхнул черное блестящее перышко.

Воронье. Ничего удивительного.

«Я ведь Принц-ворона», — подумал Дэвин.

Он вышел к берегу, постоял у воды, чувствуя, как та сила, прикосновение которой он ощутил вчера, сейчас уверенно и спокойно стучалась в его душу.

«Ты получишь все, что захочешь», — снова услышал он.

Дэвин обернулся: солнечное утро померкло, и он увидел, как по стройному золоту сосновых стволов скользнула воронья тень и исчезла.

Потом его ударило в голову — вернее, Дэвин воспринял все, что с ним случилось, именно как удар, который на мгновение помрачил разум. Но затем тьма рассеялась — и на контрасте с ней солнечное утро сделалось нестерпимо ярким, мягкие краски леса — острыми, почти режущими глаза, а беззаботный щебет птах на ветвях превратился в грохочущий набат, словно Дэвин вновь оказался в столице, среди пламени, и к нему летел дракон.

Его наполняло силой. Дэвин раскинул руки, которые на миг превратились в черные сверкающие крылья, запрокинул голову к небу, отдался на милость первобытной мощи открывшегося некротического провала. К нему потянулись ленты черного пламени, они оплетали его, заключая в давящие объятия, и Дэвин вдруг понял, что его подняло над лесом, выше верхушек сосен, выше облаков.

Ему казалось, что он одновременно видит солнце и россыпи звезд и слышит пение всех ветров мира, и шум всех волн, и голоса всех людей. На какой-то миг Дэвин вместил в себе весь мир, и это было настолько прекрасно и удивительно, что у него почти остановилось сердце.

Он и понятия не имел, что способен чувствовать настолько остро и ярко.

На остров легла воронья тень, и Дэвина плавно опустило на землю. Все закончилось.

«Все склонятся пред Вороньим королем», — вспомнил Дэвин.

За деревьями мелькнуло что-то знакомое, растрепанное — спустя несколько мгновений из-за сосен вышел Аймо. Сейчас он выглядел гораздо торжественнее и строже, чем вчера в саду. Он вымыл волосы и расчесался: теперь белобрысые пряди были подобраны и стянуты шнурком на затылке. Лохмотья остались теми же, но Дэвин заметил, что их постирали, — во всяком случае, от рванья шамана не разило так, как вчера. В одной руке Аймо держал маленький бубен, украшенный глифом Вороньего короля, в другой — резную колотушку. Бубенчики, пришитые на красные тканевые браслеты, тревожно побрякивали на запястьях.

— Тебе чего надо? — хмуро поинтересовался Дэвин. Некротический провал закрылся, но он по-прежнему чувствовал его под ногами и покачивался от переизбытка сил.

Аймо пристально посмотрел на Дэвина совершенно разумным взглядом и спокойно ответил:

— Все склонятся пред Вороньим королем. Иначе и быть не может.

С этими словами он опустился на колени и ткнулся горячим лбом в ногу Дэвина. В этом движении было что-то настолько мерзкое, что Дэвин невольно сделал шаг назад, к воде, с трудом подавив желание оттолкнуть сумасшедшего от себя.

— Я не Вороний король, — твердо ответил он. — И не собираюсь им быть. Я здесь не за этим.

Аймо выпрямился и, глядя на Дэвина с искренним теплом и сочувствием, ответил:

— Те, кого выбирает судьба, не могут ей перечить. Вороний король всегда получает свое. Хочешь ты этого или нет, но он получает.

— Кто убил ту девушку? — спросил Дэвин.

Ощущение было таким, словно он голыми руками полез в навозную кучу — в душе сделалось холодно и противно.

— Вороний король всегда получает свое, — повторил Аймо. — Не перечь ему, и все будет хорошо. Мы все будем щедро вознаграждены. А ты займешь трон, который принадлежит тебе по праву.

Дэвин не успел ничего сказать — над водой разнесся крик:

— Он там! Вон он! Э-ге-ге!

Дэвин обернулся и увидел группу людей на другом берегу, среди которых заметил Артура. Тот вышел вперед и энергично замахал рукой:

— Эй! Дэвин! Живы?

Дэвин махнул ему в ответ и прокричал:

— Все хорошо!

— Стойте там! — ответил Артур. — Сейчас лодку пригоним!

— Не надо! — крикнул Дэвин и, преодолев свою брезгливость, подхватил шамана под локоть и нырнул с ним в трещину в пространстве.

Он знал, что переходить с кем-то — та еще работенка, но на этот раз переход дался ему легко — так, как никогда раньше. Дэвину подумалось, что это от того, что его хотят вознаградить, но кто и за что именно, он так и не понял.

Вороний король? Только этого ему и не хватало. Да и нет никаких Вороных королей. Есть только природные некротические провалы, из которых темные маги черпают силы. Провал в этих краях очень мощный, он копил эту мощь многие сотни лет, но и в этом тоже нет ничего неестественного.

Просто природа и магия. Вот и все.

Они вывалились на берегу прямо под ноги собравшимся. Один из мужиков, бородатый здоровяк, сразу же дал Аймо такого пинка, что тот покатился по песку, завывая и поскуливая.

— Ах ты ж дрянь проклятая! — пророкотал здоровяк. — Зачем сбежал? Мать места себе не находит! Мы всю ночь по лесам носимся, тебя ищем! А ты на острове засел, гадина!

Второй пинок отправил шамана в воду. Он выронил бубен и, поднявшись, принялся искать его в озере, хныча и стеная. Бородач только рукой махнул: выражение досадливой злости на его угрюмом лице, похожем на небрежно слепленную из глины маску, было каким-то привычным. Похоже, он частенько не спал ночами, отправляясь на поиски сбежавшего безумного сына. Армо, который держался рядом с Артуром, выглядел расстроенным и, кажется, с трудом сдерживал слезы.

— Ваш сын? — спросил Дэвин.

Бородач кивнул.

— Да, ваше высочество, — мрачно ответил он. — Мы уж привязываем его, а все сбегает. Дурачок, ума лишился по болезни.

— Я знаю, — сказал Дэвин. — Сочувствую вам.

Бородач вздохнул, махнул рукой.

— Спасибо, что нашли его. Дурацкое дело-то нехитрое, он куда только не забирается. А мы вон с кумом да с его милостью всю ночь по лесу шатались, в болоте купнулись, до самого Белокаменья добрались... Эх!

Дэвин заметил, что Артур выглядит очень серьезным, и почему-то обрадовался тому, что его друг настолько решительно взялся за работу полицеймейстера. Ему хотелось иметь здесь опору. Он невольно поблагодарил его величество Кормака за то, что тот разрешил сыну назначать мелких чиновников. Власть есть власть, что тут говорить.

«Интересно, думал ли отец о том, что я могу основать здесь собственное маленькое королевство? — подумал Дэвин. — Своя полиция, своя небольшая армия... Я вполне могу призвать наемников, благо средства позволяют. И начать строительство, чтобы Хавтаваара стала городком, а не поселком. Еще могу затеять просветительскую работу — а почему бы и нет? Самый крупный северный университет, в котором будут учить бесплатно, за счет учредителя, то есть меня. Вот народу-то съедется, из талантливых и умных, но бедных! И, разумеется, разведка металлов и минералов, тут их наверняка много: надо же нам будет чем-то торговать. И вот на севере, в древних магических землях быстро возникнет крошечное, но невероятно могущественное государство во главе с темным магом».

— Остается только вопрос, зачем мне это, — негромко заметил он, и Артур тотчас же переспросил:

— Что, прости?

Отец выволок шамана за шиворот из озера и повел по тропинке, сопровождая пинками, затрепинами и забористой бранью. Второй мужичина, тот самый кум, последовал за ними, старательно помогая воспитывать крестника такой отборной нецензурщиной, что Армо, который тащился за Артуром, сокрушенно качал головой.

— Батюшка, — тоскливо окликнул он. — Что ж вы так бранитесь-то? При его высочестве, при его милости...

Бородач обернулся, показал сыну кулак весьма впечатляющих размеров и пообещал:

— Сейчас и ты у меня получишь, если рот не закроешь.

Армо насупился, понимая, что лучше не лезть к отцу под горячую руку. Видно, этот кулак частенько гулял у него по ребрам. Бородач покосился на Дэвина и уже совсем другим тоном произнес:

— Извините, ваше высочество. Мы тут слов не выбираем, когда такие дела.

Дэвин прекрасно его понимал. Если бы у него был безумный сын, который не раз и не два сбежал из дому, то он еще не так на него орал бы.

Дорога до поселка заняла полтора часа по холодку: когда тропинка вывела их из леса к окраине Хавтаваары, Дэвин окончательно озяб и не чувствовал ничего, кроме глухого раздражения. Но поселок ему понравился: аккуратные чистые домики, кружевные наличники, садики с цветами и упитанные свиньи в каждой луже. Провинция во всей красе — можно размещать в учебнике географии.

— Вашвысочество, ваша милость, — сказал Армо, когда отец уволок шамана в дом, откуда сразу же послышались женские причитания и вопли. — Может, в таверну заглянем, позавтракаем? Я вас угощу за спасенье брата. А то иззябли же все за ночь, да и живот вон разговаривает. А так яишенка, бекон, все простое да сытное...

Дэвин не успел ответить. Откуда-то из-за домов донесся женский визг, и он увидел, что над крышами медленно-медленно кружит воронья стая. Новые и новые птицы появлялись словно бы из ниоткуда, размеренно парили над поселком, не издавая ни звука. Из дома послышался тоскливый стон Аймо, похожий на звериный вой.

Артур устало провел ладонью по лбу и вздохнул.

— Вот и позавтракали.

ГЛАВА 12

— Это убийство, которое совершил человек, а не дух, призрак, Вороний король или животное. Убийств уже два, со схожим почерком — обе девушки невинны, у обеих перерезано горло. Так что можно уверенно сказать, что в Хавтавааре действует маньяк. Осторожный, хитрый и очень опытный. Не оставил никаких следов и зацепок.

Дэвин отвел под полицейский участок часть своего особняка. Теперь здесь был кабинет Артура и комната для прочих нужд — сейчас в ней на столе лежало тело второй убитой девушки, и Артур с крайне серьезным видом ходил вдоль стола и рассказывал о том, что успел обдумать. Он успел тщательно осмотреть тело, изучить рану и сейчас был очень бледен и энергичен — должно быть, именно так он выглядел тогда, когда обнаруживал очередную научную диковинку. Джемма стояла так, чтобы не видеть покойницу, и невольно радовалась тому, что Артур с таким рвением взялся за дело.

Дэвин успел переодеться — когда он вошел в дом босиком и в пижаме, то Джемма неожиданно для самой себя испугалась так, что ноги стали ватными. Она чувствовала, что здесь, в Хавтавааре, происходит что-то, перед чем они не смогут устоять. Что-то, способное забрать их и уничтожить.

Сейчас Дэвин стоял рядом, держался совершенно невозмутимо, и Джемма заметила, что на его щеках появился румянец. Он выглядел посвежевшим и энергичным, словно сумел откуда-то почерпнуть силы. Кейво, поселковый староста, косился на него с уважением и опаской. Джемма подумала, что он боится не магии, но новой власти.

Сын короля, пусть и изгнанный, как раз и был такой властью. Здесь, в дальних краях, это ощущалось особенно четко.

— Ваша милость, — подал голос Армо. Помощник Артура был бледен до синевы, и его вполне ощутимо покачивало при взгляде на покойницу. Будь его воля, он бы зажмурился, но Армо, похоже, боялся, что за это его попросят на выход и больше не пустят обратно. А ему нравилось быть при Артуре, Джемма это прекрасно видела. — А откуда же он взялся-то здесь, этот душегуб?

Артур усмехнулся. Джемма подумала, что назначение было правильным. Он обладал умом и цепкостью, не боялся ничего и никого и брался за дело с энтузиазмом истинного ученого. Должно быть, вот таким же быстрым шагом Артур ходил в своей лаборатории, исследуя добычу. Он ничего не упускал из виду — этому его научили работа и наука. Он был готов докопаться до правды.

— Сюда приехали мы втроем, — ответил Артур и широким жестом указал на Дэвина и Джемму. — Но у всех нас есть алиби на момент убийства. Так что это не мы.

Поселковый староста охнул и провел по виску указательным пальцем, отпугивая нечистого. Диковинное «алиби» напугало его чуть ли не хлеще двух покойниц за два дня.

— Помилуй бог! — воскликнул он. — Помилуй бог, как можно его высочество в таком лиходействе подозревать!

Джемма поняла, что до здешних мест не добралось большинство слухов о делах Дэвина, иначе староста не подозревал бы Принца-ворону в убийствах, а был бы твердо уверен в том, что именно он приложил к ним руку.

— Значит, это действует кто-то из местных, — продолжал Артур. — Господин Кейво, сейчас мы отдадим вам покойницу для отпевания... Что она, сирота?

— Сирота, ваша милость, — прогудел староста. Его голос рокотал так, что у Джеммы в ушах зазвенело. — Мать от родильной горячки умерла, отца зимой медведь задрал. Вот, живет потихоньку. К ней от Калле-мельника хотели сватов посылать, а теперь вон чего.

— Н-да, обстоятельства, конечно... — вздохнул Артур и недовольно покосился на своего помощника, который едва не падал в обморок. — Армо! Хочешь на травке прилечь — иди приляг. И не появляйся больше, мне тут нервные сопляки не нужны!

Парень встrepенулcя, провел ладонями по лицу и выпрямился, всеми силами показывая, что ничего не боится и готов к работе.

— Так вот, вы, Кейво, забираете девушку, а мы отправляемся опрашивать население, — наконец-то закончил фразу Артур. — Кто где был, кто что видел. Вечером собирайте народ у церкви, расскажу, как себя вести.

Кейво важно кивнул. Ему очень понравилось то, насколько серьезно и властно говорил Артур, — староста даже прищурился от удовольствия.

— Только вы осторожнее, ваша милость, — попросил он и на всякий случай поклонился. — Вороны эти проклятые разлетались, мало ли что? До греха-то недалеко.

Артур посмотрел так, словно перед ним была свинья, которая внезапно заговорила человеческим голосом.

— Что — «мало ли что»? — уточнил он нарочито ласковым тоном.

Староста замялся, принялся крутить шапку в пальцах.

— Ну... рисунки эти гадкие, Вороний король. Вдруг это он жертв собирает? Бабы говорят, что без него не обошлось.

Дэвин усмехнулся. Джемма невольно вспомнила, как вчера у него брызнула кровь после выстрелов по воронам, и ей вдруг захотелось взять его за руку. Просто так, чтобы он почувствовал ее тепло. Они ведь так и не поговорили толком. Сначала Джемма проснулась и увидела, что Дэвина нет, а потом сюда принесли мертвую девушку, и уже было не до разговоров.

— Вороний король? — переспросил Артур тем тоном, который показывал, что с ним лучше не связываться и не спорить. — Вы верите в эти бредни умалишенного?

— Ну... — замялся староста. — Бредни, не бредни... А вы, ваша милость, выйдите в лесок вечером. Почувствуете, что тут земля такая. На ней чего только не бывает. Удивительные вещи, бывает, творятся. Вон, например, Милли видел огненную змейку, та ударилась о камень и рассыпалась. Верное дело, рядом золото. Ну, он копнул — и самородок вот такущий!

На щеках Артура вспыхнул румянец.

— В лесок? Да я всю ночь по вашим лескам гулял, ловил этого вашего убогого. Я весь север пешком обошел! Чтоб больше никаких бредней о Вороньих королях! Пока вы трясетесь от страха, маньяк убивает! Давайте, играйте на его стороне!

— Избави Господь, ваша милость, избави Господь...

— Вот то-то же. Армо, ты-то что стоишь? Несите уже эту несчастную, я все закончил.

Когда тело убитой девушки унесли, то Дэвин осторожно, словно боялся испугать, дотронулся до запястья Джеммы и произнес:

— Мне надо с тобой поговорить.

Это было сказано спокойно, но Джемма почему-то испугалась. Она давно поняла, что Дэвин не сделает ей ничего плохого, она видела от него только добро, но сейчас страх куснул ее очень ощутимо. Они перешли в гостиную, и Дэвин сказал:

— Ты вчера убежала в поселок. Когда я потерял сознание.

— Я испугалась за тебя, — призналась Джемма, и ей снова сделалось невероятно стыдно за свой вчерашний поступок и страх. — Эти выстрелы и кровь... я подумала, что тебя сейчас убьют.

— Ты подвергла себя опасности. — Дэвин встал у окна и задумчиво посмотрел в сад — садовник усердно щелкал ножницами, приводя в порядок кусты бересклета. Сад постепенно обретал вполне приличный вид. Не столичный, конечно, куда ему до столичного, — но достойный. — Они могли что-нибудь с тобой сделать.

— Я понимаю, — кивнула Джемма. Ей казалось, что она снова стала маленькой девочкой, которую родители отчитывают за какую-то провинность. Дэвин не ругал ее, его слова были правильными, но Джемме хотелось опустить голову ниже, так, чтобы подбородок уткнулся в грудь. — Но мне было страшно, и я хотела их остановить. И боялась, что не успею и они снова будут стрелять по воронам. И потом я вернусь и увижу, что ты умер и я теперь одна.

Дэвин обернулся. Он смотрел на Джемму так, словно не мог поверить, что услышал именно то, что было сказано, и от этого у него сделалось тепло на душе.

— Я очень тебе признателен, — произнес он. — За меня никто и никогда не волновался — особенно так, чтобы бежать в толпу народа. Это... непривычно, да. Очень непривычно.

Джемма поднялась с кресла, подошла к Дэвину и взяла его за руку — холодную, неожиданно тяжелую, чужую. Но от ее пальцев потянулись ленты тепла, и рука ожила и согрелась. И от этого Джемме тоже сделалось тепло — так, словно где-то в ее груди, там, где кружилась половинка яблока, вдруг вспыхнул огонек и заставил сердце застучать: быстро, испуганно, в предчувствии чего-то удивительного и хорошего.

Джемма никогда ни с кем не целовалась — когда она поняла, что Дэвин целует ее, то ей на мгновение сделалось жутко. Сердце заколотилось еще быстрее. Поцелуй был очень нежным, очень неторопливым, и Джемма сама не поняла, как откликнулась на него.

Ей казалось, что она падает, а потом падение превратилось в полет — высоко-высоко, над вершинами сосен, над тонкими нитями рек и синими пятнами озер, над водоворотами звезд, и уже неясно, где земля, а где небо. Джемма чувствовала плечи Дэвина под своими пальцами, от него веяло чем-то сухим и горячим, а сердце рвалось из груди, и душа летела за ним следом.

Все в ней пело и рвалось. Губы жгло — да в тот момент Джемму всю охватило огнем.

«Если это так у нас, то что же бывает, когда находишь свою вторую половину?» — только и смогла подумать она.

Когда они наконец-то смогли оторваться друг от друга, Дэвин прижал ее к себе и негромко произнес:

— Больше никогда так собой не рискуй. Я не могу тебя потерять.

— Я постараюсь, — выдохнула Джемма. Волшебство складывало крылья, но не покидало ее. Джемме хотелось поднять руку и дотронуться до губ кончиками пальцев, чтобы убедиться: этот поцелуй ей не приснился, он был на самом деле. — И ты тоже береги себя. И не рискуй понапрасну.

Дэвин горько усмехнулся и, отойдя от окна, поинтересовался:

— Помнишь, я спрашивал, веришь ли ты в судьбу? После того как мы приехали с аукциона?

Джемма кивнула. Иногда ей казалось, что все слова, сказанные в тот день, когда Дэвин купил ее, навсегда впечатаны в ее память. Что ни одно из них не забудется, даже когда Джемма состарится и лишится рассудка, — они будут полыхать в ее мозгу алыми цветами.

— Да, — кивнула она. — Помню, конечно.

— Иногда мне начинает казаться, что нас с тобой сослали сюда не просто так, — произнес Дэвин. — Что все это было настоящим велением судьбы, которому даже короли не способны противостоять. И просто исполняют ее волю, не понимая до конца, почему так поступают.

Джемме вдруг показалось, что она рухнула в прошлое. Примерно такие же чувства — растерянность и безграничный ужас — она испытывала в тот момент, когда ее вывели к покупателям в аукционном зале.

— Дэвин, что случилось? — прошептала она и не узнала своего голоса.

— Мне кажется, кто-то пытается пробиться ко мне через некротическое поле, — ответил он. Почему-то сейчас он старался не смотреть в сторону Джеммы, словно боялся, что кто-то еще сможет ее увидеть его глазами. — Кто-то постоянно стучит в мою душу и просит, чтобы я открыл ему двери. Сегодня именно он выдернул меня из спальни, превратил в ворону и вынес за несколько миль отсюда.

Джемме неожиданно и остро захотелось вцепиться зубами в костяшку указательного пальца: она всегда закусывала ее в детстве, когда волновалась. Даже крошечный полукруглый шрам остался.

— Оно... злое? — спросила Джемма, понимая, что говорит о полной ерунде.

В мире магии нет ни зла, ни добра, есть просто направленность полей, которые маг использует в работе. Она уже успела это понять.

Что-то хотело завладеть Дэвином. Что-то, связанное с глифами Вороньего короля на древесных стволах и телами убитых девушек.

— Нет, не злое, — откликнулся Дэвин. — Оно просто существует, и я ему нужен.

— Но зачем?

— Не знаю. Сегодня оно забрало меня на остров на озере. И там меня встретил этот безумный Аймо, который встал передо мной на колени, как перед Вороньим королем. — Он усмехнулся и добавил: — В этом даже было что-то рыцарское, что ли. Хотя я в тот момент хотел его ударить, настолько мне стало мерзко.

Жар отступил — Джемме стало очень холодно. Дэвин сел рядом, обнял ее, укутал своим теплом и спокойствием, и на мгновение Джемма подумала, что он ошибается. Это просто остатки болезни после сражения с драконом, нет никакого Вороньего короля, и бояться нечего.

— Он, возможно, знает, как тебя называют, — сказала Джемма. — Принц-ворона.

Она осеклась, понимая, что с ее языка сорвалась язвящая гадость. Но Дэвин лишь кивнул — то ли не обратил внимания, то ли не видел ничего неприятного в своем прозвище.

— Да, но дело ведь не в этом. Здесь есть сила, которая пронизывает весь север. Я ее чувствую. И этот бедный сумасшедший — тоже. Он весь пропитан магией, но другой направленности.

— Может быть, это он рисует глифы, — предположила Джемма.

Дэвин качнул головой, словно тоже думал об этом, и сказал:

— Что бы ни случилось, тебе нечего бояться. Я тебя никому не дам в обиду.

У Джеммы дрогнуло сердце — как и всегда, когда говорят о простом и главном.

Она была не одна — словно солнечный луч, широкий и ясный, озарил ее жизнь и дал это понять.

ГЛАВА 13

Все, что случилось вечером, после заката, казалось Джемме сном. Только во сне все бывает настолько легко и правильно.

Дэвин целовал ее так отчаянно и с такой любовью, что в какой-то миг она подумала, что готова снять перед ним не только платье — кожу. Открыть всю себя: мысли, страхи, надежды. Отдаться без остатка, не оставив ничего. Принадлежать ему полностью. Соединиться с ним так, как соединяются две половинки хрустального яблока.

Это было больше чем любовь и сильнее чем зов плоти. Джемма чувствовала, что падает. Что еще немного — и будет взрыв, и весь ее мир разлетится на осколки.

Каждое прикосновение Дэвина погружало Джемму в омут — золотой, глубокий, наполненный искрящимися блестками света и пузырьками воздуха. Ей казалось, что еще немного — и она перестанет дышать, просто не вынесет того тепла, которое разрасталось в ее груди и заставляло зажиматься от удовольствия. Пальцы Дэвина обжигали, вынуждали сердце стучать с переборами, и Джемма уплывала куда-то в глубину, где были золото и мед, где тело накрывала волна удивительного, недоступного прежде счастья. Даже боль, которая укусила Джемму тогда, когда Дэвин вошел в нее, тоже была похожа на сладкий томительный восторг. Возможно, это и было любовью.

Потом они долго лежали обнявшись, не произнося ни слова. В открытое окно дул свежий ветер, и Джемма видела, как в золотистой глубине белой ночи проступили звезды. Вскоре издали донесся едва различимый мелодичный звон — они запели свою тихую песню.

Потом она заснула — и сон, который ей приснился, был настолько ярким, что Джемма какое-то время была уверена: все происходит наяву. Все то тепло, что дал ей Дэвин, развеялось туманом над болотами, улетело с холодным ночным ветром, осыпалось на алые тропинки клюквы.

Теперь с ней был только страх.

Сон выбросил Джемму на поляну соснового леса. Деревья, что касались макушками ночного туманного неба, были похожи на колонны циклопического храма — да это и был храм: Джемма увидела, что лежит на черной каменной плите, и поняла, что ее принесли сюда и возложили на алтарь. Она была полностью обнажена — знобящий ночной ветер скользнул по телу, заставив кожу покрыться мурашками. Сумев поднять голову, Джемма увидела, что у нее на груди изображен глиф Вороньего короля: красный, грубый, заставляющий терять рассудок от пульсирующего ужаса.

От камня веяло теплом. На мгновение Джемма увидела бледную вереницу призрачных девушек, ускользнувших за деревья, — тех девушек, которые отдавали свои жизни на этом алтаре. Сейчас, глядя на сосновые стволы, исчерканные глифами Вороньего короля, Джемма понимала: это существо не сказка и не бред помешанного, это древнее порождение болот, которое правило здесь тогда, когда предки людей еще не спустились с деревьев.

Оно отступило, но не исчезло. И ему нужна была пища. Вороний король уже получил двух девушек из Хавтаваары — теперь пришла очередь Джеммы. Она успела лишиться невинности, но ему, видимо, было все равно.

Молочное сияние белой ночи померкло. Джемма увидела, как из-за стволов к ней скользнула бесформенная черная тень. Джемма рванулась в сторону всем телом, пытаясь спастись, но у нее ничего не получилось: невидимые оковы крепко удерживали ее на алтаре.

«Меня убьют, — с отчаянной горечью подумала она. — Перережут горло, как тем девушкам».

Джемма вдруг поняла, что не успела попрощаться с Дэвином, и в тот же миг ей стало ясно, что это сон. Надежда придала ей сил, и она снова задержалась на алтаре и ударилась затылком о камень, чтобы проснуться или упасть в обморок, но ни беспомощность, ни пробуждение не пришло.

Тень сгустилась, легла на стволы черным отпечатком, и Джемма увидела: человеческое тело, воронья голова, сверкнувший в сумраке клюв. Ужас, охвативший ее, был таким, что все тело онемело, сделалось непослушным и чужим. То, что шло к ней, не имело никакого отношения к миру живых.

«Оно меня убьет», — подумала Джемма, и тьма рассмеялась:

— Нет. Не убью.

Мужской голос был негромким и очень мягким — он казался прикосновением перышка к шее. Тяжелая прохладная ладонь опустилась на колено Джеммы, и она задержалась на камне с

утроенной энергией. Освободиться любой ценой, только бы освободиться!

Вороний король рассмеялся, и во мраке раскатились волны — словно камешек упал в ночной пруд. Джемма закусила губу, отвернулась. Не смотреть на него! Не смотреть...

— Зачем?

— Убежать, — выдохнула Джемма в сумерки. — Убежать подальше отсюда.

— Здесь кругом озера и болота. — Джемма почти видела улыбку Вороньего короля: мягкую, сочувственную. Улыбавшийся рот был волевым, с четко очерченными бледными губами. Рука скользнула по ноге к бедру, остановилась на животе, и Джемма оцепенела, как кролик, прижатый к земле лапой волка. — Боюсь, ты утонешь через несколько шагов. А я этого не хочу.

— Зачем я тебе? — прошептала Джемма, и тьма склонилась над ней, обняла, укутала и впитала в себя.

— Затем, что ты моя и всегда была моей, — ответил Вороний король. — Не бойся меня. Не бойся.

У поцелуя был вкус болотных ягод, крови и дыма. Тело Джеммы окатило удушающим жаром — тем, который идет от лесных пожаров, когда горит нутро земли. Во рту пересохло. Прикосновение невидимых пальцев к щеке было легким, трепетным и нежным — тень вдруг рассмеялась и спросила:

— Неужели тебе так страшно?

— Страшно... — только и смогла выдохнуть Джемма.

Стремление сопротивляться покинуло ее — сейчас она сама себе напоминала безвольную и безропотную куклу. Рабыню, вещь, от которой требуется одно: быть милой и послушной, настолько ее подавляла волна тьмы, что шла от Вороньего короля.

— Посмотри на меня, — ласково сказал Вороний король, и острые пальцы подцепили подбородок Джеммы, повернув ее голову так, чтобы она не могла отвести взгляд. — Просто посмотри на меня.

Тьма запеклась кровью над раной, и из тьмы вдруг выплыло знакомое лицо — Дэвин смотрел на Джемму, и в его глазах плескалось расплавленное золото. Голову венчала корона из вороньих перьев — среди них Джемма увидела мелкие кости, перевитые серебряными нитями. По плечам струилась черная дымная мантия, и в извивах дыма Джемме виделись рты, распахнутые в беззвучных воплях боли.

— Дэвин... — только и смогла прошептать она.

В ту же минуту сон выбросил ее в реальность — Джемма не сразу поняла, что заходится в крике ужаса, что ее тело изламывает судорогой и что в спальне горит свет.

— Держать! — услышала она крик Дэвина, и ей сразу же сделалось легко.

Дэвин здесь, он сможет все исправить, он ей поможет! Чьи-то руки вдавили Джемму в кровать, и над лицом поплыла тонкая струйка золотого дыма.

Стало жарко — настолько, что все тело мгновенно покрылось потом. Это было похоже на исцеление, которое неожиданно приходит после долгой болезни. Джемма обмякла на простынях, мокрая и обессиленная, с детской искренностью радуясь тому, что все это оказалось сном и сон закончился.

Не было никакого Вороньего короля с лицом Дэвина. Не было каменного алтаря среди сосен и алых глифов на стволах. Кошмар закончился — Джемма никогда не была настолько счастлива.

В губы уткнулся край стакана, и Дэвин приказал откуда-то издалека:

— Пей.

Джемма послушно сделала несколько глотков. Простая холодная вода с почти неуловимым ягодным вкусом. Тем самым, который плыл на губах Вороньего короля, когда он целовал Джемму на алтаре. Ее охватило омерзение — Джемма словно рухнула в густую теплую грязь.

— Вот и умница.

Стакан убрали, и в поле зрения появилось лицо Дэвина: привычное, встревоженное, без малейших следов тьмы. Джемма нащарила его руку, сжала — живой. Настоящий.

— Дэвин... — прошептала Джемма. — Что случилось?

Он смотрел с болью и страхом: страх отступал, но волнение и дрожь оставались. Джемме захотелось обнять его — так крепко, как только можно, чтобы окончательно убедиться, что с ними обоими все в порядке.

— Прорыв некротического поля, — ответил Дэвин — он всматривался в Джемму так, словно тоже пытался увидеть в ней тьму. Словно он тоже во сне был в лесу и лежал на алтарном камне, а из-за сосновых стволов к нему выходила тень с лицом Джеммы. — Он очень сильно тебя зацепил. Как ты?

Джемме казалось, что она никогда не сможет закрыть глаза. В горле словно свернулась тугая пружина, поцелуй Вороньего короля горел на губах огненной печатью.

— Мне приснился страшный сон, — промолвила она. — Я была в лесу... и там был каменный алтарь. Такая черная плита...

Горло стянуло спазмом, и Джемма поняла, что не скажет ни слова. Это было той жуткой тайной, которую она должна была хранить — и от себя, и от Дэвина. Потому что рассказывать о том, что Вороний король целовал ее, прикасался к ней — нет, это было бы бесчестно. Она причинила бы Дэвину боль.

— Таких алтарей множество в здешних лесах, — услышала Джемма голос Артура откуда-то из-за головы: похоже, он стоял возле окна и примчался, когда произошел прорыв. — Я видел их не раз и не два. Древние племена приносили на них жертвы своим богам.

Джемма почувствовала, как в животе заворочался липкий ком тошноты. Все правильно. Вороньему королю нужна была жертва — и он бы взял ее. Присвоил бы так же, как облик Дэвина.

— Ты видела кого-нибудь? — спросил Дэвин так, что Джемма поняла: у нее не выйдет отмолчаться или обмануть его.

Потому что он тоже был на той поляне, он стоял у камня, увенчанный короной из костей и перьев. Все склонятся пред Вороньим королем. Омерзительная фраза так и прыгала на языке. И она была не просто наваждением.

— Там была тень чего-то огромного, — прошелестела Джемма. — Человек с вороньей головой. Он склонился надо мной и сказал, что я всегда принадлежала ему.

Лицо Дэвина дрогнуло, но он ничего не ответил. Просто провел по лбу Джеммы — от его пальцев веяло прохладой, и ей сразу же сделалось легче. Тьма отступила окончательно, и Джемма знала, что она больше не имеет над ней власти.

— Что это было, Дэвин? — спросила Джемма. — Ты знаешь?

Некоторое время он молчал, словно действительно знал ответ и не хотел, боялся говорить. «Неужели это ты? — с ужасом подумала Джемма. — Неужели это ты был там?»

Ей хотелось встряхнуть его. Заставить заговорить. Ей хотелось проникнуть в его душу, заглянуть в разум и память — узнать, почувствовать, проверить.

— Все склонятся пред Вороньим королем, — глухо повторил Дэвин и провел ладонями по лицу. — Это бывает, иногда некротическое поле проникает в сознание и являет пугающие образы. Тут второй день об этом говорят, неудивительно, что тебе стало страшно.

Он говорил спокойно, но Джемма чувствовала: за этим спокойствием ревет и гудит пламя, готовое вырваться и поглотить.

— Но я никому не позволю тебя обидеть, — твердо произнес Дэвин. — Никому и никогда.

И Джемма ему поверила.

ГЛАВА 14

Стоя у зеркала, Дэвин всматривался в свое лицо и не видел ничего подозрительного или пугающего. Сильный и совершенно здоровый молодой мужчина. Единственный его дефект — целое яблоко. Вон крутится неспешно, рассыпает золотые искры. Значит, все это было наяву. Ничего не приснилось.

Дэвин не обладал успокаивающей привычкой прятать голову в песок: он всегда признавал правду, насколько бы неприятной, отвратительной и пугающей она бы ни была. В Хавтавааре творились очень странные дела.

Должно быть, общая масса некротической энергии, которая скопилась здесь, достигла того предела, за которым наступал взрыв. Ночью случился крошечный прорыв, который прошел через Джемму. Дэвин успел полностью впитать все выброшенные силы, и сейчас ему казалось, что он готов взлететь.

Повинуясь какому-то таинственному темному призыву, он поднялся на носки и раскинул руки. Кожу на запястьях тотчас же стало печь, словно там пробивались черные перья, голова закружилась, и Дэвина мягко оторвало от пола и стало неторопливо поднимать к потолку.

Ему хотелось смеяться. Да, Вороний король существует, и глупо было бы это отрицать. Да, Вороний король полностью восстановил те силы, которые Дэвин истратил в сражении с драконом, и дал ему больше. Да...

В дверь постучали, и наваждение исчезло. Дэвин снова увидел себя стоящим перед зеркалом с опасной бритвой в руке. Когда он взял ее? Вроде бы не собирался бриться.

— Письмо, ваше высочество. — Слуга протянул поднос с конвертом.

Дэвин нахмурился. Кому бы вдруг ему писать? Неужели отец или мать вдруг заинтересовались его делами или самочувствием после сражения с драконом?

Он взял конверт, отпустил слугу и какое-то время задумчиво смотрел, как болотный бес, пойманный им в поезде, угрюмо возится в склянке, ковыряя пробку когтем. Затем Дэвин перевел взгляд на печать и усмехнулся. Белая голубка с розой в лапках — такую пошлость себе могли позволить только женщины из дома Кавендишей.

На какой-то миг им овладело желание бросить письмо в камин и забыть о нем, но Дэвин понимал, что Элино́р Кавендиш просто так от него не отстанет.

Когда-то они встречались. Элино́р, юная вдова генерала Бувье, была из той породы женщин, которые любят опасность, риск и все необычное и пугающее. Простые карамельные люди и отношения таких женщин не интересуют — им нужно то, что щекочет нервы. Иногда Дэвину казалось, что Элино́р любит играть со смертью. Самый сильный темный маг привлекал ее в качестве любовника настолько, что однажды Элино́р пробралась в лабораторию Дэвина и устроилась там на столе для экспериментов, приняв самую соблазнительную позу. Всю ее одежду составляла лишь золотая цепочка с амулетом на шее.

И Дэвин тогда подумал: «А почему бы и нет? Она хочет опасную игрушку, я хочу иллюзию счастья». Они провели вместе полгода, а затем Элино́р наигралась и упорхнула к кому-то другому. Помнится, Дэвин даже не расстроился по этому поводу. Ушла и ушла.

Но теперь-то ей что вдруг понадобилось?

Печать хрустнула в пальцах. Дэвин открыл письмо и прочел:

«Мой дорогой Дэвин!

Я с удивлением узнала, что ты, оказывается, теперь живешь на севере! Все газеты кричали о твоём подвиге и убийстве дракона, так что я думала, что ты по-прежнему в столице, в чести и славе, принимаешь восторги поклонниц и полностью доволен жизнью. Но нет! Живя со своим генералом, я успела понять: чем больше ты сделаешь для людей, тем меньше получишь».

Дэвин ухмыльнулся. Интересно, что успел понять сам генерал? Что его угораздило взять в жены юную шлюшку, которая раздвигает ноги перед всеми кому не лень? Ну нравятся ей статные мужчины в красивой форме, что теперь поделать. Не может устоять.

«На твоё счастье, я с подругами сейчас нахожусь в Каллеватто. Прелестный городок! Любуемся белыми ночами, едим рыбные стейки с красным вином, в общем, ведем скучную жизнь курортниц. Но я с легкостью оставляю этих болтливых дур, они мне изрядно надоели. Готова приехать к тебе в гости, в тихую Хавтаваару, чтобы развеять нашу общую скуку. Когда-то мы с тобой прекрасно проводили время вместе, даже вспомнить сладко об этих чудесных деньках! Что уж говорить о

ночах, в которые нам не приходилось спать!

Говорят, ты скоропостижно женился? Ну так это не проблема, с нами проводит время Матиас Штрубе, ты, возможно, слышал о нем. Величайший живописец современности! Твоей прелестной супруге не будет скучно в его обществе. Напиши мне как можно скорее.

Дэвин провел ладонью по лицу: ему казалось, что кто-то смотрит за тем, как он читает письмо. Тон был грубым, но вполне светским — в конце концов, какие могут быть церемонии между бывшими любовниками, которые в свое время в полной мере познали всю науку плотской страсти, не отказав себе в удовлетворении самых затейливых и даже грязных желаний. Надо же, какая Элинор заботливая: даже художника привезет, чтобы жена тоже была при деле.

Ему сделалось мерзко. Да, вот так обстояли дела в свете. С виду все очень чопорно и прилично, все ходят в церковь, жертвуют на благотворительность и стараются выглядеть как самые искренние и преданные отцы и матери семейств, которые всем сердцем любят законную половину. Но копни чуть глубже...

Конечно, Джемма о таком не знала. Ее родители любили друг друга и хранили верность на самом деле, а не напоказ. Зато ее бывшие подружки, те самые, которых распугал сторожевой амулет Дэвина, наверняка насмотрелись всякого в своих семьях. И усвоили важную науку: главное, чтобы все было тихо. Чтобы соседи ничего не знали. Тогда можно жить так, как тебе захочется.

Ему захотелось помыть руки — стряхнуть с себя ту дрянь, которую прислала Элинор. Зачем она приехала? Что ей и ее светским курицам делать на севере? Любоваться белыми ночами? Дэвин прекрасно знал, что барышни предпочитают юг с теплым морем, пальмами и знойными красавцами, которые распевают серенады под окнами. Или это работа его величества Кормака, который отправил Элинор сюда, чтобы присматривала за ссыльным принцем?

Дэвин швырнул письмо на пол и быстрым шагом покинул комнату. Надо было сосредоточиться, надо было успокоиться — Вороний король, две убитых девушки, а теперь еще и бывшая любовница, которой ни с того ни с сего приспичило упасть ему в объятия. Невольно голова кругом пойдет.

Джемма вошла в комнату через несколько минут и поняла, что разминулась с Дэвином совсем недавно: в воздухе еще плыл запах его одеколона. Увидев письмо на полу, она наклонилась и подняла его. Мама всегда читала письма отца, а он — ее. У них не было секретов друг от друга, и Джемма как-то не подумала, что может наткнуться на что-то, способное ее ранить.

Ей хватило одного взгляда, чтобы прочесть послание. Потом каждое слово вспыхнуло у нее в сознании пламенеющим клеймом, и у Джеммы подкосились ноги. Она дошла до кресла, села и снова прочла письмо: теперь уже не спеша, вчитываясь в каждую строчку.

Эта женщина, Элинор Кавендиш, писала Дэвину настолько свободно, что это было бесстыдством. Джемма поняла, что в прошлом они были любовниками — это ее, в общем-то, не удивило. Да, у Дэвина были женщины, одну из которых он даже растворил в меду и съел: вспомнив об этой гадкой сплетне, Джемма нервно рассмеялась и все-таки закусилась костяшку указательного пальца. Боль и вкус крови во рту слегка отрезвили ее. Джемма откинулась на спинку кресла и поняла, что у нее сейчас остановится сердце.

Эта Элинор Кавендиш собиралась приехать. Хотела возобновить отношения с Дэвином — и ей не мешало даже то, что он женился! Обида сжимала грудь Джеммы так, что ей казалось, будто она слышит похрустывание собственных ребер. Мерзавка, какая же она мерзавка! И еще художника везет, чтобы окончательно отодвинуть помеху в виде законной жены своего бывшего любовника! Всех меряет по себе!

Джемма почувствовала, что задыхается от нарастающего гнева. Из комнаты будто бы выкачали весь кислород. Она поднялась, на ватных ногах подошла к окну, открыла створку — день был солнечным и ярким, ветер — свежим, и не хотелось думать, что в такой чудесный день кому-то может быть настолько больно.

«Надо поговорить с Дэвином», — подумала Джемма и тотчас же осеклась. Возможно, он будет в ярости, когда узнает, что она прочла настолько личное послание. Но зачем разбрасывать свои бумаги где придется?

Возможно, письмо причинило ему боль. Когда прошлое возвращается, это не всегда приятно.

На подоконник опустилась крошечная желтогрудая птичка — звонко защebetала, не боясь Джеммы. Джемме казалось, что если она сейчас сможет заплакать, то ей станет легче, но слезы не шли. И все это — после первой ночи их любви, после того, как Дэвин спас ее, запечатав некротический прорыв!

Джемма наивно полагала, что успела привыкнуть к ударам судьбы, но это мерзкое письмо почти

выбило ее из жизни.

«Надо поговорить с Дэвином», — снова подумала она. Пусть он рассердится за то, что его письмо прочитано, но пусть и объяснит, что думает обо всем этом. Джемма растерянно смотрела на птичку, что прыгала по подоконнику, смешно тряся хвостом, и боль пульсировала у нее в груди. Дэвин ведь вполне может сказать, что это не ее дело. Пусть готовится встречать гостей и ведет себя прилично и без скандалов.

Муж никогда не отчитывается перед женой, он просто делает то, что считает нужным. Таковы правила игры. Иногда Джемма видела подобное даже у своих родителей, когда отец просто делал то, что считал нужным, не ставя мать в известность. Как тогда, когда вдруг забрал Джемму с собой на север, — девочке нужны клюква и свежий воздух. Все. Он так решил и ничего не собирался обсуждать.

Мать не спорила, просто попросила дочь быть серьезной и взрослой. Тогда Джемма не задумывалась о слезах матери — перед ней лежало приключение. Но сейчас она вспомнила, с каким лицом мама провожала их в поездку, и ее укололо запоздалое сожаление и раскаяние.

Джемма не сразу поняла, что кто-то мягко поглаживает ее по плечу, а поняв, встрепенулась и обернулась. Никого. Комната была пуста. Птичка вспорхнула и улетела в сад. Откуда-то донесся обрывок песни и смолк.

— Дэвин? — окликнула Джемма и вдруг услышала знакомый негромкий смех.

Воздух в комнате дрогнул и потек густыми волнами. Тень, что сгустилась рядом, снова рассмеялась, словно ей нравился чужой страх. По стене скользнул вороний силуэт, и Джемма уловила знакомый запах болотных трав.

Вороний король пришел. И сейчас это не было сном.

— Господи... — прошептала Джемма. — Это ведь был сон. Это неправда.

— Не совсем, — откликнулся Вороний король. — Иногда сны — это даже больше, чем скучная явь. Правда?

Его объятия были сильными и одновременно нежными. Джемма почувствовала, как погружается в них, словно в болотную топь, — все как-то вдруг утратило важность, отодвинулось, поблекло. «Отпусти меня», — хотела попросить Джемма, но язык сделался тяжелым и непослушным, а тело — чужим.

«Уйдем отсюда», — услышала она, и вдруг сознание раздвоилось.

Джемма стояла у окна и в то же время летела над болотом. Прозрачная ледяная вода, кровавые дорожки клюквы, низкорослые березки на кочках и тьма, что поднималась серебряным туманом, призраки, которые танцевали под мертвенным светом полной луны, груды древнего золота, что томились в глубине вод, — все это вдруг позвало к себе настолько властно и было настолько влекущим и важным, что Джемма с трудом удержала согласный кивок.

— Отпусти меня, — прошептала она, и Вороний король снова рассмеялся.

— Ты моя. Однажды мне тебя обещали, и я терпеливо ждал обещанное. Вот, дождался.

Картина болота дрогнула, и Джемма опомнилась — снова осознала себя у окна в комнате, вспомнила письмо бывшей любовницы Дэвина, и холод, охвативший ее, когда она читала, вернулся.

— Обещали? — выдохнула Джемма. — Кто мог обещать? Я живой человек, а не вещь! Как меня можно кому-то обещать!

И гнев тоже вернулся. Джемма запоздало поняла, что он понравился Вороньему королю. Тьма за ее спиной дрогнула, пошла рябью.

— Ты была рабыней, милая, — ответил Вороний король. — Ты получила иллюзию свободы и боль. Ты думаешь, что ответит твой муж своей бывшей любовнице? «Приезжай».

Это было, как удар в живот — резкий, выбивающий дыхание.

«Заплакать», — подумала Джемма и не смогла.

— Ты знаешь... — устало вымолвила она.

Вороний король заботливо погладил ее по плечам, и боль отступила, сменившись каким-то нарочитым спокойствием.

— Я все знаю, — ответил Вороний король. — Он сейчас вернется. Спроси, если захочешь. Он ответит, что согласился. Что госпожа Кавендиш и господин Штрубе будут вашими гостями... Знаешь почему?

Джемма не ответила. Тьма за ее спиной становилась все гуще, раскрывала вороньи крылья, окутывала густым запахом болотной воды и крови.

— Потому что ему кажется, что его величество Кормак задумал какую-то гадость, — прошелестел Вороний король. — Что врагов лучше держать рядом, чтобы понять их замыслы. Что он женился не для того, чтобы изменять тебе, и спрятал бы письмо подальше, если бы думал о других женщинах. Но только все это будет лишь словами. Не более.

Джемме казалось, что еще немного — и она задохнется. То ли крик, то ли стон встал комом в горле. Тьма отступила, и последние слова осыпались пеплом:

— Ты увидишь, что я прав. Я никогда не лгу.

И в ту же минуту она услышала, как открылась дверь: Дэвин вошел в комнату.

Джемма обернулась. Дэвин стоял у стола и смотрел на Джемму так, словно понял, что она прочла письмо, и теперь не знал, как себя с ней вести.

— Ты с кем-то говорила? — спросил он. Джемма почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Да, Дэвин мог быть с ней добрым и любящим, но он был собой. Самым могущественным и страшным магом за всю историю.

— Сама с собой, — ответила Джемма. — Мы ждем гостей?

— Мы пока никого не ждем, — сухо откликнулся Дэвин. Прошел к столу, взял смятое послание от Элинора и снова бросил его к остальным бумагам. Посмотрел на Джемму так, что ей захотелось закрыть руками голову и забиться в какую-нибудь щель. — Пожалуйста, больше не читай мои письма. Я к этому не привык.

— Ты сердишься, — прошептала Джемма, чувствуя себя маленькой и жалкой.

Конечно, Элинора не думала о том, какую бурю вызовет в душе жены своего бывшего любовника. Ей было наплевать на всех, кроме себя. Но Дэвина словно сковало холодом, и он был так невыносимо далек от Джеммы, что ей хотелось плакать.

Он словно забыл обо всем, что случилось между ними минувшей ночью. Словно это не имело для него никакого значения.

— Я не собирался ничего от тебя скрывать, — произнес Дэвин. — И приглашать эту... женщину в свой дом тоже не хотел.

Джемма невольно подумала о том, что Вороний король посрамлен. Все, что он говорил о Дэвине, было неправдой.

Ей стало легче дышать. Она подошла к Дэвину, взяла его за руку — он не отстранился.

«Я дурочка, — подумала Джемма. — Я раздуваю проблемы из пустяков».

— Ты любил ее? — спросила она, задав, должно быть, тот вопрос, который все жены задают своим мужьям.

Дэвин отрицательно качнул головой.

— Нет. Никогда. Ей хотелось чего-то необычного и интригующего, а мне просто хотелось женщину рядом. Пусть и ту, которая видит во мне монстра. Тогда я уже к этому привык.

— Вот ее бы закатать в мед, — с неожиданной для самой себя жестокостью проговорила Джемма.

Дэвин усмехнулся, словно искренне одобрял подобное стремление.

— Боюсь, с этим придется повременить, — произнес он. — Она явно приехала сюда не просто так.

Джемма машинально кивнула. Да, светским дамам, тем более генеральским вдовам, нечего делать на северных курортах. Свежий воздух и прекрасные виды природы можно найти в местах поприличнее и помоднее.

Потом она поняла правоту Вороньего короля, и ее снова стало знобить. И вдруг все вернулось:

полет над болотами, алые россыпи клюквы, глубокие топи и алтарный камень среди сосен — теплый, живой, влекущий.

— А зачем же? — спросила Джемма, стараясь не выдавать своего волнения.

Но Дэвин неожиданно взял ее за плечи и резко втянул носом воздух над ее головой, словно брал след.

— Некротические нити, — уверенно сказал он и защелкал пальцами рядом с Джеммой, рассыпая золотистые искры. В воздухе ощутимо повеяло горелым, и Джемма увидела, как возле ее правого плеча проплыл дымный сгусток, похожий на перо. — Рядом с тобой снова открылся некротический провал. Маленький, но...

— Он был здесь, Вороний король, — призналась Джемма, понимая, что сейчас их разговор уйдет совсем в другую сторону и Дэвин вздохнет с облегчением.

Объяснения с женой — что может быть скучнее? Это выматывает мужчинам нервы хлеще любой войны: так говаривал приятель отца, который постоянно скандалил со своей законной половиной. И они больше не заговаривают об этом, потому что Дэвин уже принял решение и Элинон приедет в Хавтаваару. Поселится в его доме.

— Это с ним ты говорила, — вздохнул Дэвин.

Снова щелкнул пальцами, и прямо перед глазами Джеммы вспыхнула белым пламенем почти невидимая черная нить.

— Сейчас я хочу поговорить с тобой, — сказала Джемма. Она его жена, в конце-то концов. Она имеет право знать о планах мужа. — Ты пригласишь ее сюда, верно?

Дэвин усмехнулся так, словно Джемма прочла его мысли.

— Я хочу узнать, что ей нужно на самом деле, — сказал он, и Джемма кивнула. Именно об этом и говорил Вороний король. — Мне кажется, ее сюда отправил мой отец, — я не знаю, что у него за планы, но собираюсь это выяснить. — Он дотронулся до переносицы, сжал ее, зажмурился. — Джемма, я с тобой честен. Я женился на тебе не для того, чтобы изменять. И прятал бы такие письма, а не бросал где ни попадя. Надеюсь, ты мне веришь.

Глаза защипало. Джемма провела ладонью по лицу, повторяя себе, что надо опомниться, надо взять себя в руки и не сделать того, о чем она потом будет жалеть.

Он женился не для того, чтобы изменять, — и не для того, чтобы слушать упреки той, которую когда-то купил на невольничьем рынке. Джемма прекрасно понимала, что ей надо быть милой и доброй с тем, кто сделал для нее так много, — и не могла.

— Я не хочу, чтобы она приезжала, — всхлипнула Джемма. — Я боюсь, что тогда тебя потеряю.

Напряженное лицо Дэвина разгладилось и просветлело, словно Джемма сказала именно то, что он хотел услышать. Он провел кончиками пальцев по ее щеке, и морок, навеянный Вороньим королем, окончательно растворился в воздухе.

— Ты не потеряешь, — негромко произнес он. — Я не твоя вторая половина. Но я хочу быть с тобой и...

Дэвин не договорил. Откуда-то снаружи донесся беззаботный женский смех, и Джемма почувствовала, как что-то в ее груди туго натянулось и оборвалось. Лицо Дэвина дрогнуло, и он торопливо произнес:

— Я ее не приглашал.

— Я верю, — вздохнула Джемма. Должно быть, Элинон проявила разумную предусмотрительность и написала еще и Артуру. Откажет один — согласится второй. Тем более Артур не женат и волен приглашать к себе всех, кого только пожелает.

Джемма посмотрела в окно, встав так, чтобы ее не было видно. Перед домом стоял закрытый экипаж, возле которого хлопотали слуги, отвязывая многочисленные чемоданы. Именно так и должна путешествовать леди: с огромным количеством чемоданов, со слугами — а не как Джемма, с одной-единственной сумкой. Гостя шла к ступеням, придерживая шляпку и звонко смеясь, — гостя была удивительно красивой блондинкой, которая словно шагнула с полотна великого живописца. Легкая, воздушная, какая-то неземная. Артур, который шагал рядом с нею, был похож на кота, наевшегося сметаны и как следует закусившего салом.

— Написала Артуру тоже, — хмуро произнес Дэвин и, словно извиняясь, добавил: — Не могу же я

выставить их обоих из дома.

Джемма лишь кивнула. Конечно, это будет невероятной грубостью. Джентльмены так не поступают ни с друзьями, ни с бывшими любовницами.

Из экипажа выбрался растрепанный рыжеволосый юноша, прижимавший к груди кожаную панку с торчащими листками бумаги, поплелся за Элинором, как собачонка за равнодушной хозяйкой. Матиас Штрубе, модный и гениальный художник, которого заботливо захватили сюда для того, чтобы Джемма отвлеклась и не путалась под ногами.

— Нужно выйти к ним, — устало сообщил Дэвин. — Поздороваться.

Ему тоже было не по себе, и он тоже не знал, что делать. Джемма подумала, что сейчас их по-настоящему загнали в угол. Дэвин не может покинуть Хавтаваару, ему некуда деваться — придется сохранять спокойствие и не допускать скандала.

— Да, — кивнула Джемма. — Придется.

Она почувствовала невесомый аромат дорогих духов сразу же, как только вышла из комнаты — запах жасмина и восточной алеолы вызвал в Джемме такую злость, что она сжала зубы, чтобы не выругаться. Спустившись по лестнице за Дэвином, она увидела гостью, которая расположилась в кресле в гостиной, и услышала:

— Конечно, здешний край очарователен, но эти дороги меня просто убивают. Артур, как ты умудряешься везде ходить пешком?

Джемма сказала себе, что она должна держать себя в руках. Наверняка Элинором попытается как-то пробить ее защиту и довести до слез — пусть Джемма теперь и жена принца, в глазах света она наверняка осталась лишь бывшей рабыней и дочерью расстрелянного бунтаря. Запустить в ее адрес маленькую шпильку — нет, госпожа Кавендиш не упустит такую возможность.

Джемма решила, что ответит ей тем же.

— Все это лишь сила привычки, дорогая Элинором, — ответил Артур.

Одного взгляда на него хватало, чтобы понять: он бесконечно очарован прекрасной дамой. Возможно, уже планирует какие-то отношения.

Джемма вдруг осознала, что ей нужно именно это. Светские сплетни, наряды, разговоры, пусть даже в них яд, заставляли отвлечься от красных глифов на стволах деревьев и слов Вороньего короля. Они напоминали о том, что мир огромен и в нем есть не только тьма под болотами и страх, который она несет.

— Дэвин! — вдруг воскликнула Элинором, и ее губы изогнулись в соблазнительной улыбке. — Ты совсем не изменился.

Дэвин усмехнулся. Спустился в гостиную, сел в кресло напротив и, дождавшись, когда Джемма устроится с ним рядом, спросил:

— А чего ты ожидала? Что у меня появились драконьи крылья?

Артур на мгновение нахмурился. Элинором лишь рукой махнула. Только сейчас Джемма заметила Матиаса: он стоял возле окна и смотрел в сад — его губы шевелились, словно художник молился.

— Я ожидала, что у тебя более героический вид, — беспечно ответила Элинором. — Но ты и без того невероятно обаятелен, как и всегда. — Она скользнула каким-то прозрачным взглядом по Джемме и спросила: — А твоя очаровательная супруга? Служанку я вижу, а где же госпожа?

Джемма почувствовала, как к щекам прилил румянец. Артур нахмурился.

— Моя жена Джемма Эвилет, — сухо представил Дэвин. — Джемма, эта невоспитанная особа — Элинором Кавендиш, моя знакомая.

Джемма растянула губы в той улыбке, которая сошла бы за вежливую. Элинором не обратила внимания на то, что ее называли невоспитанной, — она лишь улыбнулась Джемме, кивнула и махнула рукой в сторону Матиаса.

— Знакомьтесь! Этот бледный юноша с горящим взглядом — Матиас Штрубе, самый модный и знаменитый художник. Матиас, ну что же ты там! Подойти к нам!

Да, красавица действительно обращалась с художником так, словно он был каким-то аксессуаром вроде сумочки, а не живым человеком. Матиас отошел от окна, обменялся рукопожатием с Дэвином

и поклонился Джемме.

— Вам нравится наш сад? — спросила она из вежливости.

Матиас улыбнулся так, словно не ожидал, что им вообще заинтересуются. Как с такой застенчивостью он стал модным и великим — загадка.

— Да, ваша светлость, — кивнул он. — Яблони удивительные. Хотел бы нарисовать их на рассвете... если вы не против, ваше высочество.

Джемма невольно подумала, что у Дэвина постепенно образуется собственное государство. Полиция есть. Искусства — вот они. Даже светские дамочки — и те в наличии. Осталось сформировать армию и... Джемме вдруг показалось, что кто-то в самом деле собрал их здесь: таких непохожих, но одинаково ему нужных.

— Так зачем ты все-таки сюда приехала? — осведомился Дэвин и, покосившись на Артура, холодно добавил: — Где ты ее подцепил?

Артур вздохнул, понимая, что дело идет не слишком хорошо. Знал ли он о том, что когда-то Элино́р была любовницей Дэвина? Мог ведь и не знать.

— Ах, ну что за выражения! — рассмеялась Элино́р. — Подцепить можно болезнь, хотя... да, я умею устроить любовную лихорадку.

— Госпожа Кавендиш прислала мне письмо, — с достоинством ответил Артур. — Рассказала, что отдыхает в наших краях, и захотела повидаться. Я и пригласил ее, не видя чего-то особенного.

— Когда-то мы встречались, — устало произнес Дэвин. — Сам понимаешь, меньше всего я сейчас хочу здесь видеть свою бывшую любовницу.

Артур удивленно поднял левую бровь: похоже, он действительно был не в курсе прошлых отношений своего друга.

— Да, — кивнул он. — Это выглядит каким-то анекдотом, честно говоря.

Элино́р демонстративно закатила глаза — похоже, она не видела в этом ничего предосудительного.

— Самый главный анекдот здесь в том, — продолжал Дэвин, — что я не хочу, чтобы она здесь оставалась. Пусть даже как твоя гостья, Артур. Любая другая — приглашай, кого тебе только захочется. Но не она.

Артур понимающе кивнул. Элино́р издала возмущенный возглас. Матиас сидел молча — рассматривал лицо Джеммы так, словно собирался нарисовать ее и мысленно уже делал набросок на холсте. Джемме сделалось неловко: взгляд художника, пусть и добрый, был слишком пристальным, словно Матиас пытался заглянуть Джемме в душу, туда, куда она сама не заглядывала.

— И что же? — удивленно проговорила Элино́р. — Что же, ты выгонишь меня из дома?

Дэвин ухмыльнулся.

— Скоро вечер, — ответил он. — Даже я не настолько жесток, чтобы выставить тебя на болота. Переночуешь, но с утра возвращайся в свой Каллеватто и больше не появляйся здесь. Господин Штрубе, — добавил Дэвин, покосившись на художника. — Я попросил бы вас остаться. Хочу заказать портрет супруги.

— Да, благодарю вас за такую возможность, ваше высочество! — Матиас прямо расцвел от предложения Дэвина и заулыбался так, словно сбывалась его мечта. — Я с самого начала смотрю на ее светлость... мне бы хотелось изобразить ее в образе Веллами, богини садов... если вы не против, конечно.

Теперь уже Элино́р покраснела от стыда и досады.

— Что ж, — сказала она, поднявшись с кресла. — Не желаю задерживаться здесь и на минуту. Благодарю вас, ваше высочество, за столь щедрое предложение, но я его не приму. Оставайся со своей рабынькой. Ты и правда недостойн благородного общества, твой отец был прав.

Дэвин сделал резкое движение правой рукой, и Элино́р рухнула на место. Сейчас, разгневанная и задетая до глубины души, она казалась фурией, а не безголовой светской кокеткой. Подойди к такой — и она оттяпает тебе руку по локоть.

Джемме показалось, что она даже шипение слышит.

— Ты видела отца? — спросил Дэвин. Над головой Элинор поплыли черные растрепанные нити, и Матиас не выдержал, вскочил и воскликнул:

— Нет, ваше высочество! Прошу вас!

Дэвин бросил в его сторону такой взгляд, что художник замер, беспомощно опустив руки, и лишь добавил:

— Ей же больно...

— Не больно, — заверил его Дэвин. — Но она будет вынуждена говорить правду. Итак?

Артур нахмурился и тоже поднялся.

— Дружище, не стоит. Неужели ты будешь пытаться женщину?

— Мне нужна правда, — негромко и очень спокойно произнес Дэвин. — Госпожа Кавендиш не просто так сюда приехала. Я подозреваю, что ее отправил в Хавтаваару его величество, и хочу узнать правду. Элинор?

Элинор откинулась на спинку стула и прошипела:

— Да! Он отправил меня в этот медвежий угол, чтобы я смотрела за тобой! Он решил, что ты не отвергнешь свою давнюю любовь! Я должна была отправлять ему донесе...

Элинор обмякла в кресле, лишившись чувств, и Дэвин опустил руку.

Джемма сидела ни жива ни мертва, словно заклинание правды пыталось не бывшую любовницу Дэвина, а ее саму. Она понимала, что король не оставит сына без присмотра. Просто так выкинуть его из жизни — это было бы глупо, а его величество Кормак никогда не был дураком.

— Напрасно ты так, дружище, — угрюмо произнес Артур. — Она все-таки женщина.

Матиас смотрел так, словно Дэвин кого-то выпотрошил на его глазах и теперь стирал с рук кровь и ошметки мяса. Джемма испугалась, что художник тоже упадет в обморок.

Впрочем, чего еще ожидать от Принца-вороны?

ГЛАВА 15

Элино́р быстро пришла в себя, и подроспевшие слуги проводили ее в одну из комнат в той части дома, которую Дэвин отвел для Артура. Артур последовал за ней, и Джемме показалось, что он готов сделать все для того, чтобы незваная гостья осталась: очень уж блестили его глаза, когда он смотрел в сторону госпожи Кавендиш.

Впрочем, Джемму это не удивило. Ей подумалось, что Артур и Элино́р были знакомы в столице, и теперь Артур решил, что у них может случиться роман, раз уж светскую красавицу принес в эти края королевский приказ.

А вечером они пошли на похороны.

Маленькое кладбище за поселком было тихим и каким-то смиренным. Оно лежало возле холма, и сейчас, в тусклом сумраке белой ночи, казалось каким-то ненастоящим, словно кто-то приготовил здесь декорации для спектакля. Шагая за Дэвином вдоль ограды, Джемма думала о том, что именно здесь, в последнем приюте мертвых, становится окончательно ясно, что смерть — это всего лишь часть жизни, бесконечного круговорота дней и ночей, зим и весен. И пусть она горька, пусть она ранит — в ней все же есть своя справедливость.

Артур надел изящный черный сюртук, подходящий к случаю, и Армо, который топтался возле него, крутя в руках шапку, выглядел очень довольным и серьезным. Еще бы — он теперь стал важной птицей, помощником полицмейстера! Тут было чем гордиться. Соседи бросали в его сторону уважительные взгляды.

К своему облегчению, Джемма не заметила среди селян безумного шамана. Должно быть, родные заперли его дома.

Родители, которые шли за гробом Керту Лухвин, выглядели очень торжественно, словно сейчас, умерев от рук убийцы, дочь стала для них кем-то другим, не гой, которой была раньше. Джемма не знала, почему ей это настолько не нравится. С ними что-то было не так, и она не могла понять, что именно. Вроде бы вполне приличные люди. Обеспеченные, по местным меркам. Благообразные.

Джемма не сразу поняла, почему началась толкотня, и размеренный голос священника, который шел во главе процессии и читал отходную молитву, вдруг растерянно скомкался. Дэвин придержал Джемму за руку и на всякий случай сделал несколько шагов в сторону от остальных. Артур поднялся на цыпочки, прислонил руку козырьком к глазам.

— Что там, Армо? — спросил он.

Армо не успел ответить: голос святого отца зарокотал над кладбищем:

— Осквернили место! Храм последнего покаяния, дом усопших! Мерзавцы, сволочи! Кто?!

— Ну начинается, — устало вздохнул Артур и энергично заработал локтями, пробираясь через толпу к распахнутым воротам, возле которых сейчас заваривалась какая-то неприятная каша.

— Как посмели вы, вечные грешники, намалевать здесь это? — не унимался священник. Джемма вспомнила, как он спрятался в храме, когда Аймо бился на площади в призывах к Вороньему королю, и ей сделалось смешно.

Она обернулась на Дэвина и удивленно поняла, что он растерян — растерян и отстранен, словно в эту минуту находится не здесь, а где-то очень далеко, с кем-то очень важным. И Джемма, кажется, поняла, кто именно сейчас шептывает ему на ухо соблазнительные речи.

— Дэвин! — окликнула она. — Ты видишь, что там?

Дэвин встрепенулся, словно пробудился ото сна, удивленно посмотрел на Джемму, и в это время над кладбищем и толпой зазвенел голос Артура:

— Так, люди! Тихо! Тот, кто рисует эти глифы, пытается вас запугать! Я призываю вас не поддаваться панике. Следите за вашими близкими, не позволяйте девушкам гулять в одиночку. Обо всем подозрительном немедленно сообщайте лично мне. Я обещаю, что поймаю и этого «живописца», и того, кто им управляет! И тогда им мало не покажется, это точно.

Краткая речь Артура воодушевила обитателей Хавтаваары: по толпе пробежал шепоток одобрительных возгласов. Артур отошел от ворот и махнул рукой, разрешая траурной процессии продолжить шествие. Джемма заметила, что испуганное возбуждение покидает людей: они словно опомнились и вспомнили, зачем пришли сюда.

Священник снова забормотал молитву. Проходя мимо ворот, он несколько раз махнул серебряным

кадилом на цепочке в сторону глифа Вороньего короля, намалеванного на створке.

— Еще один, — негромко сказала Джемма. Запах ладана почему-то вызвал прилив страха, и она крепче сжала руку Дэвина. — Неужели будут еще убийства?

— Боюсь, что да, — так же негромко ответил Дэвин. — То, что зовет меня, еще не набралось сил.

Ручей процессии втек на кладбище, двинулся среди могил. Джемма вдруг невероятно отчетливо увидела руки мертвой Керту, сложенные на груди и перевитые серебряной цепочкой. Обычно на такой носят образок, но Джемма знала, что к цепочке сейчас прикреплен простой деревянный кругляш с выжженным на нем глифом Вороньего короля и спрятан так, чтобы никто его не заметил.

Вечер выдался теплым, но по головам и плечам людей вдруг скользнуло прохладное полотно северного ветра. Повеяло болотными травами, кислой клюквой, тропами, которые мертвые прокладывают над топиями.

«Как я могла увидеть эту деревяшку? — испуганно подумала Джемма. — Гроб далеко. Отсюда я почти не вижу покойницу».

Справа кто-то негромко рассмеялся.

«Смогла, — прозвучал знакомый голос в ее голове. — Я показал тебе. Те, кто пойдет со мной, получают вечную славу и награду и в жизни, и в смерти».

Возле двух свежих могил стояли угрюмые мужики с лопатами, хмурясь, грызли мундштуки трубок, но не курили.

Дэвин кивнул в сторону одного из них и сказал:

— Отец нашего шамана.

Джемма понимающе качнула головой.

— Упокой, Господи, души невинно убиенных дочерей твоих, — нараспев проговорил священник. — Посади их в цветущем саду, укрой своими крылами, дай им то счастье, которого они не изведали в краткой жизни своей. Пошли утешение безутешным и покой безрадостным.

Мать Керту наконец-то заплакала, уткнулась лицом в ладони. Муж неуклюже гладил ее по плечам. Джемма почувствовала холодок — словно кто-то невидимый провел ледяным пальцем по ее позвоночнику. Обернулась — ничего особенного. Просто скорбящие люди, Дэвин в трауре, угрюмый Артур. Просто тихий свет незакатного солнца над холмом и кладбищем. Почему ей тогда настолько не по себе?

— Ты прав, — негромко промолвила она. — Будут еще убийства. Потому что...

Она не договорила. Визг и грохот, которые разнеслись над кладбищем, заставили всех содрогнуться. Люди вскинули головы и увидели, что на верхушке холма стоит Аймо.

Шаман преклонил колени, запрокинул голову к золотисто-розовому небу. Он грохотал колотушкой в свой бубен так, словно собирался уничтожить его. Кто-то из женщин испуганно вскрикнул.

Отец шамана сплюнул на землю и прорычал:

— А ну, пшел домой, дрянь! Дай девкам упокоиться!

Армо чуть было не расплакался: он смотрел то на отца, то на брата, то на Артура, совершенно не представляя, что тут можно сделать. Высокий парень с белыми волосами запустил в сторону Аймо огрызок зеленого яблока. Попал — шаман взвизгнул и заорал:

— Все склонятся пред Вороньим королем! Семь дев, одна блудница и красный всадник! Кровь порождения мрака! Он откроет врата! Он уже идет!

Джемме казалось, что у нее в груди что-то начинает закипать, — легкие горели все сильнее с каждым вдохом.

Со стороны поселка донесся то ли возглас, то ли вздох. Он был негромкий, едва уловимый, но все люди на кладбище дружно обернулись и увидели, как по дороге, спотыкаясь и чуть не падая, бежит Матиас — бежит так, словно за ним со всех ног мчится что-то очень страшное, невероятное, то, что одним своим существованием помрачает разум.

Бег не был его сильной стороной: художник едва держался на ногах и задыхался, прижимая руку к

грудь. Джемма с невероятной отчетливостью поняла: он несет дурные вести. Очень дурные.

— Там! — прокричал Матиас и, задыхаясь, привалился к створке ворот — той самой, с глифом. — Там... Элинор!

По толпе прошел шепот. Джемма испуганно посмотрела на Дэвина и увидела, что его лицо не бледнеет — сереет от понимания того, что произошло.

«Мертва, — подумала Джемма. — Ее убили. Перерезали горло, как и остальным девушкам».

— Элинор... — повторил Матиас. Его лицо нервно дрогнуло, по щекам художника заструились слезы. — Ее больше нет...

И он сполз в пыль, потеряв сознание.

Все содрогнулись. Кто-то из женщин завыл, мужчина, который стоял чуть поодаль, замысловато выругался. Зато ожил Аймо на холме — поднялся, вскинул руки к небу и снова заколотил в бубен.

— Кровь блудницы! — проорал он в туманную кисею облаков. — Кровь блудницы пролилась! Вороний король идет!

Дела были плохи. Очень плохи.

Элинор нашли в саду недалеко от того места, где обнаружили труп первой жертвы. Убийца расправился с ней точно так же: перерезал горло и был таков. Глядя, как слуги накрывают тело Элинор широким светлым полотном, Дэвин подумал, что никто не будет по ней тосковать. Ее родители умерли, а любовники — что ж, любовники быстро утешаются в других объятиях.

Чувство надвигающейся катастрофы, которое охватило Дэвина, было похоже на волну — вот она поднимается, нарастает, закрывает небо темным ледяным брюхом, а ты стоишь на берегу, смотришь на нее и не можешь пошевелиться.

Жестоко убитая светская дама, к тому же личная посланница и агент государя, — это не селянка, тут концы в воду не спрячешь, хотя Дэвин и не собирался этого делать. Ему чуть ли не больше остальных хотелось докопаться до правды. Глядя, как Матиас то вынимает карандаши из пенала, то снова укладывает их в ячейки, не в силах опомниться, Дэвин думал о том, что уже завтра здесь будут лучшие столичные следователи.

«Это ведь хорошо, — подумал он и тотчас же добавил: — Легко догадаться, на кого повесят все три убийства. На меня — с учетом того, что говорят о моей жестокости и садистских замашках. Раньше это в каком-то смысле прощалось, потому что я не покушался на значительных людей. Но теперь... Госпожа Кавендиш — это в определенном смысле знаковая фигура, приятельница многих господ и дам высшего света. Ее не будут оплакивать, но ее смерть не простят».

Его сразу же обвинят в этом убийстве. При свидетелях он узнал, что госпожу Кавендиш сюда отправил король, и это его разозлило. Настолько, что Дэвин перерезал дамочке горло, дав государю понять: не лезь ко мне. С остальными твоими посланниками я поступлю еще хлеще.

И что теперь делать? Дальше этих мест ссылать некуда, значит, остается казнь. Дэвин подумал об этом с каким-то спокойным равнодушием.

Джемма сидела рядом с художником и растерянно смотрела в окно, словно хотела увидеть в саду того, кто перерезал горло Элинор Кавендиш. Дэвину захотелось обнять ее — крепко-крепко, чтобы почувствовать живое рядом.

— Семь дев, одна блудница. — Артур ходил по кабинету взад-вперед, и выражение его лица было таким, словно господина полицмейстера терзала зубная боль или что похуже. — С блудницей мы разобрались...

— Не надо так говорить, — перебил его художник. — Госпожа Кавендиш была благородной женщиной.

Артур скорчил презрительную гримасу.

— Мы всесторонне знакомы с ее благородством, — ответил он. Матиас угрюмо опустил голову и снова принялся перебирать свои карандаши. — И нас ждут еще пять трупов, если верить безумному предсказателю.

— Это он рисует глифы, — все с той же отстраненностью произнес Матиас. — Тот молодой человек с бубном.

Артур даже подпрыгнул от неожиданности.

— Как вы это поняли? — спросил он в один голос с Дэвином.

Матиас неопределенно пожал плечами.

— У него на хламиде такой же глиф, какой был на воротах церкви, — равнодушно ответил он. — Я умею опознать руку пусть и примитивного, но живописца.

Дэвин вдруг обнаружил, что ему сделалось легко. Очень легко. Артур, который смотрел на него, словно бы понял, что именно пришло в голову его другу.

— Завтра я отправлю Аймо в столицу, — произнес он. — Мне кажется, у нас есть разгадка, Дэвин.

Дэвин понимающе качнул головой. Джемма вдруг поднялась с дивана и принялась быстро ходить по кабинету.

— Он не может быть убийцей, — решительно сказала она. — Когда вторую девушку убили, он был с Дэвином. На том острове.

Дэвин вспомнил, как Вороний король дал ему крылья, поднял в небо и подарил весь мир. Он прекрасно понимал, что это уничтожит его, но иногда ловил себя на мысли о том, что ему хочется вернуться туда, под облака. Вернуться и впустить то, что все время стучало в его душу и просилось войти.

— Он знал о том, что Элино́р убьют, — ответил Дэвин. — Она прекрасно подходит на роль блудницы.

Джемма одарила его сердитым взглядом и чуть ли ногой не топнула.

— Это вы знаете, — проговорила она. — А ему-то откуда? Он видел, как она приезжает?

Матиас решил, что обращаются к нему, и ответил:

— Мы ехали в закрытом экипаже. Элино́р никто не видел.

Артур кивнул.

— Что-то все мы замесились, друзья, никак не поставим головы на место... Ладно. Я сейчас же даю телеграмму в столицу об убийстве Элино́р. Пусть всеми этими смертями займутся те, кто в этом опытнее нас.

Некоторое время все молчали, и Дэвин вдруг подумал, что Джемма старается держаться от него в стороне, словно он может причинить ей боль. Неужели она и правда думает, что он прирезал эту дуру Элино́р?

«А почему бы ей так не думать? — мягко прозвучал в его голове тот голос, который говорил с ним во время полета над лесом и озером. — Ты тот, кто ты есть. Убийство дракона чуть смягчило твою репутацию, но не исправило ее. И Джемма прекрасно это понимает. Элино́р заявила в твой дом, разозлила тебя своей наглой навязчивостью, а затем еще выяснилось, что ее сюда отправил лично государь! Конечно, это ты убил ее. Пусть не своими руками... но это был ты. Мало ли способов у такого сильного и опытного мага? Если ты способен вызвать ураган в другом полушарии, то прирезать шлюшку — это для тебя пустяк. Даже не разминка».

Дэвин подумал, что давно не испытывал такой глубокой усталости и такого опустошения. Да, господа следователи подумают именно так. С него стало бы отрубить Элино́р голову, отправить ее королю в бочке варенья из клюквы и пожелать приятного аппетита.

Но он не делал этого. С Элино́р расправился кто-то из здешних слуг Вороньего короля.

— Кстати, дружище, — Артур нахмурился, сжал переносицу, — могут ли все эти смерти быть от некротического поля? Произошел, допустим, такой же всплеск, который тогда зацепил Джемму...

Дэвин улыбнулся уголком рта, понимая, куда клонит Артур. Несчастный случай — и никто не виноват. Это вполне устроило бы всех.

— Нет, — ответил он. — Некротический всплеск оставляет раны, но не такие. Это, к сожалению, дело людских РУК.

Артур вопросительно поднял левую бровь.

— Думаешь, их много?

Дэвин пожал плечами.

— Как минимум два человека. Аймо оставляет глифы, второй убивает. Чтобы перерезать глотку, нужны спокойные руки. А у него они трясутся.

Артур кивнул.

— Да, я тоже обратил внимание.

Джемма смотрела неотрывно, словно пыталась проникнуть в мысли Дэвина и найти правду. Он сейчас хотел бы обнять ее и сказать что-нибудь доброе, что-то, способное развеять мрак, и не находил слов.

— Я понимаю, господа, как все это выглядит со стороны, — сухим официальным тоном произнес Дэвин. — И знаю, каков мой образ в обществе. Сейчас, при достойных свидетелях, я заявляю, что не имею отношения к этим убийствам.

Все дружно кивнули, и Дэвин почувствовал, что в эту минуту ему верят. Даже тот страх, который подтачивал Джемму изнутри, унялся — Дэвин ощутил, что ей стало легче. В глазах ее появился блеск, и она улыбнулась светло и ободряюще, словно после того, что сказал Дэвин, поняла что-то очень важное.

Не то, что он невиновен. Нет. То, что ему можно доверять.

— Но тот, кто убил Элинора, знал о ней, — продолжал Дэвин. — Назвать ее невинной девой невозможно, а вот роль блудницы ей отвели сразу же, как только она появилась в Хавтавааре. Значит, либо наш разговор в гостиной был подслушан, либо кто-то прочитал то письмо, которое она мне отправила.

Дэвин вспомнил о том, насколько дерзко и грубо оно было написано, и еще острее почувствовал, что Элинора больше нет. Он воспринял ее смерть совсем не так, как два других убийства, — сейчас, вспоминая о том, как тело Элинора уносили из сада, Дэвин чувствовал легкий озноб.

Все-таки когда-то они были близки. Дэвин не вспоминал об этом — но и не забывал.

— Кто-то из слуг? — предположил Артур, потом вдруг стушевался, словно его могли в чем-то подозревать, и добавил: — Я не убивал госпожу Кавендиш. Джемма и Матиас — тоже.

Дэвин понимающе кивнул, подумав, что после того, как их разговор завершится, он возьмет Джемму за руку и отведет в их комнату, а потом просто ляжет на кровать с ней в обнимку и уснет. И ее тепло поможет развеять все то, что принесет им тьма с болот.

По крайней мере, Дэвин хотел надеяться на это.

ГЛАВА 16

Следователь прибыл через день. Джемма увидела его первой. Вчера Дэвин напомнил художнику о портрете, и ранним утром Джемма с Матиасом вышли в сад, чтобы он смог сделать первые наброски. Всадник выплыл прямо на них из тумана, едва не свалив мольберт. От неожиданности Джемма вскрикнула и едва не соскользнула с толстого яблоневого ствола, в развилке которого сидела. Матиас — после гибели Элинора он пребывал в каком-то заторможенно-сонном состоянии и никак не мог опомниться — тотчас же встал так, чтобы закрыть ее от незнакомца.

— Ну, ну! — воскликнул всадник. — Меня бояться нечего, я не враг. Доброе утро, господа!

Он спешил, и Джемма невольно заметила, что незнакомец ей не нравится. Он выглядел совершенным столичным джентльменом, начиная подчеркнуто аккуратно подстриженными светлыми волосами и заканчивая темно-красным сюртуком. Лицо, осунувшееся и бледное, говорило о том, что всадник проделал долгий путь и устал. Джемме показалось, что она где-то его видела.

— Джемма Эвилет, — задумчиво произнес незнакомец, бросив в ее сторону цепкий оценивающий взгляд.

Джемма невольно поежилась: прибывший рассматривал ее так, словно она лишь кусок мяса на крюке в лавке. Даже на аукционе такого не было: там в ней видели хоть и вещь, но все-таки живую.

— Совершенно верно, — кивнула Джемма, спрыгнув с дерева. — С кем имею честь?

— Бен Тернер, — улыбнулся человек в красном. Улыбка была вполне располагающей, даже милой, но Джемма заметила, что Матиас поежился. Его тоже пробрало холодом, как и ее саму. — Следователь по особо важным вопросам. Направлен сюда лично его величеством по делу госпожи Кавендиш. Вы, моя леди, если я правильно разобрался в тех бумагах, которые мне прислали, — свидетельница.

Джемма снова кивнула. Правила гостеприимства требовали пригласить Тернера в дом, но она медлила — ей было неприятно понимать, что этот человек может подняться по ступеням, войти в гостиную и провести какое-то время под одной крышей с ней и Дэвином. Она не знала, что не так. Но чутье подсказывало: от такого, как этот Тернер, следует держаться подальше.

Возможно, если бы смерть приняла человеческий облик, то она выглядела бы именно так: светловолосым джентльменом, который смотрит и расчленяет на части одним только взглядом.

— Да, я видела первую убитую девушку, — ответила Джемма. — Тело госпожи Кавендиш — нет. Муж запретил смотреть на него, он волнуется за мои нервы.

Тернер понимающе покачал головой, словно ожидал услышать именно такой ответ.

— Я видел Элинора, — негромко произнес Матиас. Карандаш крутился в его пальцах, потом замирал, и художник вновь принимался нервно крутить его. — Могу показать вам место, где лежало ее тело.

Голос художника сорвался на хриплый шепот. В глазах сверкнули слезы, и Тернер посмотрел на него с неприятной смесью брезгливости и сочувствия.

— Разумеется, это разумеется. Только до той поры возьмите себя в руки. Элинора мертва, ее уже не вернешь, — произнес Тернер и, обернувшись к Джемме, осведомился: — А ваш супруг, госпожа Эвилет? Где он? Я, кстати, видел, как вас вели на аукцион. Эта прозрачная хламида, охрана с оружием... почти античная трагедия. Ну и вся история с вашим отцом... Я ведь был одним из следователей по его делу.

Фраза прозвучала как пощечина. Джемма невольно сделала шаг назад. Глаза стало жечь, но она понимала, что не расплатится. Не при этом человеке.

— Джентльмен не станет упоминать о вещах, которые ранят честь леди, — холодно заметила она, стараясь сохранять спокойствие.

Тернер развел руками.

— Вы меня впечатлили, — признался он. — Вы держались с невероятным достоинством. Нельзя было увидеть вас и не влюбиться.

Они все-таки побрели к дому. Подбежал слуга, подхватил лошадь под уздцы; Матиас растерянно посмотрел на свой набросок на холсте и поплелся за Тернером с тем же видом, с которым раньше ходил за Элинора.

— Неудивительно, что его высочество настолько пылко в вас влюбился, — совершенно серьезно

продолжал Тернер и без всякого перехода осведомился: — Вы, кстати, знаете, что у него был роман с госпожой Кавендиш? Вся столица шумит о том, что он убил бесцеремонную любовницу, которая решила возобновить их отношения, к тому же настолько дерзко.

Джемма понимала, что он заговорит об этом, и все равно оказалась не готова к такому повороту беседы.

— Да, он рассказывал про тот роман, — откликнулась она, чувствуя, как в груди снова начинается жечь. — Но мой муж не убивал госпожу Кавендиш, это совершенно точно. В тот момент мы были на похоронах убитых девушек, и нас видела вся Хавтаваара.

Тернер одобрительно кивнул.

— Очень правильный подход, — сказал он. — Сын короля, Принц-ворона, поддерживает поселян в их скорби. Его любят, это само собой. Мне кажется, уже полюбили.

Джемме показалось, что Тернер приехал сюда твердо убежденным в виновности Дэвина, и никакие факты и доказательства уже не смогут заставить его изменить это мнение. Каждое его слово, каждое предположение становится крючком, который он вонзает в чужую плоть и начинает тянуть и крутить.

— Мой муж — хороший человек, — с достоинством ответила Джемма.

Тернер улыбнулся, но глаза остались прежними, оценивающими и ледяными.

— Вы очень интересная пара, — заметил он. — Отвергнутый сын короля, герой и спаситель народа — и дочь бунтовщика, который вышел на площадь за народное счастье. Вы знаете, что нравитесь людям, оба? В столице у вас множество поклонников. Да и не только в столице.

Джемма пожала плечами. Они вошли в гостиную. Артур и Дэвин, которые сидели рядом на диване, поднялись при их появлении.

Тернер белозубо улыбнулся и воскликнул, не утруждая себя приветствиями:

— Что ж, господа! Вам нужен был следователь — ну вот и я. Тело госпожи Кавендиш — на стол, тела девиц выкопать. Буду изучать.

Дэвин невозмутимо пожал протянутую руку Тернера и ответил:

— Я сохранил тело Элинора на сгустке энергии, как вы и попросили в телеграмме. А насчет остальных девиц надо будет решать уже в Хав гавааре. Я там не распоряжаюсь.

Тернер посмотрел на него с искренним удивлением.

— Неужели? А в столице говорят, что добрые поселяне ловят каждое ваше слово и жест! Вы для них прямо солнышко ясное.

— Я могу попросить, — спокойно ответил Дэвин, никак не отреагировав на «солнышко ясное». — Но не заставить.

— В общем, мне нужны тела, — сказал Тернер и покосился на Артура. — Возложим эту торжественную обязанность на полицмейстера... Кстати, господин Вудвилл! Вы ведь ученый. Ваш труд о леменийских лягушках весьма оригинален, и я бы даже сказал, что значителен, но как вы можете возглавлять полицию?

Лицо Артура приняло странное выражение: он словно был польщен оценкой своей научной работы и в то же время задел до глубины души намеком Тернера о том, что он тут не на своем месте. Похоже, Тернер ждал, что Артур будет оправдываться.

— У меня отменный опыт оперативно-розыскной деятельности, — равнодушно сообщил он. — Как и у всякого исследователя, который не просиживает штаны в кабинете. Впрочем, я не уверен, что оценка моей работы находится в вашей компетенции.

Тернер прошел по гостиной — Артур невольно поднялся с дивана ему навстречу — и вдруг отколол номер: нагнулся и резко втянул воздух возле правого виска Артура. Джемма с трудом сдержала удивленный возглас, но Вудвилл и ухом не повел, словно то, что его обнюхивали посторонние люди, было для него в порядке вещей.

— А ведь она вам нравилась, правда? — почти ласково спросил Тернер. — И вы очень обрадовались тому, что красotka Элинора оказалась в этих краях. Потому что решили попробовать пообщаться с ней поближе и потеснее, как вам всегда хотелось, но не моглось. Кто вы — и кто она? Обедневший дворянин, который изучает лягушек на болотах и первобытные знаки на скалах. Она за день

проживает столько, сколько вы заработаете за год... Правда?

На мгновение лицо Артура окаменело, но он тотчас же взял себя в руки и совершенно невозмутимо ответил:

— Ну и что?

Тернер отстранился от него, и Джемма заметила, что он удивлен. Но он вдруг понимающе кивнул, словно услышал от Артура именно то, что ему было нужно.

— А вы? — обернулся он к Джемме. — У вашего мужа был роман с этой светской дрянью. И тут вдруг она решила, что старая любовь не ржавеет и можно восстановить отношения. А жена не стена, подвинется. Мотив прекрасный, на мой вкус. Тем более что все можно валить на безумца, который режет здешних поселянок. Прирезал и дворянку, вошел во вкус.

Джемма предчувствовала такой поворот. Ничего другого и быть не могло. Тернер будет перебирать всех, надеясь задеть за живое, и она обрадовалась тому, что выслушала его с доброжелательно равнодушным лицом.

Зато взвился Дэвин. Жест его правой руки был очень изящным — и Тернер неожиданно взмыл под потолок, едва не приложившись затылком о рожок люстры.

— Никто и никогда, — произнес Дэвин обманчиво ласково, — не смеет говорить с моей женой в подобном тоне. Никто не смеет обвинять ее в моем доме. Рекомендую заучить это назубок, господин Тернер. В следующий раз полетом не отделаетесь.

Тернер заметно побледнел. Дэвин снова провел рукой по воздуху, и следователя мягко опустило на диван. Тернер запустил обе руки в волосы и какое-то время сидел так, не произнося ни слова. Артур одобительно хмыкнул.

— Я этого не делала, господин Тернер, — с улыбкой ответила Джемма. На мгновение ей стало жаль следователя. — Даже если допустить, что я хотела расправиться с госпожой Кавендиш, то что делать с двумя девушками из Хавтаваары? Первую убили в день нашего приезда. И на все три случая у меня есть алиби, раз уж на то пошло.

Тернер опустил руки и сухо произнес:

— Боюсь высоты, знаете ли. Особенно такой, неожиданной... — Он сделал паузу и спросил: — Ну а вы, Дэвин? Я навел справки, некротическая магия часто нуждается в силе невинной девы. А после сражения с драконом вам требовалось восстановить силы, и первая селянка подошла для этого как нельзя кстати.

Дэвин понимающе кивнул.

— Я так и думал, что вы это предположите.

— Такова служба, — невозмутимо ответил Тернер. Он уже успел справиться со своим страхом и теперь выглядел бодро и невозмутимо. — Если в деле замешан темный маг, то... сами понимаете.

Джемма встревоженно посмотрела на Дэвина, но он лишь улыбнулся.

— Знали бы вы, господин Тернер, сколько раз я это слышал, — ответил он. — Нет, я не убивал этих девушек и Элинор.

Тернер хищно оскалился.

— А кто убил?

— Последователи местного культа Вороньего короля, — ответил Дэвин. — Их здесь немало, полагаю.

Тернер защелкал пальцами.

— Подождите, я видел неподалеку от поселка такого белобрысого молодчика в рубище. Колотил в бубен и орал мне вслед, что грядет Багряный всадник и что все склонятся пред Вороньим королем.

Джемма невольно поежилась. Да, безумный Аймо действительно предсказал появление Тернера и смерть Элинор. Неужели он прав и насчет Вороньего короля, и относительно остальных смертей...

— Вы его впечатлили, видимо, — произнес Дэвин и указал на сюртук Тернера. — Почему вы верхом, кстати?

Следователь развел руками.

— Поезд едва не сошел с рельсов возле Каллепево, — сообщил он. — Какая-то дрянь пооткручивала гайки. Голову бы ему открутить! Ну я не стал ждать, когда все наладится, взял в поселке лошадь и поехал.

Дэвин понимающе кивнул.

— Ваш случайный знакомый — это Аймо, здешний шаман. Он сумасшедший, рисует глифы Вороньего короля и предвещает его приход.

Тернер нахмурился.

— Это что за дрянь, простите?

— Древнее и могущественное порождение некротического поля, я полагаю, — сказал Дэвин, и Джемма невольно отметила, что ему не нравится об этом говорить, словно он был вынужден открывать перед Тернером что-то глубоко личное.

— Скорее, культ звероподобного предка, — произнес Тернер и вдруг обернулся к Джемме и спросил: — Вы ведь в курсе этого?

Джемма только руками развела.

— Понятия не имею ни о каких звероподобных предках, — совершенно искренне сообщила она.

Тернер снова удивленно вскинул брови.

— Ваш батюшка этим занимался, — сказал он. — Древние шаманские культы, история праязыка северян. Очень серьезные и глубокие исследования. Хотя... вы и правда не могли об этом знать. Его работы засекречены.

Джемма чувствовала себя так, словно Тернер подкрался сзади и стукнул ее по голове, и теперь она не может опомниться, а в ушах нарастает звон. Она, конечно, знала, что отец занимается научной работой, — ведь из-за этого он и ездил на север, и брал с собой дочь. Но Джемма и предположить не могла, что все это действительно было наукой, а не забавами дворянина, который нашел экзотическое увлечение, спасаясь от скуки.

И эта наука была такой серьезной, что труды отца засекретили.

«Интересно, — подумала Джемма, — может, его так уважают в этих краях не за то, что он вышел на площадь с бунтовщиками, а за изучение шаманских культов?»

— А почему его работы засекречены? — поинтересовалась она.

— Шаманские культы — это, знаете ли, не просто бесноватые с бубнами вроде вашего Аймо, — усмехнулся Тернер. — Это истоки магии, на которой, между прочим, зиждется и ваша мощь, ваше высочество. Господин Эвилет оставил очень подробное описание северных культов и шаманских практик. Если это попадет в умелые руки человека, склонного к риску и авантюрам, то беды не избежать.

Дэвин понимающе кивнул. Морщина на его переносице сделалась еще глубже. Тернер словно почувствовал, что надвигаются неприятности, потому что поднялся и решительно произнес:

— Что ж, давайте работать. Проводите меня к телу, ваше высочество.

ГЛАВА 17

Тернер изучал тело Элинора два часа, но выяснил лишь то, что убийца светской красавицы был левшой. В остальном его отчет почти слово в слово подтвердил то, что написал Артур.

Слуги принялись готовить Элинора к погребению.

Дэвин увидел, как Тернер спускается по ступеням и с хмурым видом идет через сад, и вдруг подумал: интересно, как выглядит его яблоко? Вдруг оно тоже целое? И именно поэтому Тернер и сделался таким: холодным, отстраненным, больше похожим на ожившую статую, чем на человека.

— Дэвин?

Он обернулся: Джемма стояла в дверях и, кутаясь в цветастый платок, смотрела на него так, словно хотела заглянуть в его мысли.

— Если ты не занят, — сказала Джемма, — то, может быть, прогуляемся?

Дэвин улыбнулся. Почему бы и нет? Возможно, прогулка поможет сбросить то давящее оцепенение, которое овладело им с утра. Это было похоже на простудный жар — густой, давящий, — сквозь который пробивался чей-то зов. Дэвин пытался отстраниться от него, но тихий голос продолжал говорить с ним: глухо, неразборчиво и очень уверенно.

«Вороний король зовет меня», — подумал Дэвин и ответил:

— Прекрасная мысль!

В сад они не пошли: не сказали друг другу ни слова, просто дружно отправились в сторону ворот. В саду сейчас шатался Тернер, выискивая улики и зацепки, и Дэвину меньше всего хотелось смотреть, как он этим занимается.

— Давай сходим в Хавтаваару? — предложила Джемма. — Просто прогуляемся, посмотрим. Вроде бы там за поселком были какие-то развалины.

— Сторожевая крепость, — кивнул Дэвин.

В давние времена цепочка таких крепостей опоясывала север, словно причудливое каменное украшение, и воины в красных шлемах защищали людей от порождений тьмы, которые шли с севера, из снежных краев вечной мерзлоты, густого мрака и зеленых росчерков полярного сияния.

— Я уже была в такой, — сообщила Джемма.

Она сейчас держала Дэвина за руку, и этот жест ободрял его. Пока Джемма была рядом, тьма отступала и голос Вороньего короля становился тише.

— Когда это? — удивился Дэвин.

— В детстве, — сказала Джемма, и Дэвину показалось, что ей неприятно вспоминать об этом. — Отец ездил на север и брал меня с собой. И однажды мы с ним забрались в развалины сторожевой башни. Там уже не поймешь, где и что было, просто лежат огромные каменные глыбы, заросшие кустами. Я нашла среди камней монетку. Серебряная, с одной стороны осьминог, с другой корона.

— Надо же, — усмехнулся Дэвин. — Сарварийский дублон! Далеко же его занесло с юга!

Он вдруг увидел ту башню так отчетливо, словно стоял среди развалин, а не шел по дороге к поселку. Развалины заросли травой и кустарником, но от них по-прежнему веяло такой силой и мощью, таким величием, что душа начинала трепетать от восторга и волосы шевелились на голове. Это было место древних легенд и могучих героев, место, где побеждали чудовищ и устанавливали власть человека.

Зачем Эдвин Эвилет туда забрался? Что ему было нужно на самом деле? Он ведь ехал в такую даль не просто ради того, чтобы прогуляться и поесть клюквы.

— На самом деле я никогда не размышляла зачем, — ответила Джемма, и Дэвин понял, что задумался и задал вопрос вслух. — Просто интересно. Там было очень красиво, отец весь день просидел на каком-то валуне. — Она улыбнулась так, словно ее воспоминания были светлыми и несли чистую, детскую радость. — Я играла рядом, и в какой-то момент он показался мне мудрым волшебником из книги.

Некоторое время они шли молча, а потом Джемма сказала:

— Я до сих пор удивляюсь тому, что его здесь уважают. Что тогда все разошлись сразу же, как только узнали мою фамилию.

Дэвин вспомнил, как жители Хавтаваары смотрели на Джемму во время похорон, — уважение и любовь в их взглядах были искренними. Такого не подделаешь.

— От благородных господ можно получить только в рожу, — усмехнулся Дэвин. — И податные сословия прекрасно это понимают. Но вдруг часть этих благородных господ начинает всем сердцем желать народу счастья. Да так, что жертвует за их счастье своими жизнями. Можешь мне поверить, твоего отца и через сто лет не забудут. Будут любить и уважать и рассказывать детям и внукам о том, что были такие люди, которые желали им добра.

Оставшийся путь до поселка они преодолели молча. День выдался солнечный и теплый, в траве вдоль дороги порхали птицы, и Дэвин с удивлением и радостью обнаружил, что все вороны куда-то подевались.

И то, что стучалось в его душу, тоже исчезло. Это было похоже на состояние после опьянения, когда ты вдруг понимаешь, что трезв, и мир на какое-то время становится другим: ярким, свежим, удивительно красивым. Дэвин улыбнулся и прибавил шагу.

В Хавтавааре было шумно и беспокойно. Народ, встревоженный и сердитый, собирался у церкви, перебрасываясь отрывистыми и в основном нецензурными репликами, и Дэвин почувствовал, что его умиротворенное настроение утекает, сменяясь той готовностью, которая наполняет хищника перед броском. На ступенях церкви стояли Артур в сопровождении верного Армо и Тернер — бог весть, когда успел сюда добраться! Дэвин подумал, что это именно он и взбаламутил народ.

— Грех! — услышал он рокошующий голос священника. Святой отец стоял перед церковью и смотрел на Тернера так, словно тот был достоин как минимум побивания камнями. — Великий грех — тревожить умерших!

Поселяне согласно закивали. Было видно, что Тернер, в отличие от Артура, им совершенно не по душе. Артур вскинул руку, призывая к тишине.

— Его величество Кормак приказал вести расследование! — проговорил он и помахал кулаком, в котором была сжата гербовая бумага: государев указ, что Тернер привез из столицы. — Тела убитых дев надлежит выкопать и повторно изучить!

Толпа разразилась протестующими воплями. Дэвин подумал, что сейчас в Артура полетят камни. Как ни крути, он был здесь чужим. Он, конечно, успел заслужить уважение поселян, но всему есть предел.

Дэвин прикрыл глаза и несколько раз провел пальцами в воздухе, создавая над Артуром защитную сеть. Если в него что-то швырнут, то она отразит и камень, и пулю. Артур машинально провел ладонью по голове, словно почувствовал прикосновение сети.

— Да как же это! — с взвизгиванием и причитаниями заголосила какая-то баба. — Да как же наших девочек, ласточек наших поднимать! Страшную смерть приняли, да и после смерти покоя нету!

Остальные бабы дружно поддержали ее. Мужчины молчали, но смотрели так, словно хотели посоветовать Тернеру уматывать отсюда, да побыстрее.

— А ну рот закрой, — прорычал Тернер в ее сторону так, что все дружно сделали шаг назад. — Приказ короля! Не обсуждать его, а выполнять!

Джемма удивленно ахнула. Никто не ожидал от лощеного столичного дворянчика такого голоса — этот звук невольно заставлял приседать и закрывать голову руками. Однако в Хавтавааре не все праздновали труса.

Один мужчина сложил руки на груди и важно ответил, не сводя глаз с Тернера:

— Король твой — он вон где! А у нас тут своя власть, понял? Вон как его высочество скажет, так и будет! И нечего тут бумажками трясти, поважнее тебя теперь болота гатят.

Рука Тернера дрогнула так, словно он хотел вынуть пистолет и прострелить голову наглецу, который дерзнул так говорить о короле. Народ зашумел, какая-то женщина в пышном красно-белом платье потянула Дэвина за рукав в сторону ступеней храма.

— Вот наш государь! — услышал Дэвин.

— Как скажет, так и будет!

На миг ему сделалось очень легко — так, как бывает после бокала с ледяным шипучим вином, когда

в голове пляшут пузырьки хмеля, и ты, кажется, способен на все. Перевернуть мир? Пожалуйста. Забрать ту корону, которая принадлежит тебе по праву? Легко.

Дэвин нашел в толпе Джемму — она смотрела на него с ужасом и надеждой.

— Я благодарю вас за доверие, — произнес он.

Люди стихли, замерли, не сводя с него глаз, и Дэвин чувствовал, почему к нему так относятся. Все склоняется перед Вороньим королем. А он был Принцем-вороной, и это заставило жителей Хавтаваары трепетать перед ним и верить ему. Дерзкий мужчина был прав: до короля Кормака далеко, и королю никогда не было дела до забот и проблем этих мест на краю географии. А Принц-ворона — вот он, рядом. Спасает заблудившегося безумца, вместе со всеми идет хоронить убитых девушек и ищет их убийц.

— Больше всего я хочу найти тех, кто совершил три убийства, — продолжал Дэвин. — Господин Тернер прав: тела девушек надо изучить еще раз. Он обладает такими знаниями и опытом, которые помогут найти улики... если мы не заметили их раньше.

По толпе пронесся шепот. Кто-то из баб принялся подвывать, отирая слезы краем платка. Стайка девушек дружно зашмыгала носами, собираясь реветь.

— Однако выкапывать девушек я не позволю, — твердо сказал Дэвин. — Незачем тревожить их последнее пристанище, это и правда грех. Они действительно не заслужили такого.

Священник погрозил пальцем в сторону Тернера, словно хотел сказать: вот! Что я говорил тебе! Тернер побледнел так, что Дэвин испугался, как бы его не хватил удар, — похоже, королевский следователь не привык к тому, что кто-то способен дать ему отпор.

— Я с господином следователем, полицмейстером и помощником пойду на кладбище, — продолжал Дэвин. — И там использую свое искусство мага, чтобы открыть прошлое, не тревожа могил и сна усопших. Следователь увидит девиц так, как если бы они действительно лежали перед ним, но это будут не сами девы, а посмертные отпечатки их тел. Он изучит эти отпечатки, и этого будет достаточно для правды.

Он замолчал, вдруг поняв, что наговорил такого, за что его прямо сейчас могут поднять на вилы. Жители Хавтаваары не разбираются в посмертных отпечатках, для них любая магия — это вред. Но мать Керту Лухвин, которая стояла впереди, вдруг спросила:

— Это как картинка, да, вашвысочество?

— Да, — облегченно кивнул Дэвин. — Не призрак, не душа. Картинка.

Женщина вздохнула и утвердительно качнула головой.

— Спасибо, вашвысочество, что не дали доченьку в обиду. — И, разрыдавшись, она уткнулась в плечо какой-то из своих товарок.

— Спасибо! — крикнули в толпе.

— Спасибо!

— Слава государю Дэвину!

Дэвин вскинул руку, и все умолкли. Разумеется, Тернер отправит донесение обо всем, что случилось, и с короля Кормака станет отправлять сюда лучший отряд головорезов, который не оставит от Хавтаваары и камня на камне. А остальным будет наука, чтоб не называли государем кого ни попадя.

— Я еще раз благодарю вас за доверие, — отчетливо произнес Дэвин. — И прошу не забывать, что государь у нас один — это его величество Кормака. Он заботится о вас и отправил сюда лучшего следователя, чтоб найти убийцу. Вечером мои слуги привезут в Хавтаваару лучшего вина из моих погребов, чтобы вы выпили за здоровье его величества Кормака.

— Ура! — хором грянули мужики. Выпить благородного вина, да просто так — ради такого они будут кричать здравицы хоть Кормаку, хоть дьяволу. — Слава королю Кормаку!

— Ура его величеству!

— Ура!

Прокричавшись, народ стал расходиться. Дэвин подошел к ступеням храма, чувствуя, что его начинает знобить. Артур смотрел одобрительно. Тернер успел справиться с волнением, вернул себе

свой привычный холодный вид и самым ласковым тоном произнес:

— Ловко же вы умеете управляться со здешним народом, ваше высочество. Я в какой-то момент думал, что в нас полетят камни.

— Именно это я и старался предотвратить, — хмуро сказал Дэвин. — Только бунта нам тут и не хватает. Вы видели, до чего их довели?

— Если бы принц опоздал, — сухо заметил Артур, который искренне наслаждался окаменевшей физиономией Тернера, — то вас бы на части разорвали. Я говорил, что с людьми надо говорить осторожно и уважительно.

Тернер покосился в его сторону так, словно размышлял, стоит ли проломить голову Артуру булыжником сейчас или лучше отложить это на послеобеденное время.

— Бунтари, — вздохнул он. — Наглые и бесцеремонные бунтари, которые...

— Они люди, — перебила его Джемма, и Тернер осекся.

Дэвину не понравилось, как он посмотрел на Джемму — так, словно она была вещью, которую он намеревался разобрать на части.

— Люди, да... — кивнул Тернер, вынул из кармана какой-то маленький предмет и принялся задумчиво крутить его в пальцах. — Что ж, ваше высочество, идемте на кладбище, если вы не передумали.

Сверкнуло стекло, поймав солнечный луч, и Дэвин узнал вещицу.

Это было стекло, которое используют, чтобы рассмотреть яблоко в душе. Бог весть, зачем оно понадобилось Тернеру прямо сейчас.

ГЛАВА 18

Джемма не запомнила, как покинула Хавтаваару, — просто вдруг поняла, что неторопливо идет по хорошо утоптанной тропе среди высоких трав. Воздух был наполнен солнечным светом, деловитым гудением пчел, медовым запахом цветов. Впереди лежал холм, увенчанный каменными глыбами, словно короной, и Джемма побрела к нему.

Посидит там, в траве, полюбуется природой, а потом пойдет обратно в Хавтаваару — она решила, что к тому времени Дэвин и Тернер уже закончат все дела на кладбище.

Она не могла не думать о том, насколько решительно и умело повел себя Дэвин. В поселке мог разразиться бунт, и Джемма даже представить боялась, чем он мог закончиться. Она вспоминала Дэвина — как он стоял и смотрел, каким строгим и в то же время понимающим был его взгляд, — и на душе становилось тепло.

Казалось бы, совсем недавно Джемма готова была потерять сознание в его присутствии. И вот рядом с ней находится совсем другой человек. Отважный, умный и добрый. Она не удивлялась тому, что жители Хавтаваары называли его своим владыкой.

Он и был законным наследником — пусть его лишили трона, это ничего не меняло.

«Я влюбилась? — подумала Джемма и дотронулась до груди, там, где таилась ее половинка яблока. — Почему бы и нет?»

Дэвин не был ее второй половиной и не мог ею стать. Но он был хорошим человеком, и этого достаточно.

«Я влюбилась», — думала Джемма, поднимаясь по холму. Трава здесь была такой густой, что идти приходилось с трудом. Несколько репейников вцепились острыми зелеными крючочками в подол платья. Среди развалин бойко щебетали птицы, и Джемма внимательно смотрела под ноги, чтобы случайно не раздавить гнездо или птенца.

Постепенно подниматься стало легче, словно невидимые хранители сторожевой башни посмотрели на незваную гостью и все-таки позволили ей войти. Несколько минут Джемма стояла у заросших каменных глыб, а потом подобрала платье и села на один из камней.

Сразу же стало легче дышать, и Джемма почувствовала, как в груди ожила и задрожала половинка яблока. Ей сделалось одновременно весело и грустно, захотелось танцевать и плакать. Это не было похоже на те тихие чувства, которые Джемма испытывала при появлении Алекса Абиγαля: то, что сейчас владело ею, было намного сильнее.

«Дэвин», — с теплом и любовью подумала Джемма, и ее вдруг подбросило на камне так, словно невидимые руки обхватили ее за плечи и несколько раз встряхнули. Так трясут, когда собираются выбить дурь и глупые мысли. Джемма растерянно замерла, приложив руку к груди. Что это было?

Та же сила вдруг подтолкнула окончательно растерявшуюся Джемму в сторону тропинки. Она сделала несколько быстрых шагов с холма, обернулась: ничего особенного, ничего пугающего, просто летний солнечный день — и нечто, которое решило изгнать ее сразу же, как только она подумала о Дэвине.

Солнечный луч скользнул по камню и вдруг четко высветил выбитую надпись.

Джемма прищурилась и разобрала слова:

— У тьмы нет власти.

Она обернулась, пытаясь понять, кто прошептал эти слова вместе с ней. Никого.

— Но ведь я не тьма, — сказала Джемма вслух.

По верхушкам трав скользнул ветер, и Джемма быстрым шагом двинулась прочь. Ей позволили войти, но ей не были рады и не пропустили дальше порога. На мгновение Джемме показалось, что из-за камней выступили воины в сверкающих шлемах — те, которые защищали эти рубежи сотни лет назад. Вряд ли бы им понравился Дэвин, самый сильный темный маг, раз уж даже его жена пришлось не по душе, хотя в ней не было ни крупинки волшебства.

Когда холм остался позади, наваждение отступило. Джемма хмуро шагала в сторону Хавтаваары и думала только о том, что устала. Незачем было идти на эти развалины, ничего хорошего там не осталось. Что может быть интересного в останках сторожевой башни, заросших камнеломкой? Да, когда-то в детстве она ходила с отцом к таким же камням, но теперь...

Ей захотелось плакать. Джемма шмыгнула носом; слезы застилали глаза, и она не сразу заметила сквозь их пелену, что навстречу кто-то идет.

Джемма провела ладонями по лицу, смахивая слезы, и с искренней неприязнью узнала в прохожем Тернера. Ей меньше всего сейчас хотелось говорить со следователем. Значит, они с Дэвином закончили работу на кладбище, и теперь городской джентльмен решил прогуляться по окрестностям и все обдумать.

— А, дорогая госпожа Эвилет! — усмехнулся Тернер. Улыбка была вполне дружелюбной, но глаза оставались холодными и цепкими. — Гуляете?

Джемма напомнила себе, что леди в любых обстоятельствах должна оставаться доброжелательной и вежливой. В конце концов, Тернер не успел сделать ей ничего плохого, и то, что в нем таится что-то холодное и отталкивающее, еще ничего не значит. Люди бывают разными, и не всегда неприятный облик означает скверный нрав. Да, он ей не нравился. Ну и что?

— Да, господин Тернер. Гуляю, — ответила Джемма вполне светским тоном.

Улыбка Тернера угасла, он развернулся и пошел рядом с Джеммой, словно забыл о том, куда брел до этого.

— Напрасно в одиночестве, — заметил он без улыбки, сухим официальным тоном. — Такие прогулки безрассудны, когда в округе бродит серийный убийца.

Джемма подумала, что Дэвин сказал бы ей то же самое. Несколько минут они шли молча, а затем она ответила:

— Все обошлось, я никого не встретила. А теперь я в вашем обществе.

Тернер усмехнулся. Машинально дотронулся до груди.

— Да, кроме меня, в моем обществе некого бояться, — произнес он. — И все равно вы безрассудны, дорогая Джемма. Вы не думаете о себе.

Джемма удивленно отметила этот резкий переход от «госпожи Эвилет» к «дорогой Джемме». С чего бы вдруг?

— Верно, сейчас я не думала об опасности, — призналась она и решила перевести разговор на другое: — Я приезжала в эти края с отцом, так что ничего здесь не боюсь. А вы раньше бывали на севере?

— Нет, — ответил Тернер. — И никогда не хотел здесь оказаться. Будь моя воля, то уехал бы подальше. Но долг, работа, сами понимаете...

Он снова дотронулся до груди, словно там пекло. Джемма вдруг испугалась, что следователь может прямо сейчас умереть на этой тропе от разрыва сердца. Кто его знает, как он себя чувствует и от каких хворей страдает.

— Что с вами? — встревоженно спросила Джемма.

— Печет, — сообщил Тернер. — Никогда такого не было.

Он мягко взмахнул рукой, и Джемма заметила в его пальцах знакомое стеклышко в оправе, через которое рассматривают половинку яблока. Тернер навел его на Джемму и разочарованно опустил.

— Ничего не видно, — сказал он. — Почему?

— Мой муж объясняет это возмущениями магических полей после забора энергии, — призналась Джемма. — Яблоко появится через пять месяцев. А почему вас это вдруг так заинтересовало?

В конце концов, это было невежливо. Рассматривать яблоко замужней дамы — дерзкий намек на возможные отношения с ней и лучший способ получить вызов на дуэль от ее мужа. Тернер криво улыбнулся и протянул Джемме стеклышко.

— Посмотрите на мое яблоко, Джемма.

— Вот еще! — возмутилась Джемма. — Я не собираюсь этого делать!

Ее охватило таким жаром, что тело покрылось потом. Джемма вдруг поняла, почему у нее сегодня теснит в груди, и от этого понимания ей стало настолько жутко, что она едва не лишилась чувств. Тернер взял ее за руку и вложил стеклышко в ладонь, почти впечатав его в кожу. Его взгляд был одновременно пугающим до обморока и беззащитным.

— Посмотрите, — приказал он, и Джемма навела стеклышко на его грудь.

Сначала она не видела ничего, кроме тумана. Но потом дымное марево рассеялось, и к Джемме поплыла хрустальная половина яблока.

Джемма вздрогнула и едва не выронила стеклышко. Яблоко пульсировало и дымилось, оно наливалось кровью и через равные промежутки вспыхивало золотом. Темно-красные косточки дрожали. Яблоко было живым, оно дышало и стремилось к своей половине, которая сейчас была совсем рядом.

Стеклышко все-таки выпало из пальцев Джеммы в траву. Тернер нагнулся, поднял его и сказал:

— Ну вот, Джемма. Вы и в самом деле моя вторая половина. — Он провел ладонью по голове и признался: — Не думал, что это со мной когда-нибудь случится.

Ноги все-таки подкосились, и Джемма начала заваливаться в траву. Тернер успел подхватить ее, и какое-то время она смотрела ему в глаза и видела, как из тумана к ней стремится ее половинка яблока, огненная комета, готовая испепелить мир.

«Нет! — мысленно прокричала Джемма. — Нет! Только не это, Господи, только не это!»

Потом Тернер опомнился, помог Джемме встать, и они пошли по тропе.

— Король считает вас второй половиной принца Дэвина, — произнес Тернер после недолгого молчания, когда впереди замаячили красные крыши и белые стены Хавтаваары. — У него целое яблоко, у вас яблока нет. Такова та легенда, которую его высочество скормил отцу. Он не то чтобы поверил, просто не стал спорить.

Джемма могла лишь кивнуть. В голове кружили не мысли, но обрывки: вечная любовь... счастье... прощение всех грехов... редкость... то, для чего всех создал Господь... Ей казалось, что она уже никогда не будет такой, как раньше.

Если бы они встретились тогда, когда Джемма еще не была дочерью бунтаря, рабыней, женой Принца-вороны! Тогда она с радостью приняла бы свою судьбу. Найти свою вторую половину, обрести то счастье, которое никогда не закончится, — не всем так везет. Далеко не всем.

Но теперь Джемма не могла опомниться от ужаса. Она старалась взять себя в руки, но ничего не получалось. А Дэвин? Что он сделает, когда узнает о том, что Джемма нашла свою вторую половину?

И любовь! Та любовь, которая водопадом обрушивается на тех, кто нашел друг друга! От одной мысли об этом Джемму бросало в холод. Она боялась даже представить, что Тернер дотронется до нее, как до своей половины.

— Полагаю, я должен молчать об этом, — произнес Тернер, крутя в пальцах стеклышко и имея в виду, должно быть, не только то, что Дэвин говорил отцу.

Джемма снова кивнула.

— Я люблю своего мужа, — призналась она. — И не хочу расторгать наш брак, чтобы соединиться с вами. Понимаю, что моя честность вас задевает, но и вы поймите. Я не хочу вам лгать.

Тернер усмехнулся, словно ожидал услышать именно такой ответ.

— Нам обоим надо привыкнуть к этой мысли, — сказал он. — И будет лучше, если мы пока не будем говорить об этом. Я должен найти убийцу. А вы — позировать господину Штрубе, его кисть внесет вас в историю.

Джемма смогла лишь кивнуть. Они прошли по центральной улице поселка, вышли к церкви, и Джемма подумала: половинки яблока соединяются во время обряда венчания. А потом священник выходит и запирает двери храма, оставляя новоиспеченных мужа и жену наедине, и о том, что с ними происходит, никто не знает.

Об этом не говорят. Это тайна, окруженная священным молчанием. Джемма спрашивала родителей, но они лишь ответили, что она обязательно обо всем узнает в свой черед.

От одной мысли о том, что кто-то может заставить ее войти в церковь с Тернером, Джемму снова бросило в холод.

— Я замужем, господин Тернер, — только и смогла повторить она. — И не хочу расставаться с мужем.

Тернер усмехнулся. Взгляд был льдистым и пронизывающим, таким, который способен снимать кожу.

— Это я уже понял, дорогая Джемма, — произнес он. — Не сомневайтесь.

Все изменилось. Дэвин понял это сразу же, как только увидел в окно, что Джемма поднимается по ступеням и входит в дом. Он заметил, как над ее головой кружат золотые нити и сквозь возмущения магических полей пробиваются далекие, едва различимые очертания алого пульсирующего яблока. Дэвин не знал, почему видит его, — возможно, постоянное соприкосновение с Вороньим королем обострило его восприятие.

Яблоко горело золотом и кровью. Однажды он уже такое видел. Это означало, что две половины одного целого нашли друг друга. Джемма нашла свою половину.

Поняв это, Дэвин сел за стол и какое-то время машинально перебирал сердоликовую гальку в стеклянном лотке. Сердолик — капли драконьей крови, камень, дающий силу, богатство и любовь. Он любил сердолики: в них таилось солнечное тепло, которое делало камень живым.

Любовь? Дэвину захотелось засмеяться. Кто же этот счастливчик, интересно? Кому он должен будет своими руками отдать жену? Только сейчас, понимая всю неизбежность потери, Дэвин с пронзительной, обжигающей остротой подумал о том, насколько сильно он полюбил Джемму.

Кто ее вторая половина? Неужели Тернер? Скорее всего, он, кому бы еще... Дэвин представил, как следователь ведет Джемму в храм, и его стало мутить. И ведь ничего не поделаешь. Половины должны соединиться в целое, такова воля бога. За этим он и создавал людей.

Дэвин устало провел ладонями по лицу. Сердолики перед ним казались каплями оранжевой крови. Конечно, Джемма может отказаться. Останется с мужем, который наконец-то перестал ее пугать. Дэвину захотелось рассмеяться. Тернер закончит расследование, и они уедут — король разрешит Джемме это сделать, а нелюбимого и ненужного сына навсегда оставит на севере.

Дэвин привык к тому, что его жизнь была чередой потерь. Вот и еще одна. Но никогда прежде ему не было настолько горько и одиноко.

Едва слышно скрипнула дверь. Не оборачиваясь, Дэвин понял, что это Джемма и что ей страшно. Она не хотела говорить ему о том, что нашла свою вторую половину, и не могла об этом молчать. «Обернись, — сказал себе Дэвин. — Посмотри на нее».

Он не обернулся. Сделал вид, что занят изучением сердоликов. Отличный камень, из которого можно сделать защитные амулеты: он обещал, что вечером их раздадут жительницам Хавтаваары, и это известие было воспринято с такими радостными возгласами, словно он собственноручно поймал убийцу и показал народу.

— Привет, — негромко сказала Джемма, и Дэвин не выдержал.

— Ты нашла свою вторую половину, — глухо произнес он. — Поздравляю.

Жизнь Принца-вороны была чередой потерь. Он всегда довольствовался малым: огрызками внимания отца, крохами людского уважения, скудным подобием любви от случайных женщин. Но еще никогда Дэвину не было настолько тоскливо.

Он успел поверить, что для него возможна хорошая жизнь с любовью. И эта жизнь ушла от него, едва давшись в руки. Не зайдя он тогда в аукционный дом, Джемму купил бы кто-то другой. Она никогда бы не выпустила дракона, не вышла замуж за Дэвина и не поехала бы с ним на север. Джемма подошла почти бесшумно. Встала за стулом — ее руки скользнули по плечам Дэвина и легли на грудь. Маленькие, легкие, они обжигали его кожу сквозь рубашку. Джемма уперлась подбородком в его голову, вздохнула и негромко сказала:

— Я очень испугалась.

«Постой вот так, — подумал Дэвин. Накрыв ладонями ее руки. — Постой еще немного, а потом уходи. Мы всего лишь люди, и нас создали не для того, чтобы сопротивляться воле Создателя».

— Почему? — спросил он.

Джемма помолчала, собираясь с мыслями, а потом ответила:

— Потому что я твоя жена. И не собираюсь с тобой расставаться.

Сначала Дэвин не понял, что она сказала. Потом подумал, что понял как-то не так. Найти свою

вторую половину и не броситься к ней на шею? Свою настоящую половину, часть души, обретение которой спишет все грехи и даст счастье до конца дней?

И Джемма выбрала мужа?

— Кто он? — спросил Дэвин.

— Бен Тернер, — ответила Джемма. — Да не важно, кто он. Я замужем, и я не оставлю мужа, так ему и сказала.

Несколько мгновений они молчали. Потом Дэвин произнес, не выпуская рук Джеммы:

— Я тебя люблю, слышишь? И хочу, чтобы ты была счастлива. — Он хотел было добавить, что нельзя упускать такое редкое счастье и сопротивляться воле Создателя, но почему-то не добавил.

Неожиданно Дэвин почувствовал себя очень маленьким и слабым.

Джемма может себе позволить быть счастливой. Для этого не надо привязывать себя к мужу.

— Я тоже этого хочу, — ответила Джемма, сделала паузу, словно пыталась подобрать нужные слова, и сказала: — Да, есть половинки яблока. А есть любовь, и есть наша семья. И я точно знаю, что никогда не буду счастлива по-настоящему, если уйду. Потому что я тебя люблю.

Дэвин молчал. В голове было пусто и звонко. Потом он понял, что ему еще не говорили о любви. Ни родители, ни друзья, ни те женщины, которые делили с ним постель. Он так и привык: жить, считая себя недостойным того, что множество людей имеет просто так, даже не задумываясь и не ценя. Он не думал о любви. Считал это лишним. Так жилось намного проще.

— Ты не уйдешь, — произнес Дэвин с полувопросительной интонацией, словно боялся услышать ответ.

— Нет, — откликнулась Джемма. — Не уйду.

— Он твоя вторая половина, — напомнил Дэвин. — Он то, чем я никогда не стану.

Джемма сердито освободила руки и отошла к окну. Маленькая, решительная и серьезная, она почему-то напомнила Дэвину фею, которая зашла в его дом и решила рассказать, чем именно ей, жительнице полей и лугов, не по нраву каменные строения.

— Я всегда хотела найти вторую половину, — призналась Джемма. — Мечтала об этом... да все девушки мечтают! Всем хочется, чтобы было что-то настоящее, светлое. А потом случилось все, что случилось. Я нашла тебя, и другого мне не надо.

Дэвин подошел к ней и обнял так, словно не хотел отпускать, никогда. Так они и стояли у окна. Над садом разливался тихий золотистый свет наступающей белой ночи, и облако, плывущее в сторону Хавтаваары, напоминало летящего ворона.

Но они его не видели.

ГЛАВА 19

Джемма проснулась сразу же после того, как Дэвин погрузился в сон. Некоторое время она лежала в кровати, глядя, как кругом бесшумно царит белая ночь, а затем выскользнула из-под одеяла и подошла к окну.

Сад укутывал туман. Все кругом было бледно-золотым, волшебным. Деревья проступали из белесой дымки, словно причудливые стражи. Где-то едва слышно капала вода. Джемма подхватила со стула шаль, набросила на плечи и, стараясь не шуметь, вышла из комнаты. Ее вдруг повлекло властное желание выйти из дома, сесть на ступени, погрузиться в туманное варево незакатного света, словно кто-то снаружи ждал ее и очень хотел повидаться.

Не Вороний король, нет. Кто-то очень хороший и сильный.

Часы в гостиной показывали без четверти два. Все спали. Джемма вышла из дома и с удивлением обнаружила, что ночь была теплой. Она села на ступеньки и вспомнила, как ее родители вот так же сидели вечерами. Мама клала голову на плечо отца, и Джемма смотрела на них и думала: вот то, чего я хочу. Найти вторую половину и уже никогда не расставаться.

Говорят, у судьбы нет чувства юмора. Вот Джемма и нашла вторую половину — решить бы теперь, что с этим делать. Она хотя бы не влюблена в Тернера по уши, и на том спасибо.

Бывает, что люди проживают жизнь, так и не найдя вторую половину. Случается и по-другому. Однажды Джемма прочитала о принцессе Лавин с Саланских островов — ее второй половиной оказался свинарь. Понятное дело, венценосные родители пришли в ужас. Вводить в семью того, кто выгребал за свиньями навоз, — нет, король-отец на такое никогда бы не пошел. Да и принцесса Лавин была не в восторге, в отличие от свинаря. Ей больше нравились галантные ухаживания принцев с соседних островов, а не деревенские посиделки на лавочке с семечками. Парень уже прикидывал, как сладко заживет в королевской семье, но мечты были недолгими: напившись на радостях, он споткнулся на пороге хлева и раскроил себе башку о случайно оказавшиеся рядом грабли. Все вздохнули с облегчением.

Едва слышно скрипнули двери, и в воздухе мягко повеяло табаком. Джемма встрепенулась — Тернер вышел из дома и сел на ступени рядом с ней. В груди снова стало жечь: яблоко стремилось соединиться со своей половиной и сделаться единым целым. Джемма подумала, что и Тернер сейчас испытывает такие же чувства.

— Не спится? — спросил он.

Джемма уткнулась подбородком в сложенные на коленях руки и ответила:

— Я объяснилась с мужем. Сказала, что не оставлю его.

Тернер усмехнулся. Сделал крепкую затяжку, выпустил несколько колечек дыма — совсем как отец когда-то.

— Вот и слава богу, — произнес он. — Спросите у него при случае, есть ли какие-то средства унять это жжение. Иногда боюсь, что сердце не выдержит.

Джемма хмуро покосилась в его сторону. Интересно все-таки, что же происходит с супругами тогда, когда священник запирает их в храме и две половинки сливаются в единое яблоко?

«Нет, — тотчас же подумала Джемма, — не хочу я об этом знать».

— Вам лучше не сидеть ко мне так близко, — сказала она.

Тернер усмехнулся.

— Разве у нас не свободная страна? Ну и потом, мне уже никогда так не повезет. Хочу хотя бы понюхать, что это такое, твоя вторая половина, раз уж все по ней так убиваются с Сотворения мира.

Некоторое время они молчали. В тумане кто-то чирикнул — похоже, какой-то птице не спалось. Джемме казалось, что она слышит чьи-то осторожные шаги, которые сразу же стихают, когда она начинает вслушиваться в ночную тишину.

— Я тут вспоминал о принцессе Лавин с Саланских островов, — сообщил Тернер, выбив из трубки пепел. — Король-отец приказал напоить ее вторую половину, убить и все обставить как несчастный случай. А он был неплохим парнем и в общем-то понравился девушке. Хотя вы, возможно, слышали другой вариант этой истории...

— Не понимаю, почему вы мне об этом говорите, — оборвала его Джемма.

Тернер снова усмехнулся и ответил:

— Просто так. Я помню, что вы замужем, не переживайте.

Из гостиной донесся далекий звон часов.

«Моя вторая половина, — подумала Джемма. — Я могу взять его за руку, того человека, которого мне предназначил бог».

Ей сделалось мучительно стыдно за такие мысли. Она любила Дэвина, была его женой, и ей не надо было другого, даже второй половины. Похоже, Тернер это понимал.

Он скользнул по Джемме усталым взглядом и произнес:

— Шли бы вы лучше в дом, Джемма. Такие ночи обманчивы. Вроде бы тепло, а завтра уже лежишь с простудой.

Джемма хотела было сказать, что ей не нужна его забота, но в это время в тумане что-то зашевелилось, забурлило, пришло в движение. Кто-то мчался по дорожке к особняку, всхлипывая и дыша, словно загнанная лошадь. Тернер поднялся, встав так, чтобы закрыть Джемму.

— Идите в дом, — повторил он, но Джемма успела лишь встать.

Из тумана вылетел Армо. Мертвенно-белый, без шапки, в потертой курточке поверх нижней рубахи и порток, босиком, он помчался сюда, как был, — что-то страшное подняло его с кровати. Джемма почувствовала, как немеют ноги, а в животе начинает ворочаться ледяной комок страха.

— Что случилось? — прошептала она.

— Вашвы... — проговорил Армо и, захлебнувшись воздухом, согнулся, уперев ладони в колени и пытаясь отдышаться. — Ваша милость...

— Еще один труп, — сухо сказал Тернер, и Армо всхлипнул.

— Если бы только труп, ваша милость! Церковь... сгорела, — выдохнул Армо и, выпрямившись, добавил: — Он пришел. Вороний король пришел.

Джемма ахнула и тотчас же зажала рот ладонями. Ужас, охвативший ее, был таким, что больно было дышать. Лицо Тернера осунулось и посерело: сейчас следователь выглядел так, словно перед ним вдруг распахнулись адские пещеры и он заглянул в их темные пасти, где бесшумно кружат мертвые драконы.

— Сколько убитых? — спросил он. Армо зажмурился, и по его щеке пробежала слеза.

— Батюшка наш, отец Олаф, — ответил он. — И три девицы.

Парень не выдержал и разрыдался, как ребенок.

Со стороны поселка донесся тоскливый удар в сторожевой колокол, призывавший на помощь, и тотчас же оборвался — помогать уже было некому и незачем.

Вороний король пришел.

Дэвин стоял возле обгоревших развалин церкви и думал о том, что ему никогда еще не было настолько хорошо. Он пытался вспомнить, когда прежде испытывал такое наслаждение жизнью, которое почти отрывает от земли, и не мог.

Вороний король обнял его. Дэвин чувствовал прохладные пальцы, которые легли на плечи и легонько сжали их. Вместе с прикосновением пришел запах болота: кисло-сладкий, дразнящий. Голову охватил прохладный золотой обруч короны. Этот венец обладал намного большим могуществом, чем тот, который у Дэвина отобрал отец. Земные владыки приходят и уходят, словно листья на ветру. Вороний король вечен, и его трон среди ледяных скал незыблем.

«Я использую в работе некротические поля. Такова моя природа, — пыталась объяснить та часть души, которая еще оставалась свободной. — Рядом с Хавтаваарой существует огромное скопление некротической энергии, которое в определенном смысле живое и разумное. И ему нужен носитель, сильный темный маг, который поможет выплеснуться и вместит в себя все, что накоплено. Так придет Вороний король, и все склонятся перед ним».

— Все правильно, — шепнули ему на ухо. — Впусти меня.

Джемма стояла чуть поодаль, рядом с рыдающими девушками, и Дэвин вдруг не узнал ее — вернее, не сразу понял, кто она такая и почему так смотрит на него. Потом в мозгу запульсировало: «Джемма. Жена». И он опомнился.

Церковь вспыхнула и сгорела за несколько мгновений. Люди почувствовали запах гари, выбежали на улицу с ведрами, но тушить уже было нечего. От церкви и священника, который вышел на ночную службу, остались лишь развалины. Дэвин бездумно сделал несколько шагов, наслаждаясь жизнью, этой колдовской белой ночью, запахом гари, и вдруг заметил черное воронье перо, прилипшее к обгорелому бревну.

Вороний король был здесь, но Дэвин и так это знал. Вороний король вышел из-под земли, из глубоких пещер под болотами. В ушах шумело, а в глазах плескалось золото: Дэвин смотрел на пепелище церкви, слушал вой поселян по убитым и понимал, что осталось совсем немного.

Вороний король получил пять дев и одну блудницу. Остались еще две и багровый всадник; всадника, кстати, можно отдать прямо сейчас. Дэвин обернулся в сторону Артура и Тернера, которые вместе с отцом безумного Аймо переворачивали обгорелые бревна, пытаясь достать тело погибшего священника, и сказал:

— Это янтарный огонь. Он действительно уничтожает за секунды.

Тьма отступила, позволив ему вздохнуть полной грудью. Жители поселка, столпившиеся поодаль, дружно осенили лица знаком круга в напрасной попытке отогнать нечистого. Армо, который топтался рядом с матерью, спросил:

— Что же это за дрянь такая, вашвысочество? Откуда она тут?

«Три запечатанные колбы янтарного огня есть у меня в лаборатории, — подумал Дэвин. — Но я их сюда не привозил. Или привозил?»

Сейчас он не мог вспомнить. На месте его ящичка с артефактами в памяти царил пустота.

— Порождение некротического поля, — ответил он. — Очень редкое. Но да, янтарный огонь уничтожает именно храмы и алтари, когда проявляется. Такова его природа.

Тело наполняло веселой брызжащей энергией, такой острой и яркой, что Дэвину хотелось танцевать. Темный маг на месте невероятного по глубине и мощи скопления некротической массы — это могло привести к взрыву, который уничтожил бы мир.

Дэвин тряхнул головой. Надо было сосредоточиться и вернуть себе ясность мысли. Он отошел от развалин, взял Джемму за руку и отвел в сторону — она пошла за ним, не сопротивляясь. Интересно, чувствует ли она Вороньего короля, который раскрыл над ними свои крылья?

— Я напишу отцу, — негромко сказал Дэвин. — Скажу, что ты нашла свою вторую половину и должна уехать отсюда вместе с Тернером.

Он прекрасно понимал, что Тернер откажется бросать расследование, и знал, как на него можно будет повлиять. Джемма посмотрела на Дэвина тем самым взглядом, которым смотрела в первые минуты после покупки в аукционном доме. В нем не было ничего, кроме ужаса, и этот ужас нарастал и креп, как та завеса тьмы, что поднималась над Хавтаваарой сквозь белую ночь.

— Но... — растерянно прошептала Джемма. — Но ты же сказал отцу...

Дэвин махнул рукой.

— Признаюсь, что солгал и что хотел насолить ему. Вернее, даже нет... никому я не буду писать, вы просто сядете в поезд. Завтра... то есть уже сегодня утром. Джемма, тебе лучше уехать отсюда как можно дальше.

Лицо Джеммы дрогнуло, словно она всеми силами старалась не разрыдаться. Слезы все-таки не удержались: вот пробежала одна, вот вторая. Дэвину казалось, что вся Хавтаваара слышит, как стучит его сердце.

Вороний король смотрел на Джемму его глазами и хотел присвоить. Сцепив зубы, Дэвин всем телом наваливался на ту дверь, которая не позволяла тьме проникнуть в его душу, но уже понимал, что все напрасно. Вороний король здесь, он вышел в мир, и Дэвин мог сделать лишь одно — спрятать от него Джемму как можно дальше, чтобы эта дрянь не дотянулась до нее и не запятнала прикосновением.

Он ведь не достанет ее на юге. Дэвину хотелось надеяться, что сила Вороньего короля ограничена болотистыми северными землями и Джемма будет в безопасности, как только Тернер увезет ее

отсюда.

— Дэвин, — едва слышно прошептала Джемма, — ты меня прогоняешь?

Я пытаюсь тебя спасти, — так же тихо прошептал Дэвин, надеясь, что у него еще есть на это время. — Он уже рядом, и ты тоже это чувствуешь.

Джемма изменилась в лице. Сжала его руки. Артур и Тернер смогли-таки растащить бревна, и поселяне заголосили, увидев останки несчастного священника. Дэвин слышал их крики краем уха и думал, что это только начало. Тьма поглотит Хавтаваару, расползется по северу, нависнет над Срединными землями.

— Да, — кивнула Джемма. — Чувствую. Но, Дэвин... Как я могу тебя оставить?

Она смотрела с такой горечью и любовью, что у Дэвина сжалось сердце. Невидимый золотой обруч, который стискивал голову, растворился под этим взглядом. На мгновение Дэвин позволил себе наивно подумать, что все будет хорошо. Потом миг слабости миновал.

— Можешь, — ответил он. — Потому что от этого зависит твоя жизнь.

По щеке Джеммы пробежала слеза. Вторая, за ней третья. Дэвин вспомнил, как она плакала в аукционном доме, — воспоминание оказалось неожиданно светлым, но он чувствовал, что скоро этот свет угаснет.

— Вороний король поглотит меня, — негромко произнес Дэвин. — Я сопротивляюсь ему, но получается все хуже и хуже. Джемма, уезжай. Тернер отвезет тебя сначала в столицу, потом на Дальний Юг.

Джемма смотрела так, словно в эту минуту что-то рвалось в ее душе. Дэвину казалось, что он слышит тонкий звон лопающихся нитей, которые их соединяли. Сердцу сделалось больно и горячо.

«Она забудет, — сказал он себе. — Она поплачет и скоро обо всем забудет. Я стану лишь эпизодом в ее жизни перед тем, как она нашла свою вторую половину».

— А как же ты? — прошептала Джемма.

— А я попробую выжить, — ответил Дэвин и мягко погладил ее по щеке, понимая, что это и есть тот последний раз, когда он может прикоснуться к любимой женщине, чувствуя себя собой, а не древним чудовищем из болотных глубин. — Вот и все. Тьма тебя не получит.

«Странно, — подумал он, — что здесь нет шамана. Куда он-то подевался? Ему сейчас как раз бы проповедовать о Вороньем короле и его приходе...»

В толпе раздались испуганные крики, словно назревала драка. Дэвин обернулся и увидел, как один из мужчин малюет на воротах своего дома знакомый глиф Вороньего короля куском обгорелой деревяшки. Женщины причитали, осеняя лица знаком круга. В каждом движении мужчины была какая-то злобная, отчаянная решимость, словно он чего-то ждал. Но никто не мешал ему.

— Эт-то что такое! — Тернер ожил первым, подбежал к поселянину и, рванув его за руку, развернул к себе. — Это что за дрянь?

Мужчина не ударил — просто повел плечом, и Тернер отлетел в сторону, чудом сумев удержаться на ногах. Лицо мужчины потемнело, короткие каштановые волосы с сильной проседью поднялись дыбом.

— Что за дрянь, говоришь? — прорычал он. — Да тебе, столичной харе, все дрянь! А у меня трое девок! Трое, понял?

По толпе пронесся испуганный шепоток. Кто-то усердно осенял лицо знаком круга, но Дэвин заметил, что были и те, кто согласно кивал. Господь позволил церкви сгореть и не защитил своего слугу — что ж, значит, придется просить о защите Вороньего короля. Может, он и смилуется.

— Сотрите. — Артур подошел к воротам и с искренним пониманием посмотрел на мужчину, который по-прежнему сжимал в пальцах обгорелый кусок. — Мне тоже страшно. Но этого не надо. Пожалуйста.

— Страшно детей хоронить, ваша милость. — Лицо мужчины дрогнуло, правую сторону рта потянуло вниз, и Дэвин подумал, что его может хватить удар от волнения. — Вон кузнеца спросите, каково это — дочку на кладбище нести. А мне мои живыми нужны. — Он умолк, выронил деревяшку и бездумно провел ладонями по лицу, не замечая, что оставляет грязь на лбу и щеках.

Люди закивали. Пока больше никто не шел рисовать глифы на воротах, но Дэвин знал, что они

появятся уже утром. Кто-нибудь из слуг нарисует перечеркнутый круг и на дверях его дома — в знак того, что Вороний король уже здесь.

Подул утренний ветерок, подхватил струйку дыма, что поднималась от пепелища. На Хавтаваару накатывался новый день.

ГЛАВА 20

Когда они с Дэвином вернулись домой, Джемма чувствовала себя настолько вымотанной, что добралась до спальни, рухнула в кровать и сразу же заснула. Ночь на пожарище выпила из нее все силы, но еще больнее и горше было то, что Дэвин хотел отослать ее из Хавтаваары. Джемма, конечно, понимала его правоту: понимала, но не хотела принимать.

Она надеялась, что утром все будет по-другому. Все изменится, и ей не придется никуда уезжать. Мысль о том, что придется оставить Дэвина наедине с Вороньим королем, внушала Джемме холодный липкий ужас. Она не знала, что может сделать и как заслонить от тьмы того, кто переплелся с ней настолько тесно, как Дэвин, который всю жизнь работал с некротическими полями, но покинуть его было невозможно.

Кажется, Дэвин сидел рядом и каким-то не своим, слишком растерянным жестом гладил ее по волосам, но Джемма не знала этого точно. Сон вынес ее в сад. Джемма снова сидела на дереве, там, где позировала Матиасу, но теперь ни художника, ни мольберта не было. Сад тонул в тумане, и Джемма невольно этому радовалась — туман скрывал то, что неторопливо шло к дому со стороны леса.

Джемма чувствовала, что не одна. До нее доносился звук негромких, но уверенных шагов по траве, легкое дыхание, прохладный шелест одежды.

Когда ждать стало нестерпимо, она едва слышно позвала:

— Кто здесь? Выходите!

Почему-то Джемме вспомнился болотный бес: она сейчас точно так же сидела и не могла убежать: тело словно не принадлежало ей.

— Кто здесь? — уже тверже повторила Джемма.

Из молочного сумрака донесся мягкий смех.

— Это я, — услышала она, и Вороний король вышел из тумана.

У него было лицо Дэвина, темные одежды Дэвина, но Джемма прекрасно видела, что это лишь маска. Подлинный облик Вороньего короля был намного страшнее — она знала, что умрет от ужаса, как только взглянет на него. В глазах, смотревших на нее с искренним теплом, плескалось расплавленное золото. Тяжелая корона лежала на голове, врезалась в кожу — Джемма видела выступившие капли крови. Но нет, это была не кровь, а ягоды клюквы.

— Уходи, — прошептала она.

Джемма понимала, что надо молиться, надо воззвать к богу, и он обязательно спасет, но ни одно слово из выученных с детства молитв не приходило в голову. Странное и грешное чутье подсказывало ей, что у бога нет власти в этих краях. Это были земли Вороньего короля, он ими владел, карал здесь и миловал.

— Я не уйду. — Вороний король прислонился к дереву, сложил руки на груди. — Это мой мир, и врата скоро откроются. И я наконец-то выйду.

— Я боюсь, — призналась Джемма.

Вороний король усмехнулся.

— Тебе ничего не угрожает. Тебя мне обещали, и ты сядешь рядом со мной на каменном троне в ледяных скалах. Скоро воздвигнется тьма... Ты ведь веришь в судьбу, Джемма?

Когда-то об этом спрашивал Дэвин. Джемма с трудом могла поверить, что это было совсем недавно. Возможно, Вороний король заглянул в память Дэвина и вытащил из нее это воспоминание.

— Да, — ответила она. — Верю.

— Судьба отдала тебя мне и привела сюда, — сказал Вороний король и холодно потребовал: — Посмотри на меня, Джемма.

Джемма хотела закрыть глаза или выцарапать их, лишь бы не видеть его, но голова повернулась будто бы по собственной воле. Черты лица Дэвина, которые сперва казались чужеродными, украденными, сейчас сгладились и смягчились. Если бы не корона и золотые глаза, это был бы тот самый Дэвин, за которого Джемма вышла замуж, которого полюбила.

Страх постепенно разжимал пальцы, и это помогло Джемме опомниться. Сквозь наносную беспомощность стало пробиваться что-то похожее на понимание.

— Ты был здесь раньше? — спросила она.

Вороний король кивнул.

— Очень давно. Мир тогда был совсем другим.

Джемма увидела, как туман расступился, словно кто-то поднял серый занавес. Теперь перед ней не было сада — вместо него воздвиглись рыжие скалы, поросшие стройными деревьями, которые отдаленно напоминали сосны, а неподалеку серебрилось огромное озеро. Выбежал олень с пышной короной рогов, в воде плеснула крупная рыба. По небу разлилось синее и изумрудное зарево, словно выступило огромное, хорошо вооруженное войско.

— Северное сияние, — узнала Джемма. — Отец рассказывал мне о нем.

Вороний король усмехнулся.

— Да, твой отец успел о многом узнать. О сиянии, о тайных знаках на скалах, о мертвом воинстве в разрушенных башнях. — Он мягко провел ладонью по воздуху, и лес с озером растаяли в туманной дымке.

А Джемма вдруг поняла...

— Башни! — воскликнула она. — Башни, ну конечно же! У тьмы нет власти!

Мрак вскипел, охватив ее ледяными крыльями. Уши наполнило треском, визгом и хлопаньем, и в следующий миг Вороний король исчез, а Джемма с криком проснулась и села в постели.

Наступило утро — судя по маленьким изящным часам на прикроватном столике, Джемма проспала до девяти. Из сада слышалось щелканье ножниц: садовник подравнивал кусты, и в этом беззаботном звуке была надежда на то, что все еще можно исправить. С первого этажа доносился запах кофе, и Джемма подумала, что Дэвин не стал ее будить и пошел завтракать один.

— Сторожевые башни, — повторила она, словно боялась, что понимание, которое пришло к ней во сне, способно растаять и не вернуться.

Сейчас сторожевые башни лежали в руинах. Когда-то там были воины и маги, которые укротили его мощь и запечатали во мраке. Но годы шли, люди забыли о тьме под болотами, покинули ставшие ненужными башни, и Вороний король вернулся. Его некому было остановить.

— Мой отец знал об этом, — промолвила Джемма, выскользнув из-под одеяла.

Одеться, быстрее одеться и идти к Дэвину. Если взять из архивов бумаги отца, то они сумеют найти ответы. Вороний король останется во тьме. Он больше никого не убьет.

Переодевшись и умывшись, Джемма быстрым шагом спустилась в гостиную. Понимание того, что ей не придется уезжать, подгоняло и заставляло сердце стучать с утроенной скоростью. Конечно, это будет очень трудно, но Дэвин — могущественный маг, он справится, он оживит сторожевые башни и снова запрет тьму в болотах.

Гостиная была пуста — Джемма прошла в столовую и увидела, что слуга накрывает стол к завтраку. Она словно наткнулась на невидимую преграду. Где Дэвин?

— Доброе утро, ваша светлость, — поклонился слуга.

— Доброе утро, — растерянно кивнула Джемма. Где Дэвин, куда он ушел? Почему ничего не сказал ей? — Где его высочество?

Слуга пожал плечами, и Джемма вдруг подумала, что с этим парнем что-то не так. Он старался держаться спокойно и не выказывал волнения, но выглядел так, словно ему что-то мешало, — Джемма не знала почему, но ей вдруг показалось, что в эту минуту тихий голос пел ему песню, и он не мог ни закрыться, ни уйти от нее.

— Я не знаю, ваша светлость, он ушел рано утром. Господин Артур вернулся час назад, господин Штрубе рисует в саду. А господин Тернер...

— Уже здесь, — услышала Джемма и обернулась. Тернер стоял рядом с ней с самым дерзким и независимым видом. Причесанный, выбритый, одетый с иголочки — ведь и не скажешь, что провел ночь, ворочая бревна на пепелище. — Доброе утро, Джемма.

Слуга дотронулся до виска, поморщился и ушел на кухню.

— Доброе утро, — кивнула Джемма и вдруг подумала, что как раз Тернер и может ей помочь. — Мне нужно поговорить с вами.

Тернер нахмурился. Джемма невольно задумалась, что он сейчас может чувствовать. Вдруг на него именно в эту минуту обрушивается та вечная любовь, которую все так ждут? Ей сделалось не по себе. В груди снова ожило тепло — неприятное, колючее.

— К вашим услугам, — чопорно сказал следователь, — но давайте хоть чаю выпьем.

После того как служанка внесла дымящийся омлет с грибами и беконом, Джемма спросила:

— Вы упоминали о том, что работы моего отца засекречены. У вас есть к ним доступ?

Тернер ковырнул омлет и ответил вопросом на вопрос:

— Почему вы решили, что он должен быть?

— Вы человек короля.

Тернер усмехнулся.

— Да, это многое объясняет, — ответил он. — Что именно вы там хотите найти?

— Во-первых, все, что написано о сторожевых башнях, — призналась Джемма. — Вы можете не верить в Вороньего короля, господин Тернер, но это способно его остановить.

Тернер пожал плечами, отправил в рот кусок бекона и некоторое время смотрел в окно: Матиас стоял под яблонями и что-то рисовал с задумчивым видом. Джемма вдруг подумала, что он тоже слышит странное: художник хмурился и то и дело дотрагивался до виска.

— А что во-вторых? — поинтересовался он.

— Во-вторых, то, что связано со мной, — призналась Джемма. — Повторюсь, вы можете не верить в Вороньего короля. Но когда-то я была обещана ему, и он собирается забрать свое.

Тернер поперхнулся омлетом и какое-то время оторопело смотрел на Джемму, словно не мог поверить в то, что она сказала. Затем он машинально отодвинул тарелку, откинулся на спинку стула и произнес:

— Хотите сказать, что принадлежите этому... — Тернер пощелкал пальцами, подбирая нужное слово. — Этой силе?

Джемма кивнула.

— Он так считает. Кто мог меня обещать?

Тернер ухмыльнулся. Его осунувшееся лицо обрело то презрительное выражение, с каким на Джемму смотрели служащие аукционного дома.

— Полагаю, что ваш достопочтенный папенька, — произнес Тернер. — Кому бы еще?

У Джеммы зашумело в ушах, словно Тернер со всей силы залепил ей пощечину. Ее отец никогда бы так не поступил, он не отдал бы дочь чудовищу — Джемма твердо знала, что он любил ее. Нет, это было невозможно!

— Не смейте так говорить, — возмутилась она, твердо глядя в лицо Тернеру. — Мой отец никогда бы так не поступил. Он не отдал бы меня монстру!

Во взгляде Тернера появились искреннее сочувствие и тепло. Это было настолько непривычно и странно, что Джемма вздрогнула. Вчера утром он смотрел на нее совсем иначе, и новое положение вещей пугало.

— Он не задумался о вашей судьбе, когда примкнул к мятежникам, — произнес Тернер. — А сразу было понятно, что если они потерпят поражение, то ничего хорошего вас не ждет. Но он плевать хотел на то, что случится с любимой дочерью.

Джемма вдруг обнаружила, что стиснула рукоять простенького столового ножа так сильно, что пальцы заныли. Глаза стало жечь, на скатерть упала слеза.

«Мне больно! — хотела закричать Джемма. — Мне больно, больно, больно!»

В какой-то момент она испугалась, что Тернер возьмет ее за руку, чтобы утешить, но он, к счастью, не сделал этого.

— Не смейте так говорить, — выдохнула она. — Это неправда.

— Это правда, — вздохнул Тернер. — Ваш отец выступил против основ государства. Он посягнул на то, что священо и неизбежно, и это было для него не первой попыткой, а привычным делом. — Тернер придвинул к себе чашку с чаем и спросил: — Он возил вас на север, а зачем, спрашивается? Что это за место для юной леди, для ребенка?

— Я не знаю... — растерянно прошептала Джемма.

Да, отец возил ее на север, она помнила жемчужно-розовое очарование белых ночей, но что еще с ней было после заката? Почему незримые хранители сторожевой башни отвергли ее сейчас, но приняли тогда? Ей казалось, что она сорвалась с обрыва и несется вниз. Ветер свистит в ушах, и все кончено.

— Во всех культурах есть обычай принесения девы в жертву чудовищу, — невозмутимо сообщил Тернер. — Это знает даже такой равнодушный сухарь, как я. Господин Вудвилл может рассказать подробнее. Я понятия не имею, как там было у вашего драгоценного родителя. Он мог пообещать, допустим, то, чего еще не знает, а сам действительно не знал, что его жена беременна...

— Замолчите, — оборвала его Джемма. — Замолчите, хватит, мой отец не мог так поступить!

Тернер вздохнул и все-таки взял ее за руку. Джемма в эту минуту чувствовала себя настолько беспомощной и слабой, что не смогла освободиться. Ей было страшно подумать, что еще он может сказать и сделать. Но он не успел. В столовую вошел Дэвин.

Дэвину казалось, что он теперь наконец-то похож на то чудовище, которым его всегда считали. Бледный, растрепанный, с горящими глазами — настоящий монстр, который почему-то решил поступить так, как положено человеку.

Это было больно. Очень больно. Дэвин чувствовал, как в груди пульсирует огненное яблоко, и с каждым его движением сердце стискивали невидимые пальцы. Но он знал, что это пройдет, как только Джемма уедет отсюда. Вороний король нетерпеливо стучал в двери его души, он хотел выйти в мир, и Дэвин надеялся, что у него хватит сил сдержать неукротимую темную мощь до того момента, когда Джемма окажется далеко отсюда.

— Я хочу поговорить с вами, — произнес Дэвин.

Джемма вздрогнула, посмотрела на него так, словно он ее ударил. Дэвин не мог перестать удивляться: она хотела остаться с ним. Здесь, среди надвигающихся тьмы и холода, во мраке, ползущем с болот, — и это ее не пугало. Это ее желание мучило его, страшило и... вызывало радость.

— Я никуда не поеду, — твердо заявила Джемма, глядя ему в лицо так же, как смотрела ночью на пепелище. — Никуда, ты меня не заставишь.

Она вышла из-за стола, и ее рука в руке Дэвина на мгновение стала тем якорем, который дал ему надежду. Возможно, все еще можно исправить. Возможно, он сумеет запечатать Вороньего короля там, где он был до этого.

От этой мысли Дэвину захотелось рассмеяться. Никогда он не сможет этого сделать: он использует некротические поля, и запечатывать с их помощью Вороньего короля — то же самое, что протрезвлять пьяницу бутылкой сивухи.

— Господин Тернер, — произнес он, бросив в сторону следователя такой взгляд, который заставил его выпрямиться. Лицо Тернера окаменело и обрело какую-то нерассуждающую покорность, словно он стоял на докладе у высокого начальства. — Я поздравляю вас с обретением вашей второй половины. Сообщаю вам о том, что ваше расследование завершено. Сегодня же вы покинете Хавтаваару с вашей нареченной... — В горле запершило, но Дэвин смог спокойно закончить фразу: — И уедете как можно дальше.

Ему показалось, что на лице Джеммы остались одни глаза: огромные, наполненные слезами, в которых можно было прочесть все слова, что она сейчас хотела сказать.

«Молчи, — мысленно приказал Дэвин. — Ничего не говори. Ты просто должна выжить».

— При всем уважении, ваше высочество, — произнес Тернер, — вы не можете завершить мое

расследование. У вас нет полномочий.

Дэвин почувствовал, как в нем начинает нарастать раздражение. Впрочем, это тоже было привычно. От него всегда ждали какой-то дряни и начинали сопротивляться — в этот момент людей вело какое-то древнее чутье.

— Вы даже не представляете, господин Тернер, какие у меня полномочия, — заметил Дэвин, в очередной раз ощутив холодное прикосновение иззубренного золотого венца Вороньего короля к голове. Он вздохнул и добавил уже мягче: — Семь дев, одна блудница и багряный всадник — вот то, что откроет врата тьме с болот. Так что сейчас я просто спасаю вашу жизнь, уж поверьте. И заодно делаю ее хорошей и безгрешной, в законном союзе со второй половиной.

Джемма вздрогнула.

— Дэвин! — воскликнула она, сжав его лицо в ладонях так, чтобы он смотрел ей в глаза. — Дэвин, ты — мой муж! Ты! — Голос сорвался, и Джемма прошептала: — Неужели ты от меня отказываешься?

Кажется, Дэвин слышал, как стучит ее сердце. Будь его воля, он прожил бы с Джеммой всю жизнь и сделал бы эту несчастную девочку самой счастливой. Он не мог. Но и Вороний король не посмеет к ней прикоснуться. У тьмы нет власти над Джеммой и никогда не будет. Если для этого Дэвину надо потерять ту, которая смогла увидеть человека в чудовище, — что ж, он готов заплатить даже такую цену.

Он невольно заметил, что эта история сделала его сентиментальным. Впрочем, люди всегда боятся хороших, чистых чувств и смеются над ними, пытаясь скрыть свой страх даже от самих себя. Кажется, он уже думал об этом.

— Я хочу, чтобы ты выжила, — твердо произнес Дэвин. — Это единственное, что я могу для тебя сделать. Уезжай. — Он сжал переносицу и добавил: — И не спорь со мной, не надо. Просто дай мне тебя спасти.

Джемма опустила руки. На мгновение Дэвину показалось, что она вот-вот лишится чувств. Но она устояла, и он понял: смирилась. Что-то тонкое, соединявшее их, оборвалось, и дом накрыло глухой тишиной.

— А как же ты? — негромко спросила Джемма.

Дэвин подумал, что скоро она обо всем забудет. Вороний король не достанет их с Тернером на юге, и постепенно вся боль этих дней сгладится. Любовь, которая обрушивается на тех, кто нашел свою вторую половину, заставляет выбросить из памяти любое горе и любые чувства, какими бы сильными они ни были.

— Я останусь здесь, — ответил Дэвин. — Постараюсь сдерживать Вороньего короля как можно дольше. Думаю, еще на пару дней меня хватит. А потом... — Он не знал, что сказать, просто не задумываясь, что будет потом. — Все кончится.

— И я... — По щеке Джеммы пробежала слеза. — Я никогда тебя не увижу?

Дэвин постарался ободряюще улыбнуться. Они слишком мало времени пробыли вместе: когда они расстанутся, Джемма быстро перестанет тосковать. Со временем она поймет и примет его правоту. Надо просто подождать.

— Зато ты будешь жить, — ободряюще произнес он. — Это самое главное.

Тернер благоразумно молчал. Посмотрев в его сторону, Дэвин понял, что следовательно не собирается никуда уезжать. Либо Тернер был не из того сорта людей, которые молча выполняют все, что приказано, либо он не воспринимал слова принца всерьез. И даже возможность соединиться со своей второй половиной его не прельщала.

— Кто убил этих девушек и госпожу Кавендиш? — спросил Тернер. — Я не уеду, пока не получу ответ.

— Считайте, что это были прорывы некротического поля, — ответил Дэвин.

Тернер начал его раздражать. Мало того что этот сухарь заберет у него Джемму, так он еще и сопротивляется!

Тернер неприятно прищурился. Вот ему бы как раз и быть черным магом: он смотрел так, словно снимал с человека кожу. Впрочем, Джемма с ним будет в безопасности — люди ни физически, ни морально не способны навредить своей второй половине или как-то обидеть ее. Тернер будет с ней

исключительно джентльменом. Хотя это радовало.

— Прорывы? — переспросил Тернер. — По вашей вине, я так полагаю?

Джемма обернулась и посмотрела на него так, что Тернер вздохнул и выразительно завел глаза к потолку.

Дэвин усмехнулся.

— Не по моей, конечно, — ответил он. — Но если вам так будет проще, то считайте, что я во всем виноват. Если это придаст вам скорости и решительности, то замечательно.

Тернер побледнел, словно не ожидал такого услышать. Должно быть, теперь он задумался над тем, как будет докладывать о завершении расследования и как арестует Дэвина, — а ведь ему придется это сделать!

В ушах зазвенело — сквозь звон пробился шелест крыльев, и во рту появился металлический привкус крови. Вороний король хотел вырваться, и Дэвин с какой-то усталой обреченностью понимал, что может не успеть.

— Идите на вокзал, — устало сказал он. — Поезд через полтора часа... Боюсь, что это последний поезд из Хавтаваары. Здесь больше не будет поездов.

Джемма схватила его за запястье и вдруг беспомощно разжала пальцы. Она смирилась. Поняла, что уже ничего не сможет исправить и не найдет слов, чтобы переубедить Дэвина. Он подумал, что это правильное решение. Но ему никогда не было настолько больно.

Джемма не хотела смотреть на него, и Дэвин считал, что это правильно. Пусть отводит взгляд, пусть отворачивается, делая вид, будто ей все равно, что Дэвин стоит рядом, пусть в последний раз наслаждается солнечным и таким ласковым северным днем — так ей будет проще забыть. Стоя на перроне в ожидании посадки, Джемма держала Дэвина за руку, и казалось, что она никогда не разожмет пальцы.

Дэвин чувствовал, что она с трудом держится на ногах. Тернер, который стоял чуть поодаль, бросал пристальные взгляды в ее сторону — готовился подхватить, когда вторая половина все-таки лишится чувств. Если сначала, узнав о том, что в Джемме таится половина его яблока, он держался нарочито отстраненно, то теперь начал понимать, какое счастье к нему пришло, и Дэвин знал, что такие люди, как Тернер, не упускают своего, да и чужого — тоже.

— Так надо, — негромко сказал он.

Джемма кивнула. Всклипнула.

— Да, — прошелестел ее голос. — Да, я понимаю.

Она помолчала и добавила:

— Я все равно твоя жена, Дэвин. Я не выйду за него замуж.

Дэвин хотел было сказать, что ей не стоит хоронить себя ради того, кто, возможно, уже завтра растворится в Вороньем короле, но она вскинула руку, приказывая молчать. Дэвин удивленно вспомнил, что так когда-то делала мать, когда он заговаривал с ней, а она не могла уйти.

Воспоминание не укололо его, как раньше, а согрело. Скоро все закончится, и Дэвин радовался тому, что все-таки смог сделать что-то хорошее. Спас мать, брата и сестру. Спасет Джемму и Тернера. Значит, все было не напрасно.

— И я буду тебя ждать, — добавила Джемма и наконец-то посмотрела ему в лицо. В Дэвине все дрогнуло и замерло под ее взглядом. — Потому что ты победишь и найдешь меня.

Дэвину захотелось улыбнуться и сказать что-то ободряющее, но он не смог. Просто обнял Джемму, она уткнулась лицом в его грудь, и несколько пронзительно долгих минут они стояли просто так. Потом он поцеловал ее — губы Джеммы были сухими и холодными, как у покойницы, но она откликнулась на его поцелуй, и еще одна слеза сбежала по ее щеке.

«Надо потерпеть еще немного, — подумал Дэвин, и все в нем замерло от тоски, нежности и боли. — Ты больше никогда не будешь плакать. Все будет хорошо».

Потом проводник открыл дверь вагона, и Джемма отстранилась от Дэвина и медленно, словно все силы покинули ее, пошла к ступеням. Тернер помог ей подняться, а когда Джемма скрылась в

вагоне, поставил ногу на ступеньку и обернулся к Дэвину:

— Так все же, кто убил? — спросил он. — И кто еще убьет?

Дэвин пожал плечами. Ему вдруг сделалось очень легко. Он чувствовал, как под напором Вороньего короля что-то рушится в его душе, и радовался, что еще несколько минут — и Джемма навсегда уедет отсюда. Ему хотелось протянуть руку и дотронуться до хрупкой женской фигурки, которая сейчас заливалась слезами на скамье в вагоне, — ободрить ее, утешить, пообещать, что она обязательно будет счастлива и тьма не тронет ее.

— Это уже не важно, Бен, — миролюбиво ответил он. Психика людей очень пластична, вот и для Тернера хватило лишь крошечного заклинания, чтобы он не стал спорить и побросал немногочисленные пожитки в дорожную сумку. — Уезжайте как можно дальше.

Чек, который Дэвин выписал на имя Джеммы, содержал почти две трети его состояния. Ни Джемме, ни ее второй половине уже никогда не придется беспокоиться о деньгах. Они обналичат этот чек в ближайшем банке и уедут к морю, в те земли, над которыми никогда не раскроются крылья Вороньего короля.

Во рту снова появился вкус крови. Вороний король стоял у входа и нетерпеливо давил на дверь. Пока у Дэвина хватало сил удерживать его, но силы были на исходе.

Взгляд Тернера смягчился. На какое-то мгновение следователь стал понимающим и сердечным человеком, которого могла бы полюбить Джемма.

«Она полюбит, — подумал Дэвин. — Любовь обрушивается водопадом на две половинки яблока и смывает их грехи, даруя вечное счастье».

— Постарайтесь выжить, — произнес Тернер. — Я понимаю, что это трудно в нынешних обстоятельствах. Но постарайтесь. И еще... — Он покосился в сторону и добавил совсем негромко: — Вы знаете, что убийца левша. Вы знаете, кто именно — левша. Будьте осторожны.

Дэвин кивнул, и Тернер скрылся в вагоне. Дэвин сделал несколько шагов по перрону, надеясь еще один раз, уже самый последний, увидеть Джемму. Но все окна были плотно зашторены. Вагон дрогнул и медленно-медленно поплыл от вокзала, унося с собой Джемму. Дэвин сделал еще несколько шагов, повторяя себе, что все правильно. Со временем она забудет обо всем, и ее жизнь будет мирной и беспечальной.

Поезд набирал скорость. Когда последний вагон скрылся за поворотом, Дэвин почувствовал, как на голову легла золотая тяжесть венца Вороньего короля. Он отогнал его, невероятным усилием воли вернув себе разум, и услышал негромкий смех.

— Она уехала, — сказал Дэвин. — Ты ее не получишь.

Вороний король не ответил.

Подожел Артур — до этого он держался в стороне, сидя на скамеечке в компании Штрубе, который что-то черкал в блокноте. Дэвин невольно обрадовался тому, что его друг остался с ним.

— Я предлагал тебе уехать, ты помнишь, — произнес он.

Артур рассмеялся.

— Предлагал, да. Но здесь намного интереснее.

Подожел и Штрубе. Дэвин бросил взгляд в сторону его блокнота и увидел девушку, лежавшую в траве с перерезанным горлом. Штрубе набросал ее короткими отрывистыми линиями, и рисунок получился очень реалистичным и впечатляющим. Раскинутые ноги, задранная юбка с алой цветочной вышивкой по подолу... кажется, Дэвин где-то видел ее.

— Я хочу, чтобы вы закончили портрет моей жены, господин Штрубе, — сказал Дэвин.

Художник кивнул. Дэвин протянул ему руку, и он послушно вложил в нее карандаш: длинный, криво заточенный тупым ножом, похожий на палец ведьмы.

— Я все закончу, ваше величество, — негромко произнес Штрубе.

Дэвин осмотрел карандаш, решил, что сгодится, и, присев на корточки, стал быстро писать на камнях перрона. Он выписывал один знак за другим, чувствуя, как силы медленно, но верно покидают его, переливаясь в буквы праязыка, которые обладали властью сдерживать зло. Каждая линия, каждый завиток причиняли ему боль: слова, которые писал Дэвин, укрощали некротическое поле. Но с болью приходило освобождение. Закончив работу, Дэвин выпрямился и увидел, как над

землей поднимается золотистое сияние.

Защитный свет — Дэвин только читал о нем, но никогда не использовал. Он надеялся, что зарево продержится хотя бы несколько дней, позволив ему собрать силы.

— Артур, здесь в лесах есть алтари Вороньего короля? — спросил Дэвин.

Артур кивнул.

— Да, есть один. Подозреваю, что он самый крупный на всем севере. А тебе зачем?

— Я должен пойти туда, — ответил Дэвин. — Попробую запечатать Вороньего короля там, где он сейчас. Потому что...

Он не договорил. Удивился, что земля вдруг стала так близко, ударила, расцарапала щеку. Над головой качнулось прозрачно-голубое небо с белыми кудряшками облаков, плечо пронзило болью, и буквы праязыка, которые оказались совсем рядом, опалили глаза.

— Не стойте там! — услышал Дэвин голос Артура и почувствовал, как несколько рук поднимают его и куда-то несут. — Давайте, шевелитесь, времени мало.

— В-времени? — усмехнулся Штрубе где-то в стороне и, почему-то заикаясь, добавил: — Его у-уже нет.

Дэвин не увидел — понял, что художник с усилием мазнул носком ботинка по перрону, стирая надпись, которую он создал с таким трудом. Потом до него донеслись хриплое карканье и биение тысяч крыльев. Воронья стая летела к Хавтавааре.

ГЛАВА 21

Несколько часов Джемма молчала. Свернулась калачиком на своей полке, уткнулась лбом в подушку — пока она могла плакать, ей казалось, что потом, когда слезы иссякнут, будет легче. Но желанное облегчение так и не пришло. Да и могло ли оно прийти? Вороний король раскрывал крылья над севером, и Дэвин выступал против него.

Джемма боялась, что Тернер начнет что-то говорить, примется утешать, но он сидел, сложив руки на груди, и смотрел в окно. День постепенно склонялся к вечеру, и Джемма обнаружила, что они достигли тех краев, где сумерки становятся обычными, серыми, а не молочно-туманными. Земли Вороньего короля остались позади.

Джемма все-таки села, и Тернер сразу же протянул ей стакан воды, от которого веяло мятным запахом успокоительных капель. Джемма хотела было сказать, что ей не нужна его забота, но ничего не сказала и взяла стакан. Несколько глотков прохладной воды освежили ее и прояснили разум; Тернер удовлетворенно кивнул.

— Ну вот, — сказал он. — Вам легче, я вижу.

Джемма устало провела ладонями по лицу. Легче? Сейчас она не могла поверить в то, что когда-нибудь ей действительно станет легче.

— Немного, — ответила она. — Спасибо.

Губы Тернера дрогнули в улыбке. Джемма испуганно подумала о том, что этот человек — ее вторая половина. Возможно, им предстоит вступить в брак, жить вместе... Нет! Дэвин жив, и Джемма его дождетсЯ!

— А раз вам легче, — произнес Тернер, — то давайте подумаем, что нам с вами делать дальше.

Мимо их купе прошел проводник, предложил еще чаю и закуску. Тернер кивнул, и вскоре на маленьком столике появились тарелки с ужином — белое куриное филе с ломтиками жареной картошки. Джемма была уверена в том, что не сможет проглотить ни кусочка, но, к своему удивлению, съела все.

Когда тарелка опустела, ей сделалось просто непереносимо стыдно. Дэвин там один, возможно, именно в эту минуту сражается с Вороньим королем, а она смеет... жрать.

— Мне не с чем идти на доклад к моему начальству, — сообщил Тернер, когда расправился с ужином и вынул из коробочки сигару. — Если я скажу, что его высочество Дэвин выкинул меня из Хавтаваары, то следом меня выкинут со службы.

— А если вы не сообщите о своем возвращении? — спросила Джемма.

Вся ее душа рвалась обратно в Хавтаваару, в белые ночи, к Дэвину. Что он делает сейчас? Кто с ним рядом? В груди заныло.

— Ну я же как-то должен попасть в архивы, — напомнил Тернер. — Мы ведь собирались изучать бумаги вашего родителя, помните?

Джемма вдруг поняла, что он смотрит на нее по-другому — совсем не так, как вчера и даже сегодня утром. Тернер словно окончательно понял, что нашел свою вторую половину, и теперь не собирался ее отпускать.

«Я ведь еще замужем, — подумала Джемма. — И Дэвин жив».

«Ты так в этом уверена?» — спросил внутренний голос с интонациями Вороньего короля, и Джемму охватило холодом.

— Вы странно на меня смотрите, господин Тернер, — сказала она.

Тернер пожал плечами.

— Вы моя вторая половина, Джемма. Я не перестану этому удивляться.

— Неужели вы собираетесь как-то... — начала было Джемма и осеклась.

Дверь в купе закрыта, они одни, а Тернер — сильный мужчина, который вполне способен забрать свое себе.

Он усмехнулся.

— Вы несколько раз повторили, что замужем, — произнес Тернер и махнул рукой. — Так что давайте разберемся с насущными проблемами, а потом уже займемся чувствами.

Джемма вздохнула с облегчением.

Постепенно за окнами сгустилась тьма. Поезд летел среди болот, и Джемма вспомнила, как совсем недавно она стояла у окна с кочергой в руке, чтобы отбить нападение болотного беса. Кажется, с тех пор целая жизнь прошла, и она нашла свое счастье и любовь и потеряла их.

— Ложитесь спать, — с искренним пониманием и теплом сказал Тернер. — Утром вам станет легче.

Джемма одарила его острым взглядом. Неужели он так уверен, что она способна выкинуть из сердца Дэвина? Считает ее пустоголовой кокеткой?

— Я не была бы так в этом уверена, — ответила Джемма.

Тернер лишь развел руками.

— Поверьте профессионалу, — усмехнулся он. — Завтра вы успокоитесь и начнете рассуждать здраво.

— И что это значит? — нахмурилась Джемма. — Что я забуду своего мужа, которого люблю, который сейчас, возможно, сражается с Вороньим королем?

Во взгляде Тернера заискрился лед.

— Я этого не говорил. Ложитесь спать.

Джемма почувствовала, как каменеет лицо.

— Мне нужно переодеться, — сказала она, с ужасом подумав, что Тернер ответит: пустяки, переодевайтесь при мне. Чего стесняться при своей второй половине?

Однако он лишь кивнул и поднялся.

— Разумеется. Я пока схожу к проводнику.

Когда он вернулся через полчаса, то Джемма лежала с закрытыми глазами, укутавшись в одеяло, и молилась: пусть он ничего не говорит. Тернер занял свое прежнее место, и Джемма услышала шелест обертки, снимаемой с сигары. Он приподнялся, открыл окно, и в купе скользнул свежий ночной ветер.

Можете не притворяться, Джемма. — Тернер несколько раз щелкнул зажигалкой, и до Джеммы долетел ароматный табачный дым. — Я вижу, что вы не спите.

Она открыла глаза и хотела было спросить: «Неужели вам так трудно просто посидеть молча?» — но ничего не сказала.

Тернер усмехнулся. В мягком свете маленькой лампы его лицо казалось маской: Джемма с ужасом подумала, что сейчас в глазах следователя заплещется золото и она услышит голос Вороньего короля.

— Светская беседа перед сном? — спросила она.

Тернер пожал плечами.

— Семь дев, блудница и багряный всадник, — сказал он. — Убиты пять местных девиц и госпожа Кавендиш. Я — ну если считать, что багряный всадник — это именно я, — уехал из Хавтаваары. Может, это разрушит схему?

Джемма пожала плечами. Вспомнилось, как вчера утром Тернер приехал в поселок, — кровавый мазок в тумане вместо человека. Он впечатлял и поражал, и безумный Аймо встретил его, как долгожданного знакомого. Неужели то, что Дэвин практически выбросил ее и Тернера из Хавтаваары, способно остановить Вороньего короля?

— Вы ведь знаете, кто убийца? — спросила Джемма. Она понятия не имела, откуда в ней вдруг взялась эта уверенность.

Тернер посмотрел на нее так, словно впервые оценил ее не просто как свою вторую половину или жену Принца-вороны, а как кого-то, почти равного себе.

— Все это — лишь косвенные доказательства, — сказал он. — Ну да, господин Матиас уже давно

проводит время на севере, но почему-то у него нет никаких новых работ. Только наброски. То, что он выставил в музее, — наскоро подмалеванное старье. Да, он левша, но левшей на свете немало...

Левша? Джемма даже села от удивления, не задумавшись о том, что Тернер сейчас увидит ее в одной ночной сорочке. Лишь когда следователь сказал об этом, она осознала: да, все это время знаменитый живописец рисовал левой рукой. Почему она не обратила на это внимания? Никак не заметила?

— Я только сейчас это поняла, — прошептала Джемма. — Что он левша.

Тернер усмехнулся, выбросил недокуренную сигару и закрыл окно.

— А я это понял на станции, когда вдруг посмотрел, как он что-то черкает в блокноте. Всем нам ловко отводили глаза, — добавил он. — Я сказал вашему мужу о том, что Штрубе левша, когда вы уже сели в поезд, но он так и не понял, о чем я. Я и сам заметил это только утром. Это стыдно, вообще-то, с моим-то опытом...

Джемма растерянно смотрела на следователя. Даже если Матиас — милый, невероятно застенчивый и какой-то нелепый, который ничего не видит, кроме своих холстов и карандашей, — действительно убийца, то зачем ему это делать?

— Но почему? — прошептала Джемма. — За что?

Она с невероятным облегчением подумала, что у Дэвина есть надежда. Артур оставался с ним, он сможет остановить Штрубе, если понадобится! Но потом облегчение смыло страхом.

— Мы не знаем, что ему пообещал Вороний король, — ответил Тернер. — Не знаем, что он видел, когда гулял по северным лесам.

Джемма горько рассмеялась.

— Надо же, вы верите в Вороньего короля, — сказала она.

Тернер пожал плечами.

— В него верят те, кто рисует эти глифы. За любой тьмой, дорогая Джемма, как правило, стоят люди. И мой опыт подсказывает, что самые жестокие преступления совершают как раз те, кого никогда не заподозришь ни в чем дурном.

Джемма вспомнила газету, которую читала, когда поезд вез их с Дэвином в Хавтаваару. Да, Штрубе приехал сюда не с Элино, он давно был здесь, и посланница короля обрадовалась тому, что в северной глуши смогла встретить благородного человека. Только вот это не кончилось ничем хорошим.

Впрочем, Тернер, возможно, прав, когда говорит, что все это — лишь косвенные доказательства. Они покинули Хавтаваару и не узнают правды.

Некоторое время они молчали. По коридору в последний раз прошел проводник, но заглядывать в купе не стал. Джемма вдруг подумала, что они с Тернером одни во всем вагоне первого класса. Никто не шумит за стеной, никто не требует чаю и не ищет компании. Они одни, и Тернер, возможно, не самый плохой человек...

Джемма с негодованием и ужасом отвергла эту мысль. Она не должна думать о Тернере, она не может допустить к себе то, что обрушивается на две половины одного целого. Потому что Дэвин победит Вороньего короля, и они обязательно встретятся.

— Вы расскажете о Штрубе? — спросила Джемма.

Тернер ухмыльнулся.

— Нет, конечно. Потому что иначе у меня спросят, почему он остался в Хавтавааре на свободе, а не стоит рядом со мной, закованный в цепи. Так что мы все-таки переходим на нелегальное положение.

Джемма кивнула и запоздало поняла, что Тернер смотрит на нее уже иначе — так, как мужчина может смотреть на женщину в одной ночной сорочке. Она быстро нырнула под одеяло и сказала:

— Сейчас нам лучше лечь спать.

Тернер усмехнулся и ответил:

— Это точно. Спите, Джемма, и не бойтесь меня.

— Я и не боюсь, — откликнулась она.

Купе медленно погрузилось во мрак, и Тернер сказал:

— Вот и хорошо. Спите.

Дэвин плыл во мраке.

Он работал с некротическими полями с ранней юности, сразу же, как начал учиться магии, но никогда не воспринимал их в такой полноте. Ему казалось, что его окутывают длинные трепещущие полотна прохладного шелка и чей-то далекий голос едва слышно говорит:

— Совсем немного. Скоро.

Дэвин тряхнул головой, попробовал вынырнуть из тьмы, и это ему удалось. Он обнаружил, что лежит на кровати в своей спальне, в открытое окно дует свежий ветер, и день уже склонился к вечеру — тихому, золотистому и такому мирному, словно на свете не существует никакого зла.

Руки саднило, словно Дэвин где-то стесал кожу. Он повернул голову и увидел, что его руки от плеч до локтя покрыты черными блестящими перьями. Запястья и пальцы усеивали золотые чешуйки, которые постепенно сливались и делались плотнее, создавая некое подобие латных перчаток. Он попробовал шевельнуть пальцами и услышал металлический звон — легкий, мелодичный, наполненный таким ужасом, что волосы на голове поднимались дыбом, а в груди расплодился холод.

Вороний король открыл дверь и встал на пороге. Дэвин откинулся на подушку и едва не рассмеялся. Он вовремя успел отправить отсюда Джемму. Оставалось надеяться, что Тернер на радостях увезет ее далеко-далеко, чтобы никакая тьма не дотянулась.

— Тихо, дружище, тихо, — услышал он знакомый голос и почувствовал прикосновение ко лбу: Артур провел влажной тряпкой и, нагнувшись над кроватью, спросил с искренней заботой: — Как ты?

Дэвин с трудом сдержал смех. Разочарование, пронзившее его, было тягучим и горьким.

— Ты с ними, — прошептал он.

Артур кивнул и, сев на край кровати, осторожно взял Дэвина за руку.

— Да, — с какой-то беспечной легкостью признался он и с той же осторожностью положил руку Дэвина себе на грудь тем же жестом, каким Дэвин когда-то забирал силу невинной девы у Джеммы. — Посмотри, как все было.

Знакомая комната окуталась мягкими сумерками, и воздух засветился, наполняясь новыми красками и обретая странную плотность. Перед Дэвином открылся вид на зимний заснеженный лес, густые сумерки, тишину. Низко нависшие тучи цеплялись за верхушки сосен.

Выстрел прозвучал где-то далеко-далеко. Живот обожгло болью, мелькнула мысль: «Как это глупо — умирать в снегах. Как это нелепо и глупо».

Мысль была чужой. Мысль принадлежала Артуру — побледневшему, растрепанному, который медленно-медленно, словно сломанная кукла, опустился в сугроб, двумя руками зажимая рану на животе. Сквозь пальцы струились ручейки крови, падали в снег рассыпанной пригоршней болотной ягоды. Тяжелая шапка снега сползла с сосновой ветви, ухнула вниз, и Артур завалился на бок.

— Вот так-то, городской. — Человек в лохматой ушанке и теплом тулупе опустил ружье и добавил: — Вот так-то у нас дела делаются. Понял?

Он хотел было выстрелить еще, добить умирающего, но потом отвернулся и пошел по тропинке. Вскоре его силуэт растаял за соснами. Артур лежал в снегу, что-то шептал, и его глаза стремительно наполняла серая муть. Кровь выбивалась из раны тугими пульсирующими толчками, и ее запах помрачал разум.

Артур прошептал что-то неразборчивое и затих. Дэвин понял, что человек, которого он считал своим другом, умер в том зимнем лесу. Тот, кого он сделал полицеймейстером Хавтаваары, тот, кто сейчас держал его за руку с таким теплом и заботой, не имел никакого отношения к настоящему Артуру Вудвиллу.

Воронья тень скользнула к нему из-за сосен, и Дэвин услышал тонкий шелест настоящего голоса Вороньего короля — так ветер свистит над болотами, когда наступает осень и уходит солнце:

— Ты ведь хочешь жить?

Мертвые глаза Артура слепо смотрели в темнеющее зимнее небо. Дэвин видел острые верхушки сосен и воронью тень с золотым проблеском короны, которая склонилась над залитым кровью снегом.

— Да, ты хочешь, я вижу, — рассмеялся Вороний король, и замерзшие болота содрогнулись до самой глубины от этого смеха. — Впусти меня. Я не трону твоей души грязью греха, но дам тебе бессмертие, силу и волю. Я дам тебе свою власть, и ты будешь верно служить мне, когда я воссяду на ледяном троне севера. Согласен?

Лицо Артура дрогнуло, и он закрыл глаза. На мертвенно-сером лице стал разливаться румянец, грудь поднялась и опала. Через несколько мгновений Дэвин увидел, как к распростертому в снегу телу бежит Аймо, спотыкаясь и кашляя. Бубен в его левой руке грозно гудел, хотя шаман не ударял по нему колотушкой.

— Тогда он меня вытащил, — произнес Артур. Он по-прежнему держал руку Дэвина на своей груди, но Дэвин не мог уловить биение его сердца, как ни старался. — Вот, смотри. Он сразу же дал мне возможность отомстить.

Картина поменялась. День был не тоскливым и снежным, а солнечным и ярким, то озеро, к которому Дэвина принес Вороний король, покрывал голубой лед, настолько прозрачный, что Дэвин увидел рассыпанные золотые монеты на дне — старинный потерянный клад. Тот бородач, который несколько мгновений назад стрелял в Артура из ружья, растянулся на льду и провыл, уже понимая, что его не спасут:

— Пощади-и... Прости-и...

Артур стоял возле зубастой полыньи в самом центре озера. Он не успел сменить одежду, и Дэвин видел пятна крови на его сюртуке. Светлые волосы поднимались вокруг головы ослепительно-белой короной, а в глазах плескалось золото. Бородач все-таки сумел подняться, сделал несколько шагов в сторону Артура и снова просипел:

— Пощади... Бесы попутали! Пощади, смилуйся! У меня ж дети малые...

Артур улыбнулся какой-то мертвой равнодушной улыбкой, словно кто-то растянул пальцами его губы, и поманил бородача к проруби. Тот дернулся вперед, будто его тянули на веревке, и вновь заорал:

— Пощади-и-и!

В следующий миг он сделал еще один шаг и рухнул в прорубь. Артур продолжал улыбаться, и казалось, что его лицо сделалось маской, которую мнут и растягивают, пытаясь получить нужные черты. Бородач вынырнул, и Артура стало медленно поднимать над ледяным панцирем озера — теперь он едва касался льда носками легких сапог. Бородач захрипел, подавившись мольбой, и Дэвин увидел, как из ледяной синевы показались десятки темных рук, которые вцепились в его тулуп и утащили на глубину. Пробежала цепочка пузырьков, лопнула, и прорубь затянуло льдом.

Артур улыбнулся и мягко опустил руку Дэвина на кровать.

— Значит, он спас тебя, — произнес Дэвин.

Чувство очередной потери было пронзительным и знобящим. Днем он расстался с Джеммой, а теперь лишился единственного друга. Настоящего Артура застрелили в зимнем лесу. Тот, кто сейчас смотрел на Дэвина с искренним теплом и любовью, был пустышкой — куклой, оживленной дыханием тьмы под болотами.

— Спас, — кивнул Артур и ободряюще произнес: — Все будет хорошо, дружище. Надо еще немного подождать.

Дэвин почувствовал, как тоска стиснула пальцы на горле.

— Я хочу выйти, — прошептал он. — Мне не хватает воздуха.

Артур кивнул и взял со стола колокольчик, вызывая слугу. Дэвину помогли встать с кровати, и в какой-то миг он испугался, что не сможет удержаться на ногах. Смог.

Вечер был прозрачным и тихим. Дэвину помогли спуститься по лестнице, и, выйдя из дому, он ощутил облегчение. Вечер был светлым и прозрачным, и Дэвин невольно улыбнулся, вспомнив, что Джемма уехала и не увидит, во что его превращает Вороний король. Издалека доносилось девичье пение и голоса: там, впереди текла обычная человеческая жизнь.

Кожу на лбу царапнуло. Дэвин медленно поднял руку, дотронулся и нащупал острые зубцы короны. Золото пальцев запятнало красным. Он поднес руку к лицу, коснулся языком и ощутил кисловатый вкус болотных ягод. На мгновение все перед ним закрыло золотым туманом. Когда туман развеялся, Дэвин увидел, что Артур опустился на колени.

— Спасибо, — сказал Вороний король голосом Дэвина и опустил золотую руку на голову Артура.

Тот прикрыл глаза и улыбнулся, словно испытал в этот миг такое блаженство, которое человек не способен выдержать. Из носа Артура заструилась кровь, но он этого не заметил.

Дэвину стало холодно. Он увидел себя словно со стороны — высокий темный силуэт с золотыми озерами вместо глаз. В ворота вошли люди, и Дэвин узнал жителей Хавтаваары. Испуганные, но прятавшие испуг за нарочитым весельем, они были нарядно одеты, держали в руках зеленые яблоки и еще незрелые колосья. Вот и Аймо объявился: шаман, умытый, причесанный и в чистой одежде, держался сбоку, постукивая колотушкой по бубну, и старательно смотрел в землю, словно боялся поднять глаза на Дэвина.

Вороний король убрал руку с головы Артура: тот поднялся и удивленно провел ладонью по лицу, стирая кровь. Потом он словно бы что-то понял и сказал:

— Багряный всадник. Мы упустили его.

Лицо Дэвина дрогнуло, губы раздвинулись в улыбке. Это было страшное, призрачное ощущение. Он никогда не чувствовал себя настолько маленьким — крошечным пленником в собственном теле, которое заняла безбрежная жестокая сила.

— Они вернутся, — сказал Вороний король и простер руку к поселянам. Золотые сумерки померкли, под ногами качнулась земля. Штрубе, который вышел из-за деревьев, неся в руках холст на подрамнике, едва не упал на траву. — Они обязательно вернутся. Я уже не спешу.

Вороний король сделал шаг вперед, и Дэвина выбросило прочь, во тьму полярной ночи, исчерченную голубыми и зелеными копьями северного сияния.

Сумерки над Хавтаваарой стали наливаться грозовой синью. Все склонились пред Вороньим королем.

ГЛАВА 22

Когда поезд остановился на столичном вокзале, Джемма, выйдя на перрон следом за Тернером, подумала, что это, возможно, последний поезд с севера. Если Вороний король все же вырвется, то вряд ли из его краев будут ходить поезда. Вряд ли там вообще останется что-то, кроме тьмы.

— Интересно, что ему надо, — задумчиво сказала Джемма, когда они с Тернером сели в экипаж и следователь приказал ехать в королевский архив.

— Кому именно? — Тернер вопросительно поднял левую бровь.

— Вороньему королю, — ответила Джемма. — Порождению некротических полей. Зачем он хочет вырваться?

Тернер усмехнулся.

— Да, я тоже думал о том, что будет делать зло, когда победит. Об этом пишут во множестве книг, но как-то избегают того, что будет после его победы.

Он сказал об этом совершенно серьезно.

«Да ведь он и борется со злом всю свою жизнь», — подумала Джемма и поинтересовалась:

— И что же вы решили?

Тернер пожал плечами. Экипаж выехал на Большой Морской проспект, и Джемма невольно подумала о том, что мир очень быстро залечивает свои раны. Вроде бы и месяца не прошло с появления в столице дракона, а о нем уже все забыли. Разве что появилось несколько новых вывесок на магазинах, на которых намалевана отрубленная драконья голова. Люди, которые шли по проспекту, выглядели спокойными и беспечными: в их мире не было ни Вороньего короля, ни тьмы под болотами. Джемма невольно позавидовала им.

— Любому злу нужна экспансия, — ответил Тернер. — Оно нуждается в новых владениях. Наш Вороний король проглотит север, насытится и какое-то время будет отдыхать. А потом неминуемо попрут дальше, когда переварит проглоченное. И постепенно перед ним склонятся и запад, и юг, и восток. Возможно, океан удержит его на какое-то время или вообще остановит. Но я бы не был так в этом уверен.

Кучер испуганно покосился на них и осенил лицо знаком круга, отгоняя нечистого.

— Господи помилуй, барин, откуда же вы приехали, — пробормотал он, — что такие страхи рассказываете!

Тернер пнул его сиденье и рыкнул:

— Нечего уши греть, вези давай!

Кучер закивал и прищипорил лошадку, но уши греть не перестал: уж очень напряженной выглядела его спина. Он сосредоточенно ловил каждое слово, и Джемма готова была поклясться, что потом кучер отправится прямиком в кабак пересказывать услышанное приятелям и рассуждать о конце света.

— То есть постепенно Вороний король поглотит весь мир, — сказала Джемма.

Фраза, которая раньше была уместна лишь в страшных сказках, внезапно поразила ее своей реалистичностью.

Тернер кивнул.

— Да, если мы не найдем способ его остановить.

— Сторожевые башни, — напомнила Джемма, но Тернер лишь рукой махнул.

— Лежат в руинах уже сотни лет. Впрочем... Ладно, посмотрим, что об этом писал ваш батюшка.

Экипаж остановился у ворот старинного дворца, в котором размещался королевский архив, Тернер помог Джемме спуститься, и в это время дрогнула земля. Испуганно заржала лошадь, во всех домах зазвенели стекла, и Джемма услышала истошный женский визг.

Она обернулась: визжала немолодая дама, которая замерла в дверях модного магазина через дорогу. Земля снова задрожала, поползла куда-то в сторону, и Тернер тотчас же заключил Джемму в крепкие объятия, не давая упасть.

— Вороны! — проверещала дама, зажимая уши.

Служанка, которая несла добрую дюжину пакетов с покупками, разрыдалась. Джемме казалось, что ноги наполнились мелкой вибрацией, которая вынуждала нервно приплясывать. Со всех сторон полетели хриплые крики полицейских свистков, и земля дрогнула в последний раз и застыла.

Летний день был солнечным и светлым, но сейчас Джемме казалось, что все краски померкли. Мир стал похож на старую картину, которую затянуло пылью и паутиной.

— Джемма! — Голос Тернера долетал до нее словно через толстый слой ваты. Следовательно смотрел ей в глаза, Джемма чувствовала его ладони на своих щеках, но ничего не могла ответить. — Джемма, очнись!

Потом здание королевского архива скользнуло куда-то в сторону, перед глазами мелькнуло поблекшее небо, и Джемма лишилась чувств.

Вороний король ждал ее в лесу. Столица осталась далеко позади, растаяла — Джемма вновь оказалась на севере.

Солнце рухнуло за низко висевшие перья облаков, и акварельные краски севера смягчились и расплылись, наполнив мир глубиной и особенным очарованием. Джемма шла среди сосен, напитанных таинственной молочной смесью белой ночи, и рядом с ней, за стволами, бесшумно двигалась тень, увенчанная короной — золотым проблеском среди тьмы.

— Дэвин? — окликнула она, каким-то глубинным чутьем понимая, что это существо не имеет никакого отношения к ее мужу.

Постепенно тень становилась плотнее, обретала все новые и новые черты. Белая ночь наполнялась тьмой. Среди сосен сверкнуло золото, и Джемма на мгновение увидела древний венец на голове Вороньего короля, украшенный белыми россыпями жемчуга и кровавыми брызгами рубинов. От короны веяло ужасом и смертью.

По траве и цветам осота поползли тяжелые складки черного плаща. Иногда среди них вспыхивали глифы, и Джемме казалось, что они движутся. По черному полю бежали лохматые бизоны, трубили мамонты, испуганно вскинув головы с изогнутыми бивнями, и горбатые лоси нервно стучали тонкими ногами, словно пытались спастись от неминуемой гибели. Люди простирали руки, умоляя о пощаде. Все, кого поглотили болота, сейчас были здесь, во тьме.

— Не показывайся мне, — взмолилась Джемма. — Если я тебя увижу, то умру. Я не вынесу.

Вороний король негромко рассмеялся. Смех у него был мягкий, приятный, такой, который не может принадлежать чудовищу. То, что эта тварь присвоила голос Дэвина, его смех, казалось Джемме омерзительным. Это было грехом — да, именно грехом, она смогла подобрать только такое объяснение.

— Не бойся, — услышала она. — Тебе не надо меня бояться, Джемма. Ты же никогда меня не боялась, правда?

Сухие прохладные пальцы схватили ее за запястье. Прикосновение отдалось по телу легким ударом тока, а затем невидимый демон поднес руку Джеммы к своему лицу и приложил к щеке.

Обычная человеческая щека. Гладкая, едва теплая кожа — мягкая, холеная, как у дворянина, а не крестьянина. Повинуясь то ли неслышному приказу, то ли собственному желанию, Джемма осторожно провела по ней, дотронулась до тонкого острого носа, пробежалась кончиками пальцев по аккуратным бровям. Да, это было лицо Дэвина — но существо, которое сейчас соткалось из тьмы, не имело к нему отношения.

Возможно, Дэвин уже мертв. Вороний король явился в мир, и земля содрогнулась от его поступи.

— Дэвин? Ты здесь? — окликнула Джемма в последний раз, уже не надеясь услышать ответ.

Дэвина здесь уже не было. Вороний король выпустил ее руку и уверенным движением привлек Джемму к себе. От ледяной ткани его плаща веяло мягким запахом трав и хвои, а из-под них пробивался тяжкий дух болот, который обволакивал разум и лишал даже намерения сопротивляться. В далекой, почти недостижимой глубине слышались глухие удары — Джемма не сразу поняла, что это бьется сердце Вороньего короля. То сердце, которое он отнял у Дэвина.

— Я, идущий в тайге на севере и болотах на западе, — прошелестел голос в ее голове. — Я, владевший этим миром задолго до людей и их Распятого бога. Я, постигший весь мир и изнанку мира. Я свет, впитавший тени.

Потом холодные губы прикоснулись к ее губам, и Джемма могла лишь беспомощно повторять: я сплю, я сплю, все это сон...

— Не бойся, — услышала Джемма и вдруг поняла, что лежит в траве, и в бледном небе высоко-высоко над ней медленно колышутся вершины сосен и проступают едва заметные звезды: чужие, незнакомые, какие-то неправильные. — Не будет больно. Не будет страшно. Я никогда тебе не лгал.

Джемма не могла ни откликнуться, ни сопротивляться. Ею овладела ленивая вязкая покорность, похожая на капли теплого меда, — вот мед стекает по шее, ключицам и груди, наполняет тело томительной, густо-сладкой истомой.

— Нет... — только и смогла прошептать она. Слово придало ей сил, и Джемма добавила уже тверже: — Нет. У тьмы нет власти.

Ее вытряхнуло в реальность так, что от боли голова загудела, как колокол, а рот наполнился кровью. Не было больше ни болот, ни диких созвездий над головой, ни Вороньего короля, укравшего тело Дэвина. Джемма лежала на траве, Тернер осторожно поддерживал ее под голову, и его взгляд был наполнен страхом. Тернер никому бы не позволил увидеть себя в таком состоянии, Джемма это знала точно, но сейчас он обо всем забыл.

— Дэвин умер, — прошептала она, глядя в серое небо. — Вороний король здесь.

Лицо Тернера дрогнуло — он опомнился.

— Дьявольщина, — процедил он и спросил уже мягче: — Как ты, Джемма? Сможешь встать?

— Вот, м'лорд, водицы, как просили, — услышала Джемма дрожащий женский голос и почувствовала, как к губам прижали край стакана.

Она глотнула воды и едва не задохнулась от понимания: Дэвина больше нет. Он успел спасти ее и погиб.

Кажется, Джемма разрыдалась — села, прижала к груди руку, словно пыталась унять рвущуюся из сердца боль. Кажется, Тернер обнял ее, и она позволила себя обнять. Он что-то говорил, глядя ее по волосам, но Джемма не слышала его слов.

Вороний король здесь. Они могут убежать еще дальше, но он настигнет их рано или поздно, потому что Джемма была обещана ему. От него не скрыться, значит, им остается только одно: сражаться и победить.

Джемма протянула Тернеру руку. Он помог подняться, и какое-то время Джемма смотрела, как на улице суетятся перепуганные люди. Но землетрясение закончилось. Джемма увидела растерянного немолодого мужчину в темно-сером сюртуке банковского служащего — он шел мимо магазинов, не понимая, куда идет, и повторял снова и снова:

— Прорыв некротического поля. Это огромный прорыв некротического поля. Прорыв некротического поля...

Какой-то парень простецкого вида замахнулся на него, но не ударил, опустил руку и вдруг разрыдался, как ребенок.

Женщина, которая стояла рядом с Тернером и Джеммой, вдруг растерянно спросила:

— Что ж это, м'лорд? Конец дней?

Южный акцент в ее голосе от волнения зазвенел очень отчетливо.

— Нет, — хмуро ответил Тернер и сказал: — Нам срочно нужно в архив. Немедленно.

Женщина пожала плечами. Джемма подумала, что она, должно быть, работает здесь, раз так быстро принесла воду.

— Не знаю, м'лорд. Сейчас, наверно, все закроют.

Тернер понимающе кивнул, сунул руку в карман и протянул ей золотую крону. Женщина довольно улыбнулась и сказала, махнув рукой в сторону входа:

— Вон, уже выходят все. Я вас через черный ход проведу.

Джемма увидела, что из парадных дверей архива повалил испуганный народ: служащие в форменных черных сюртуках, обычные посетители, помощники. Крошечный согбенный старичок волок толстенную папку чуть ли не с себя ростом.

— Уходим, господа! — прокричал он, увидев Джемму и Тернера. — Это землетрясение! Вайна, беги, не стой!

Вайна понимающе кивнула и потянула Тернера за рукав.

— Идемте, м'лорд, — негромко сказала она. — Надо спешить.

В какой-то момент Дэвину стало тепло. Он открыл глаза. Ледяное зарево полярного сияния, что раскинулось по всему небу, отступило. Дэвин увидел лес: прозрачный, спящий, наполненный незакатым светом белой ночи. Но теперь во всем чувствовалась тревога. Казалось, что мир покрыт пылью. Краски утратили остроту и четкость, и на мгновение ему почудилось, что в воздухе проплывает паутина.

— Не показывайся мне, — услышал он знакомый голос. — Если я тебя увижу, то умру. Я не вынесу.

Джемма. Джемма была здесь, рядом с ним. Дэвин чувствовал, как от нее веет живым теплом, — оно отгоняло тот лед, который сковал его.

— Уходи, — смог выдохнуть Дэвин. — Уходи, спасайся. Беги, Джемма!

Вороний король негромко рассмеялся.

— Не бойся, — услышал он. — Тебе не надо меня бояться, Джемма. Ты же никогда меня не боялась, правда?

Тварь, которая жила в его теле, говорила его голосом. На мгновение Дэвин увидел себя настоящего со стороны — ледяная статуя, которая лежала на берегу озера. Несмотря на звонкий мороз, оно не замерзло, и тихие сонные волны снова и снова набегали на Дэвина.

— Дэвин? Ты здесь? — окликнула Джемма, словно почувствовала его за Вороньим королем.

— Беги, — произнес Дэвин. — Джемма, беги!

— Я, идущий в тайге на севере и болотах на западе. — Голос Вороньего короля прогрехотал над миром раскатами грома. Он раскалывал мир, и светлое войско северного сияния поднялось над озером и обрушилось в воду. — Я, владевший этим миром задолго до людей и их Распятого бога. Я, постигший весь мир и изнанку мира. Я свет, впитавший тени!

Теплая волна ударила Дэвина в лицо. Запах крови оглушил так, что на несколько минут Дэвин снова рухнул в беспамятство. Опомнившись, он мог думать только об одном: Джемму убили. Вороний король убил Джемму.

Он открыл глаза и увидел, что стоит на ступенях своего дома. Белая ночь сменилась днем, и Дэвин знал, что в мире, в котором существует Вороний король, день и ночь крутятся в безумном хороводе и, в общем-то, не имеют значения.

— Зачем ты меня сюда привел? — спросил Дэвин.

Не мог же Вороний король вернуть его просто так, по доброте душевной.

Потом он увидел два девичьих тела — раскинутые руки, растрепанные косы, нарядные платья с алой вышивкой, раскрытые раны на тонких шеях и кровь, очень много крови.

— Семь дев, — сказал Вороний король голосом Дэвина.

Шагнул по ступеням — плащ, потянувшийся за ним, казался клоком тьмы. Дэвину казалось, что он видит, как в этой тьме плывут и дымятся чужие, дикие созвездия. Потом он увидел Артура — тот стоял чуть в стороне и с каким-то презрением косился на Штрубе.

Художник замер, бессильно уронив руки. С ножа, которым он точил карандаши, падали капли крови. Вороний король улыбнулся, и эта улыбка отдалась знобящей болью в душе Дэвина. Он чувствовал свое лицо и тело и понимал, что они не принадлежат ему.

— Остался багряный всадник, — напомнил Артур.

Дэвин обернулся к нему, протянул руку и подцепил его подбородок золотыми когтями. Над головой Артура поплыли мелкие синие звезды, и он улыбнулся так, словно сейчас испытывал непостижимое блаженство.

«Джемма, — подумал Дэвин. — Он не тронул Джемму».

— Они вернутся, — мягко ответил Вороний король, и Дэвин почувствовал, как в его груди ожило и

задрожало яблоко.

Вороний король запнулся, дотронулся до груди, и Дэвин с искренним торжеством понял, что он растерялся.

Каждое хрустальное яблоко выплыло из рук Создателя. Оно несло в себе отпечаток его силы и любви. Должно быть, Вороний король впервые почувствовал свою уязвимость, потому что в мире было то, что могло отправить его во тьму.

Дэвин не верил в то, что Создатель, который давным-давно ушел из мира, вдруг придет сражаться с Вороньим королем, но он знал, что высшие силы творят чудеса руками людей.

«Тебе не победить, тварь, — подумал он. — Тебе никогда не победить!»

Вороний король устало прикрыл глаза, и Дэвина вновь потянуло в ледяной мрак к темному озеру.

— Тебе не победить, — упрямо повторил он и услышал, как Вороний король ответил украденным горлом, языком и губами:

— Это мы еще посмотрим.

ГЛАВА 23

Здание архива, гулкое и пустое, наводило страх. Оно казалось покинутым храмом неизвестного божества, которое, скорее, было карающим, чем милующим. Поднимаясь следом за Вайной и Тернером по лестнице, Джемма думала о том, что изменения мира здесь кажутся еще острее. Она не знала, как описать свои чувства, но тени казались темнее и длиннее, а шаги — глуше.

Вайна провела их по черной лестнице на третий этаж: там она получила от Тернера еще одну золотую крону и сообщила:

— Вот, м'лорд, вам как раз сюда. Все бумаги по бунтовщикам свозили в эти хранилища. Но я не знаю, разобрали их или еще нет.

Джемме вдруг стало страшно. Она знала, что есть вещи, которые лучше не трогать. И боялась прикоснуться к тому, что принадлежало отцу, потому что это могло окончательно разрушить ее жизнь. Ей захотелось рассмеяться. По воле Эдвина Эвилета ее жизнь и так лежала в руинах, Джемма понимала это, как и то, что информация в бумагах может убить ее любовь и память. Стереть все хорошее, что осталось от отца.

— Вы останетесь? — спросила она просто ради того, чтобы что-то сказать.

Собственный голос показался чужим, он осыпался на пол книжной пылью, и Джемма почувствовала, как запершило в горле.

Вайна открыла дверь в хранилище и сказала:

— Да, м'леди, конечно. Подам знак, если кто-то вернется. Старший архивариус может. Ну и вещи ваши заодно покараулю.

Это было сказано так, что Джемме не захотелось встречаться со старшим архивариусом.

Они вошли в хранилище и какое-то время стояли молча, глядя на десятки стеллажей, заставленных ящиками, коробками и папками.

Потом Тернер негромко спросил:

— Ты чувствуешь... — Он пощелкал пальцами, пытаясь подобрать слова. — Что-то неправильное. Как будто пропорции предметов изменились.

Джемма кивнула, машинально отметив, что после ее обморока Тернер перешел на «ты».

— Должно быть, это из-за землетрясения, — сказала она и, поежившись, добавила: — Не хочу представлять, что сейчас творится на севере.

— Ничего хорошего, известное дело, — ухмыльнулся Тернер. — Ладно, давай искать.

На их счастье, часть коробок была подписана. Они провели полтора часа, блуждая между стеллажами и заглядывая в ящики и папки. Потом Джемма внезапно поняла, что в хранилище стало холодно, слишком холодно для лета.

Она подошла к окну и, ахнув, воскликнула:

— Бен!

Тернер вылетел из-за стеллажей с такой скоростью, словно Вороний король уже схватил Джемму и надо было ее спасать. Потом он тоже посмотрел в окно и негромко, но очень забористо выругался. Джемма не сразу поняла, что после этого следователь обнял ее за плечи, а поняв, подумала, что благодарна ему за этот простой жест защиты и дружбы.

На улице шел снег. Густые серые хлопья с величавой размеренностью сыпались с неба, потерявшего свой цвет, и солнце плыло в этом дымном мареве, как лужица расплавленного олова. Окна выходили в маленький садик, окружавший королевский архив, снег укутывал зеленые деревья, и на миг Джемме показалось, что она сходит с ума.

Она сжала руку Тернера, лежавшую на ее плече, и следователь обеспокоенно спросил:

— Тебе плохо?

— Мне страшно, — призналась Джемма.

Ей чудилось, что над городом раскрываются черные вороньи крылья и издалека летит хриплое карканье.

Вороний король вышел в мир. Дэвин мертв. Еще две девушки, которых ему недоставало, тоже мертвы. Сейчас Джемма знала это абсолютно точно.

— Мне тоже, — искренне сообщил Тернер. — Не смотри туда. Будем искать дальше.

Им повезло через четверть часа: Тернер забрался по лесенке на одну из верхних полок и торжествующе воскликнул:

— Есть! Коробки Эвилета!

Он осторожно снял одну из них, поставил на пол и сделал шаг назад, позволяя Джемме снять крышку. В коробке лежали темные записные книжки — Джемма помнила их с раннего детства.

— Отец всегда писал в таких, — сказала она, и голос дрогнул. — Вел дневник...

На мгновение Джемме показалось, что сейчас она расплачется, однако ей удалось взять себя в руки. Она достала первую книжку — черный кожаный переплет оказался неожиданно холодным — открыла и увидела тексты северных песен, которые отец записал во время поездок.

— Песни, — объяснила Джемма, протягивая книжку Тернеру. Он кивнул и положил ее на пол рядом с коробкой.

— Вряд ли нам это пригодится.

Во второй книжке обнаружили записи о том, кому и сколько одолжено. Джемме казалось, что она спит или стоит на пороге разрушенного храма, в котором еще жила память о прошлом. Это было одновременно очень светлое и очень горькое чувство.

Когда Джемма открыла третью книжку, то поняла, что им наконец-то повезло. Должно быть, она изменилась в лице, потому что Тернер нахмурился, дотронулся до ее руки и обеспокоенно произнес:

— Все в порядке?

— Дневник моего отца, — ответила Джемма и прочла:

«Записал множество заговоров в деревеньках Куолата и Хаалевалла. Невольно вспомнил те ярлыки, которые на них лепят все кому не лень, взять хоть моего достопочтенного родителя. Предрассудки, темнота, невежество... Да я стою и стоять буду на том, что каждый образованный человек должен знать хоть один заговор! Это не бредни обезумевших старух в землянках, это нечто, способное изменить мир. Или хотя бы жизнь одного человека».

Отец был очень молод, когда писал это. Дед умер еще до того, как родители Джеммы поженились.

Следующая страница была изрисована глифами, которых Джемма не знала. Она дотронулась до одного из них, квадрата с точкой в центре, и ее кольнула тревога.

«Записал легенду о Вороньем короле. По словам поселян, он правил миром задолго до того, как человек поднялся на ноги. Что за существа жили здесь до этого? Бог весть! Вороний король удивительно силен. Кабатчик, который рассказывал мне о нем шепотом и с оглядкой, сообщил, что сила Вороньего короля почти равна силе Создателя. По его словам, Вороний король мудр и щедр. Когда он выйдет из тьмы под болотами, то обязательно наградит своих верных слуг богатыми урожаями, приплодом скота, здоровьем и плодovitостью женщин».

Тернер усмехнулся.

— Видимо, на этой легенде и свихнулся Штрубе, — сказал он. — Решил, что Вороний король даст ему вдохновение и деньги.

— Почему именно их? — спросила Джемма. Ей было страшно перелистывать страницы.

Снег за окнами пошел еще сильнее. Лохматые снежинки были похожи на растрепанные перья.

— Ну а что же еще? — вопросом на вопрос ответил Тернер.

Джемма вдруг обрадовалась тому, что он сейчас рядом с ней.

«Приехали в Хаусалмо, и сразу же хлынул дождь. Погода мне не благоприятствует, но я стараюсь держаться и не робеть. У меня хорошее предчувствие. Записываю пословицы и поговорки у гостеприимной Магды, которая меня приютила, и согреваюсь домашним вином. Редкостная дрянь на вкус, но на сердце от нее весело».

Окрестности Хаусалмо — практически непроходимый лес. Узнав о том, что я ищу валуны и алтарные камни с глифами Вороньего короля, добрая Магда едва не расплакалась и принялась истово молиться. Она твердо уверена, что встреча с такими глифами и даже разговоры о них не приведут ни к чему хорошему. Я сказал ей, что все это — во имя науки, которая не ведает ни добра, ни зла, лишь открывает истину, но она так и не изменила своего мнения.

„Алчные ищут странного, но всегда находят лишь смерть, и хорошо, если только свою, а не чужую в придачу. Да, он может исполнить желания. Но потом человеку будет от этого лишь худо. Он обязательно кончит плохо, Господь свидетель, что это так“, — так она сказала. Я заверил Магду, что собираюсь только зарисовать глифы, но хозяйка не унималась.

„К Вороньему королю идут только те, чей разум окончательно помрачился“, — вот что она мне заявила. Что ж, значит, я вполне могу считать себя безумцем, а безумцы всех умней, так, кажется, утверждает Виньен Льюис, нашпрофессор. Что бы он, интересно, сказал о Вороньем короле?

Потом я все-таки смог подогреть разговорчивость Магды несколькими кронами. Она рассказала, что в начале века в соседнем поселке невинных дев приносили в жертву Вороньему королю. Приезжали следователи, очень многих арестовали и нескольких мужчин даже отправили на каторгу; когда об этом зашла речь, то я подумал, что Магда не хотела говорить как раз потому, что видела во мне такого следователя, охотника на ересь.

Жертвоприношения, причем регулярные! Люди, которые собирались у старинных алтарей и перерезали горла девушкам! Невозможно представить, как такое случается в наш просвещенный век! Если кому-то расскажу об этом, то мне не поверят. Решат, что я выпил слишком много северных вин.

Впрочем, это не важно. Я здесь не затем, чтобы мне поверили столичные хлыщи с ограниченным кругозором.

Магда настойчиво пробует убедить меня не отправляться в поселки к северу от Хаусалмо. Но чем больше она говорит, тем сильнее я хочу пойти именно туда. У меня хорошее предчувствие».

— Значит, Вороньего короля уже пробовали выпустить, — задумчиво произнес Тернер.

Джемма словно очнулась ото сна: только сейчас она поняла, что сидит на полу в архиве рядом со своей второй половиной и читает дневник отца. Мгновение назад ей виделась скромная избушка, озаренная крошечной лампой, Магда — дородная женщина в светлом платье с алой вышивкой по северной моде, и отец — молодой, энергичный, решительный, готовый обойти весь север, чтобы добиться своего.

Почему-то Джемма не хотела узнать, что именно потребовалось отцу настолько, что он готов был разбудить могущественную древнюю силу.

— Интересно, почему у них не получилось, — прошептала Джемма.

Тернер пожал плечами.

— Не нашли багряного всадника, — предположил он. — Или блудницу. Или следователи появились раньше и работали лучше.

Следующие несколько страниц были вырваны с такой силой, что книжка едва не погибла. Джемма провела кончиком пальца по оставшемуся гребешку обрывка: на бумаге осталась часть глифа. Сейчас было не разобрать, что это за глиф, но Джемма была уверена, что он принадлежал Вороньему королю.

Тернер забрал у нее книжку, и Джемма невольно поблагодарила его за это. Держать в руках дневник отца, который в своих исследованиях заглядывал все глубже во тьму, было больно.

— *«Пишу быстро и кратко, — начал он читать. — Сегодня я наконец-то добрался до Хавтаваары, того самого поселка, куда мне советовали не соваться»...*

Тернер умолк. Джемма посмотрела на него и поняла, что сейчас, в сумрачном зале, с серым снегом, который все валил и валил за окном, следователю стало страшно. Возможно, впервые за всю жизнь.

— *«Местные очень доброжелательны, поселок выглядит богатым, у всех жителей — ухоженные дома и основательное хозяйство», — продолжил Тернер, почти мгновенно взяв себя в руки, и добавил: — Ну да, так и есть. Поселок не бедствует.*

— Помогает Вороний король? — предположила Джемма.

Тернер усмехнулся.

— Скорее, понимание того, что никто не поможет и надо полагаться на свои руки и ум. — Он вздохнул и продолжил чтение: — «Почти на каждой двери — глиф Вороньего короля, нарисованный темно-красным. Я спросил, кто это, и мне ответили, что это знаки от дурного глаза, но я умею отличать ложь от правды. В Хавтавааре между тем есть церковь, все жители посещают ежедневные службы и молятся вполне искренне. Ничего удивительного: северяне во многом так и остались язычниками и кланяются всем богам, каких встретят. Какой-нибудь да поможет или не разгневается, по крайней мере».

Тернер перевернул страницу, и Джемма подумала, что его голос почему-то успокаивает.

— «Пишу спустя два дня: мне надо было успокоиться и прийти в себя. Я, Эдвин Эвилет, ученый из столицы, участвовал в жертвоприношении невинной девы Вороньему королю. Господи боже, прости меня, пишу это сейчас, а перо дрожит в руках от страха и восторга. Я сам себе сейчас кажусь сумасшедшим, но это действительно было. Это правда. Вороний король существует. Это не архаический миф о плененном зле, это действительно некая сила, которая способна воздействовать на реальный мир. Пишу это сейчас и понимаю, что веду себя не так, как следует ученому. Но он есть, я его видел собственными глазами».

Джемма не могла поверить в услышанное, а Тернер продолжил:

— «Все жители поселка собрались в глубине леса, на поляне. В центре поляны стоял алтарный камень, я видел такие только на старинных иллюстрациях, и меня наполняло восторгом, когда я понимал, перед какой торжественной древностью мы находимся. Девушку привели к камню, жрец снял с нее белую сорочку, и она послушно легла на алтарь. Одна из девиц, что пришла из Хавтаваары и стояла рядом со мной, смутилась ее наготы, но я сказал, что она может смотреть. Это часть нашей истории, ее не следует изучать с архаических точек зрения на нравственность. В истории нет греха. Кстати, мне показалось, что жрец был слегка не в себе. Он смотрел так, как смотрят пьяные или сумасшедшие. Шаманская болезнь — многие шаманы, которых я встречал во время пути, быlickорбны разумом. Это позволяет им впускать в себя духов».

Тернер вздохнул, а затем возобновил чтение:

— «Я не помню, как он появился. Помню, что поляну и собравшихся накрыло холодной волной ветра. В следующий момент я увидел, как существо... Господи боже, я не знаю, как его описать... Тьма одушевленная, которая шла к алтарному камню. Девушка, которая стояла рядом со мной, испугалась. Очень. Она дрожала от страха, как листочек, даже схватила меня за руку. Я хотел было сказать ей что-то ободряющее, но лишился слов от страха. Не знаю, как я смог сохранить разум. Господи, помоги мне. Пишу и не знаю, что испытываю, — бесконечное счастье или такой же бесконечный неудержимый ужас. Все было предсказуемо, если знать традиции первобытных племен. Тьма легла черным плащом на жертву и отхлынула, ее кровь пролилась на камень, и семья, которая привела девушку, плакала от счастья. Если верить доброй Магде, то теперь Вороний король наградит их. Семья будет богатой — а что, кроме богатства, еще влечет людей? Потом тьма растворилась среди сосновых стволов. Жрец накрыл тело девушки своим плащом и передал родителям. Ее похоронят в Хавтавааре. Пока мы возвращались домой, я заговорил с соседями жертвы. Они сказали, что родные несколько лет назад обещали свою дочь Вороньему королю и сегодня отдали обещанное. Взамен он щедро одарил их: отец семейства нашел золотую жилу у ближайшего ручья, семья станет самой богатой в округе. „И что же, Вороний король может исполнить любое желание?“ — спросил я. Мне ответили, что абсолютно любое. Его власть и сила не имеют границ».

— Обряд изменился, — глухо сказала Джемма. Ей чудилось, будто по хранилищу гуляет болотный ветер, перелистывает страницы, несет запах трав и раздавленных ягод. — Я бы не сказала, что родители убитых девушек сейчас были рады их смерти.

Тернер кивнул.

— В те дни никто не хотел выпускать Вороньего короля, — ответил он. — Там шел взаимовыгодный обмен. Но потом появился Дэвин с его могуществом, и умные люди поняли, как все это можно использовать, чтобы освободить эту дрянь.

— Обряд не для благ земных, а для торжества тьмы, — прошептала Джемма, и эти слова словно кто-то сказал за нее.

Тернер кивнул и вернулся к чтению:

— «Я говорил с Вороньим королем. Мне сейчас ясно, что я пишу совершенно дикие вещи, недостойные ученого. Но я был в лесу у алтарного камня, на котором по-прежнему видна засохшая кровь девушки. Я позвал, и он откликнулся. Я не знаю, откуда у меня взялась такая смелость. Вспоминаю — и меня бросает в дрожь от ужаса. Я не видел его, к счастью. Он все время держался за моей спиной. У него странный голос, не мужской и не женский... Господи, я сейчас не верю в то,

что сегодня говорил с существом, которое порождено пластами некротического поля, поднялось из болот и завладело миром раньше, чем предки людей спустились с деревьев! Он спросил, чего я хочу. Я говорил долго. Я не рассказывал такого даже на исповеди. Я открыл ему душу до такой глубины, в которую не заглядывал сам, и он меня понял. „Вторая половина твоего яблока“, — наконец произнес он, и я почувствовал, что ему то ли неприятно, то ли больно говорить об этом. Неудивительно! Наши хрустальные яблоки созданы Господом, и тьма боится его и трепещет. Где-то я слышал, что два полных яблока способны победить любое зло».

Голос Тернера звучал хрипло.

— «Да, — ответил я. — Я хочу найти вторую половину. Любить по-настоящему той любовью, которая смывает грехи и дает вечное счастье».

Конечно, это прозвучало наивно и по-детски. Но что поделать, если я хотел именно этого? Деньги у меня были: семья Эвилет никогда не бедствовала, а желать лишнего я не привык. Устраивать золотое отхожее место? Ну нет. А любовь... любовь была именно тем, что всегда звало и согревало меня. Это было моей сверхценностью. Сейчас я пишу об этом и думаю, что запятнал свою мечту, когда заговорил о ней с тьмой. Да и пусть. Пусть это грех — когда я найду вторую половину, все мои грехи исчезнут, а новых я постараюсь не набирать.

«Хорошо! — каким-то беззаботным голосом ответил он. — Ты найдешь свою вторую половину, когда вернешься домой. Я это могу устроить».

«Согласен», — выдохнул я, гадая, что от меня потребуется дальше.

Разрезать руку и подписать договор собственной кровью? Он рассмеялся. Его смех до сих пор звенит у меня в ушах.

«Взамен обещаю, что, когда придет срок, твое первое дитя, твоя любимая дочь будет принадлежать мне», — сказал он.

Господь свидетель, я едва не лишился сознания, когда понял, о чем он говорит! Отдать ему первенца, ребенка от своей второй половины!

«Хорошо, — ответил я быстрее, чем начал сомневаться в своей затее. — Хорошо, я обещаю тебе свою дочь. Ты убьешь ее?»

Он снова рассмеялся, словно я очень удачно пошутил.

«Нет. Она воссядет со мной на ледяном троне севера, она проживет долгую жизнь среди камней и болот, и я буду любить ее сильнее, чем любят лучшие из людей. Клянусь именами неназываемыми, столпами тверди и неба, что она будет счастлива. Слово мое твердо, слово мое крепко. Не сомневайся».

Не знаю, почему, но я поверил ему.

На этом записи обрывались. Оставшиеся страницы в книжке были исчерчены глифами Вороньего короля.

Джемма уткнулась лицом в ладони, не зная, от кого или чего сейчас хочет закрыться.

Тернер осторожно дотронулся до ее колена и произнес:

— Давай посмотрим, что тут есть еще. Джемма, ты слышишь?

Его голос звучал мягко — должно быть, Тернер так никогда и ни с кем не говорил. Видно, сейчас на него обрушилась та любовь, ради которой Эдвин Эвилет отдал Вороньему королю свое дитя.

Джемма не хотела думать об этом и все равно думала. Она видела сосновый лес: из-за стволов напал туман, и Эдвин Эвилет, который стоял в этом тумане — молодой, сильный, дерзкий, — еще не знал, чем все закончится. Да, Вороний король не обманул его: отец Джеммы нашел свою вторую половину, и это смыло его грехи и дало надежду. Но потом король Кормак расстрелял восставших из пушек, а Джемму отвели в аукционный дом — продавать, словно племенную кобылу.

«Ты этого хотел? — кричала она в лицо своему отцу и захлебывалась от тошноты и боли. — Ты правда этого хотел?»

Она подумала, что сейчас самое время заплакать, чтобы слезы принесли облегчение. Но глаза оставались сухими и злыми.

— Тут еще одна книжка, — сказал Тернер. — Вот, послушай, что он пишет. Это уже через несколько лет, почерк немного изменился.

— «Ты хитер, а я востер. Такую пословицу я записал у доброй Магды, и она как нельзя кстати подходит к тому, что я собираюсь сделать. Пласты некротических полей испокон веков удерживала цепь сторожевых башен на севере. Сейчас они лежат в руинах, но даже эти руины можно оживить. Та защитная магия, которая их наполняет, никуда не делась, она просто спит и способна проснуться. Я провел несколько месяцев в библиотеках и выяснил: даже краткое присутствие человека на руинах может дать ему защиту от тьмы. Решено: беру Джемму, и мы отправляемся на север. Поедим клюквы, погуляем по тем местам, где стояли башни. То-то удивится Вороний король, когда не сможет к ней прикоснуться!

Старина Данкрат пишет еще о том, что сторожевые башни имеют подобие артефакторной цепи и их можно включить с помощью негасимого огня. Другой вопрос, где его взять! Негасимый огонь давали драконы, но нынешние драконы — лишь жалкое подобие тех величественных ящеров, что когда-то держали в страхе род людской. Впрочем, если кто-то умудрится поймать мифическую саламандру... Даже мертвая, она способна гореть, об этом упоминает Данкрат, хотя и с сомнением».

Джемма ахнула, и Тернер опустил книгу.

— Саламандра! — воскликнула она. — У Дэвина был ее скелет!

В глазах Тернера появился энергичный блеск.

— Значит, сможем снова запустить цепь сторожевых башен! — улыбнулся он.

А Джемма вдруг поняла еще одну вещь: жуткую, пугавшую ее чуть ли не до колик, но в то же время дававшую надежду на спасение.

— Два яблока способны развеять любую тьму, — прошептала она и взяла Тернера за руку. — Два целых яблока, которые появляются у вторых половин. Бен, мы должны пожениться.

ГЛАВА 24

У Тернера был знакомый священник в храме на окраине столицы, который мог обвинять их, не задавая лишних вопросов. Но когда извозчик, поминутно осеняя лицо знаком кругом и бормоча молитвы, довез их сквозь серую метель к крошечному храму, Джемма подумала, что в ближайшее время тут будет не до свадеб.

Храм был полон народа. На окраине столицы жили прачки и швеи, заводские рабочие и мелкие торговцы, сапожники и фонарики, столяры и ткачи — сейчас все они толпились под церковными сводами, пытаясь найти защиту у бога, и маленькие свечи в их руках казались россыпью созвездий, но не тех диких и страшных, которые плыли рядом с Вороньим королем, а теплых и ласковых.

— Примите святыне дары и ничего не бойтесь! — Пробившись сквозь толпу за Тернером, Джемма увидела священника, который поднял над прихожанами золотую чашу с вином.

Кто-то из женщин заплакал. Святыне смотрели с фресок с пониманием и сочувствием.

Тернер умудрился где-то достать свечу, протянул Джемме, и, когда их пальцы соприкоснулись, ей снова сделалось не по себе. Ведь их брак никогда не будет настоящим, потому что Джемма любит Дэвина и не хочет верить в то, что он умер. Они женятся лишь потому, что Вороньего короля нужно остановить.

— Подождем, — негромко сказал Тернер. — Скоро все разойдется.

Им пришлось ждать полтора часа. Священник, отец Игерт, говорил с прихожанами — успокаивал, разгонял их страхи, находил для каждого доброе слово. Наконец люди разошлись, и в открытые двери Джемма увидела, что снег перестал. Летний вечер был темным — луна, которая вышла над городом, казалась какой-то больной, словно кто-то отравил ее.

— Пожениться? — удивился отец Игерт, когда Тернер рассказал, зачем они с Джеммой пришли в храм. — Надо же, не ожидал от тебя, честно говоря.

— Она — моя вторая половина, — сказал Тернер, и Джемма кивнула.

Отец Игерт понимающе качнул головой.

— Это меняет дело.

Джемма боялась, он скажет, что они не похожи на счастливых влюбленных, но отец Игерт лишь ободряюще улыбнулся и скрылся за неприметной дверью.

Тернер вздохнул и вытер ладони о штаны. Надо же, он волнуется! Впрочем, у Джеммы сейчас тоже все дрожало в душе так, словно вся она превратилась в туго натянутую струну, по которой мягко гуляли невидимые пальцы.

«Я не предаю Дэвина, — вздохнула Джемма и вдруг подумала: — Что, если он действительно умер?»

Вороний король принял его облик, но сам Дэвин уже далеко-далеко — не догнать, не дозваться.

— Это не по-настоящему, — прошептала Джемма. — Я люблю Дэвина.

Тернер усмехнулся.

— Я это уже запомнил, не сомневайся. — Он снова вздохнул и добавил: — Не волнуйся, я не собираюсь на тебя посягать. С меня довольно и прощения всех грехов.

Джемма улыбнулась и сжала его руку.

Она почти не запомнила, как прошла свадебная церемония, хотя раньше мечтала о том, как однажды войдет в храм со своей второй половиной и не забудет ничего из того, что там случится. Но память сохранила лишь густую тишину, золотой блеск окладов икон, теплое сияние свечей и надежду на то, что они смогут победить Вороньего короля.

«Дэвин жив», — с горьким трепетом души подумала Джемма, когда все закончилось, и священник объявил их с Тернером мужем и женой.

Она могла думать только о Дэвине. Если бы достучаться до него! Дотронуться хоть на минуту, сказать хоть слово! Если бы он мог ее услышать!

Она опомнилась только тогда, когда двери храма мягко закрылись за отцом Игертом. В церкви

царила торжественная тишина, и казалось, что мир наконец-то сделался настоящим. В нем нет ни отравленной луны, ни серого снега, ни слишком темного для лета вечера, ни ужаса, который окутал север.

Тернер выглядел озадаченным. Они стояли в центре храма, взяв друг друга за руки, и Джемма вдруг подумала: «А что, если прямо сейчас я полюблю его без памяти? И забуду Дэвина?»

— Ты что-нибудь чувствуешь? — негромко спросил Тернер. — Что-то необычное?

Джемма прислушалась к себе. Сердце колотилось, к щекам прилил жар, но она понимала, что это лишь от волнения. Как не волноваться, когда обретаешь свою вторую половину?

— Не знаю, — сказала она. — А ты?

Тернер пожал плечами.

— Да вроде бы ничего... — Он осекся, выпустил руку Джеммы и растерянно дотронулся до груди.

В ту же минуту Джемму пронзило болью, острой и жгучей. Половина ее яблока, скрытая за возмущениями магических полей, пришла в движение. Джемме казалось, что она видит ее — не прозрачно хрустальную, а живую, пульсирующую огнем и кровью, дышащую, летящую к своей второй половине. Скоро они соединятся, и одно большое яблоко разделится на два целых. Два яблока, способных сдержать любую тьму.

Боль была такой, что сознание помрачилось. В бок ударили мраморные плиты пола — Тернер попытался было поддержать Джемму, но со стоном распластался рядом с ней. Его лицо побледнело, глаза закатились под веки.

Джемму охватило холодом. Судорожным движением, почти не осознавая, что делает, она нашарила руку Тернера на полу, сжала ее. В эту минуту снова дрогнула земля, и Джемма с ужасом подумала, что Вороний король мог почувствовать, как их яблоки пришли в движение. Что он будет делать, когда узнает об этом?

Церковь залило нестерпимо ярким сиянием, и Джемма почувствовала, как из нее что-то вырвалось — с болью, с кровью, с огнем. Грудь сдавило, и Джемма испугалась, что никогда не сможет дышать. Потом испуг прошел, и она обрадовалась: когда умрет, то встретится с Дэвином, и тогда все будет хорошо.

Но она не умерла. За болью и пламенем, наполнявшим грудь, пришло счастье — теплое, летнее, такое, которое поднимает от земли, уверяя, что ты можешь летать. Кажется, Джемма рассмеялась. Над ней светило июльское солнце, и шел теплый сильный дождь, и поднималась радуга. Мир наконец-то сделался совершенным, настоящим, и в нем больше не было никакого зла.

Радуга! Душа Джеммы танцевала и пела, она купалась в этом счастье и верила, что никогда не будет ничего другого — только счастье и детский, беспримесный восторг. Радуга! Радуга!

Должно быть, это и было полным очищением. Никогда еще Джемма не чувствовала себя настолько свободной и легкой. Все, что причиняло ей боль, ушло навсегда. Теперь она знала, что сможет выстоять и победить. Лишь бы Дэвин выжил и дождался ее.

Потом свет медленно угас. По церкви прошел ветер, задувая огоньки свеч, и как-то сразу вспомнилось, что за этими стенами город укутан серым снегом и над домами плывет мертвая луна. Джемма села, дотронулась до груди, и пальцы кольнуло: теперь яблоко ее души было целым. Она чувствовала, как оно медленно кружится, остывая и обретая спокойную прозрачность.

— Надо же, — едва слышно произнес Тернер. — Никогда не думал, что это будет вот так.

Некоторое время они молча сидели на полу, а потом Джемма сказала:

— Прости меня, Бен. Прости, пожалуйста.

Тернер махнул рукой.

— Перестань, — ответил он. — Все в порядке, Джемма.

На мгновение Джемме сделалось непередаваемо стыдно. Она была в храме со своей второй половиной, человеком, который чем дальше, тем сильнее казался ей хорошим, и понимала, что никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет полюбить его.

— Правда?

— Правда, — кивнул Тернер. — Мы с тобой должны сделать очень важное дело. Только это имеет

значение. А любишь ты меня или нет, станешь ли моей женой на самом деле... это не важно.

Джемма чувствовала, что он, мягко говоря, лукавит. Эти дни изменили Тернера — он сам удивлялся этим изменениям, даже сопротивлялся им, но понимал, что уже никогда не станет прежним, как бы ему ни хотелось. И еще Джемма ощущала, как на него надвигается беда. И они не смогут ее избежать.

— Я боюсь за тебя, — призналась она. Тернер дотронулся до ее руки — деликатным, чуть ли не чопорным жестом. — Мне кажется, с тобой случится что-то плохое.

Он понимающе кивнул, и стыд снова обжег Джемму.

— Вороньему королю нужен багряный всадник, — ответил Тернер, — а я так эффектно появился в Хавтавааре, что теперь без меня не обойтись. Надеюсь, не наберу новых грехов до нашей с ним встречи.

Тернер старался говорить беспечно, но за этой беспечностью Джемма улавливала и боль, и страх. Что за человек был ее второй половиной? Что она знала о нем? Ничего кроме того, что он, кажется, готов был умереть, чтобы заковать зло в цепи.

— Мы все выживем, — твердо сказала Джемма. — Все должно быть хорошо.

— Иначе я и не согласен, — весело откликнулся Тернер и, поднявшись с пола, протянул Джемме руку. — Идем!

Когда они вышли из собора, то луна висела низко-низко, цеплялась за дома, и Джемме почудилось, что из густых теней, пересекающих улицы, доносится хриплый больной шепот. Все окна в домах были озарены — люди не спали: разговаривали, надеялись, молились. На стене закрытого газетного киоска был вывешен огромный плакат; Джемма и Тернер подошли поближе и прочли:

«Колоссальный прорыв некротического поля на севере! Полностью потеряна связь с регионами Элонгар, Аттвельд, Малые и Большие Пустоши. Личным указом короля на север отправлены лучшие маги, которые смогут запечатать прорыв. Беженцам и пострадавшим будет оказана вся необходимая помощь. Ради вашей безопасности не покидайте дома без крайней необходимости».

— Да уж, весело, — ухмыльнулся Тернер, а Джемма испуганно спросила:

— Как же мы вернемся в Хавтаваару?

Она представила непроницаемую тьму на севере, дороги, запруженные беженцами, невыносимый запах гари — и Дэвина, который был в центре тьмы. Наверняка все, кто знает о том, что Принца-ворону сослали на север, сейчас обвиняют в прорыве именно его, темного мага, которого хлебом не корми, дай только подгадать добрым людям. И посланники его величества отправились в Хавтаваару не просто закрыть прорыв некротического поля, а убить Дэвина. Джемма была твердо уверена в этом.

— Да, поезда туда точно больше не ходят, — кивнул Тернер, — если вообще когда-нибудь пойдут. Ну ничего, на этот случай есть артефакторика. Артефакт перебросит нас в Хавтаваару за минуту.

— У тебя есть такой? — удивилась и обрадовалась Джемма.

Тернер отрицательно мотнул головой.

— Нет. Но я знаю, где его купить.

Дэвин понял, что Джемма соединилась со своей второй половиной, когда его собственное яблоко дрогнуло и шевельнулось: казалось, по нему пробежала сеть трещин, и хрустальная чистота замутилась красным, словно яблоку было больно и оно хотело расколоться, чтобы спастись от боли. На мгновение Дэвин почувствовал жар в груди и услышал:

— Да, я этого не ожидал.

Он не думал, что сможет открыть глаза, и все-таки смог. Северное сияние потухло — теперь над Дэвином нависало бархатно-черное небо. Он прищурился и увидел, как из тьмы проступают звезды: далекие, страшные, какие-то неправильные. На глазах выступили слезы, но потом Дэвин смог различить, как звезды сплетаются в огромное созвездие, которое занимает собой все небо. Откуда-то пришло его название: Древо Болотного Господа.

Вороний король сидел рядом. Дэвин смотрел на собственное тело и с непреходящим ужасом и тоскливым разочарованием понимал, что ничего не может исправить. Постепенно Вороний король

расширит свои владения, поглотит мир, а он, Дэвин, так и будет лежать ледяной статуей на берегу океана.

— Что может быть непостояннее женского сердца? — усмехнулся Вороний король. — Впрочем, для вас это важно. Найти вторую половину, соединиться с ней и никогда не расставаться.

— Правильно сделала. — Дэвин не сразу понял, что это его заледеневшие губы шевельнулись, выпуская слова. Воздух наполнился мелодичным звоном — тем, который можно услышать морозной зимней ночью. — Надеюсь, они уедут как можно дальше.

Ему было одновременно очень горько и очень хорошо. Джемма обрела то, чего он никогда не смог бы ей дать при всем желании, но Джемма была жива, и Вороний король никогда ее не получит. Этому нельзя было не радоваться.

Вороний король усмехнулся, словно понял чувства Дэвина.

— Меня это, конечно, огорчает, — сказал он. — Но не останавливает. Я всегда получаю свое, хочешь ты этого или нет.

— Джемма не твоя. — Говорить было все легче и легче, и Дэвин подумал, что если так пойдет и дальше, то он сможет подняться. — И никогда твоей не будет.

Вороний король рассмеялся так, словно Дэвин сказал особенно удачную шутку.

— Она была моей еще до того, как появилась на свет, — ответил он. — Ее отец отдал мне первенца за то, что я свел его со второй половиной.

Дэвину захотелось рассмеяться. Вот, значит, почему Эдвин Эвилет возил Джемму на север... Чтобы привыкла к тому, что ее ждет в будущем. Неудивительно, что для него все закончилось плохо. Дэвин знал, что чудовища зачастую требуют именно детей в награду за то, что исполняют желания. Но то, что существуют люди, способные собственных детей отдавать, — это уже было страшно и недопустимо.

«А чудовищем всю жизнь называли именно меня», — подумал Дэвин и ничего не ответил. Вот такие добропорядочные господа, как Эдвин Эвилет, осеняли лица знаком круга, стоило Дэвину появиться, но их мысли и дела были беспросветно черны.

Вороний король посидел рядом с ним еще немного, а потом поднялся, и Дэвин почувствовал, что стало легче дышать. Монстр с его лицом ушел.

Некоторое время Дэвин лежал неподвижно, вслушиваясь в движения яблока в груди. От хрустального плода веяло теплом: там, за этой тьмой, снегом, стужей, было лето, свет и жизнь. Там была Джемма — и надежда на то, что однажды они все-таки увидятся. Дэвин, конечно, не приблизится к ней, просто убедится издали, что с нею все хорошо, и этого будет достаточно.

Он и сам не понял, как поднялся: просто вдруг обнаружил, что не лежит на берегу ледяной глыбой, а стоит на ногах — пусть покачиваясь, но все же стоит. Несколько минут Дэвин пытался выровнять дыхание и усмирить нервно стучащее сердце. Небесную черноту разрезало первое летящее копье северного сияния, и вскоре по небу разлилось зеленое и голубое зарево. Дэвин смотрел на него: вот дивная птица развернула крылья с розовыми краешками, вот огромное войско развернуло знамена, а вот воздвиглись сторожевые башни, которые защищали север от порождений мрака.

Потом Дэвин понял, что идет по берегу. В перьях зеленой птицы вспыхнуло золото, и, развернув крылья, она величаво поплыла вперед, словно указывала дорогу. Дэвин побрел за ней, и холод, который сковал его тело, постепенно отступал: он чувствовал, как от хрустального яблока разбегаются волны тепла.

«Возможно, это потому, что Джемма вышла замуж», — подумал он. Светло-зеленые крылья птицы стали сиреневыми, тонкий хвост ударил по озерной воде, и Дэвин ощутил, что пальцы начинают покалывать. К рукам возвращалась чувствительность — вот и славно. Когда Вороний король снова придет над ним поглумиться, Дэвин сможет хотя бы ударить его.

«Пиши! — вдруг различил он слова в негромком шелесте, который все время звучал где-то рядом. — Пиши! Прямо сейчас!»

Прозвучало еще какое-то слово, возможно, «радуга». Дэвин протянул руки к птице, и в его ладони плавно опустилось перо, сверкающее золотом и солнцем.

— Пиши! — прогремело над ним.

Перо обожгло пальцы, и Дэвин понял, что нужно просто поднять руку и написать в небе. Здесь

никто не сотрет ни единой буквы.

Буквы праязыка причиняли почти нестерпимую боль, но Дэвин писал их — одну за одной, завиток к завитку, слово к слову. Он понимал, что не сможет укротить Вороньего короля в его собственном мире, но продолжал писать. Постепенно небо светлело, и наконец Дэвин увидел величавые стены сторожевых башен. Сложенные из белого камня, с красными флагами, что гордо трепетали на верхушках, башни были похожи на пальцы, которые земля простирала к небу.

Теперь башни ожили. Теперь в них было сильное и отважное воинство, готовое противостоять мраку.

Ноги Дэвина подкосились, и он упал. Колени ткнулись в сырую гальку, и птица, которая с той же неторопливостью соскользнула к нему из-под облаков, раскрыла над ним сверкающие крылья.

— Башни, — прошептал Дэвин, почти растворяясь в безбрежном покое, которым веяло от ярких перьев. Тьма ушла, и безумные созвездия растаяли. — Теперь их нужно оживить в мире людей. Не только здесь...

Прикосновение к лицу было похоже на материнскую ладонь, теплую и ласковую, которую Дэвин узнал только сейчас. Его потянуло в сон, и последним, что он услышал, был мягкий женский голос, так похожий на голос матери:

— Ты сделал все, что нужно. А теперь отдыхай. Вороний король должен выйти в мир.

ГЛАВА 25

Артефакт для перемещения в пространстве был похож на большую серебряную монету, покрытую иероглифами Восточных островов. Чем больше Джемма вглядывалась в них, пытаясь понять надпись — когда-то она их изучала в школе, — тем сильнее становилась тошнота, что подкатывала к горлу и заставляла сжимать зубы.

Джемма дожидалась Тернера на слабо освещенной лестнице в двухэтажном доме на окраине: хозяин, темнокожий и горбатый, выглянул на стук в дверь своей квартиры, кивнул Тернеру и хрипло сказал:

— Пушу только одного.

Тернер нырнул в квартиру. Он провел там четверть часа: в это время Джемма смотрела в окно, на луну, и бледный лунный лик все сильнее казался ей декорацией. Раньше она любила любоваться луной, особенно в саду родительского дома, но сейчас Джемме чудилось, что большое желтое пятно просто намалевали ядовитой краской.

Сила Вороньего короля изменяла мир. Джемма надеялась, что они с Тернером смогут все исправить, но сейчас, на замусоренной лестнице, где тянуло студеным сквозняком, а на карнизах виднелись серые груды снега, который не желал таять, эта надежда была слабой.

Наконец Тернер вышел и с крайне довольным видом протянул Джемме артефакт.

— Можем отправляться прямо отсюда, — произнес он. — Ким сказал, что надо представить человека, рядом с которым хотим оказаться, а дальше артефакт сделает всю работу. Кого будем представлять?

— Армо, — вдруг выдохнула Джемма. — Близнец шамана, помощник полицмейстера.

Тернер кивнул так, словно Джемма сказала очень правильную вещь, а она вдруг удивилась, почему назвала именно это имя.

— Почему не господин Вудвилл, собственно? — поинтересовался Тернер.

Джемма пожала плечами. Она вспомнила об Артуре, только когда заговорила об Армо, и сейчас никак не могла оживить в памяти его лицо.

— Не знаю, — призналась Джемма.

Тернер взвесил артефакт на ладони и ответил:

— Все правильно, Джемма. Когда творится такая дрянь, от властей лучше держаться подальше. Ты обратила внимание на то, что он не подошел с тобой проститься? А у вас ведь были вполне дружеские отношения.

Джемма пожала плечами. В тот момент она могла думать только о том, что расстанется с Дэвином, и, возможно, навсегда. Но Тернер был прав. Сейчас Джемма отчетливо вспомнила, что Артур сидел на скамье рядом с Маттасом, который что-то рисовал в своем альбоме.

— Одним словом, Армо, — сказала она.

Тернер кивнул, взял Джемму за руку и бросил артефакт на ступени. В следующий миг они уже летели во тьму — густую, давящую, с горьким запахом пыли. Джемма почти перестала чувствовать саму себя: у нее осталось лишь ощущение своей руки в руке Тернера.

Она не знала, сколько времени длился их полет. Когда тьма рассеялась, то Джемма поняла, что стоит, вцепившись в ветку яблони, и кругом царит сумрак. Поздний вечер? Нет. Проморгавшись, Джемма увидела, что воздух наполняет нечто, похожее на дым, который стекается в города, когда начинаются торфяные пожары.

Где-то справа хрипло выругался Тернер. Джемма осмотрелась — артефакт выбросил их в саду возле особняка Дэвина. Яблони клонили ветви к земле, и Джемма заметила, что листья и мелкие плоды покрывает какая-то блестящая пленка. Несколько дней назад Штрубе рисовал в этом саду ее портрет. От этого воспоминания Джемму бросило в дрожь.

А потом она услышала испуганный и одновременно растерянный шепот:

— Вы? Что вы тут делаете?

Армо вынырнул из дыма — оторопелый, скованный страхом. Джемме хватило одного взгляда на

парня, чтобы понять: он не знает, что здесь происходит, хочет спастись, но понятия не имеет, как это сделать.

— Ваша милость... — прошептал Армо и оглянулся, словно боялся, что его могут услышать. — Бегите! Спасайтесь, нельзя вам тут!

— Что происходит? — осведомился Тернер.

Вместо ответа Армо показал в сторону дома.

Обернувшись, Джемма увидела, что дома нет. Часть особняка Дэвина лежала в развалинах, а другая парила в воздухе. Кирпичи стен, большой осколок вазы из гостиной, картина в разломанной раме, куски мебели, какое-то рванье, грязь и крошево — все это просто висело над землей, и Джемма, всмотревшись, увидела тусклый блеск пузырька, в котором до сих пор сидел болотный бес. Когда Дэвин поймал его? Кажется, в другой жизни.

— Что с домом? — спросила Джемма. — Где Дэвин?

Лицо Армо дрогнуло, словно парень очень старался сдержаться и не разреветься по-детски.

— Дом рухнул, когда еще двух девиц зарезали, — ответил он. — А его высочество... ох, я даже не знаю, он это теперь или уже не он. Вроде бы лицо его, а глаза золотые. И когти, ох...

Армо всхлипнул и осенил лицо знаком круга.

— Где он? — спросила Джемма, чувствуя, как в груди теснит и сердце наполняется горечью и болью.

Увидеть Дэвина — пусть даже Вороний король занял его тело, — но увидеть и проститься.

Казалось, кровь закипает в венах.

— Не знаю, — ответил он. — Вроде бы нету его, а потом уже раз — и идет рядом с тобой.

— А полицмейстер? — поинтересовался Тернер, и Армо провел ладонью по лицу, стирая слезы.

Сейчас он выглядел как ребенок, которого взрослые обманули и выставили на посмешище. Джемма хотела сказать ему, что так поступили со всеми.

— В поселке. Там пока вроде ничего, тихо. Но очень уж страшно. Я ведь... — Армо осекся и окончательно севшим голосом добавил: — Я ведь ему верил. А ведь это он все это затеял.

Джемма и Тернер обменялись понимающими взглядами. Что ж, они оказались неожиданно правы, когда не выбрали Артура для переноса: сейчас бы уже были в когтях Вороньего короля.

— Еще бы узнать, зачем это ему, — усмехнулся Тернер. — Впрочем, не важно. А где...

Со стороны развалин дома донеслось негромкое стеклянное звяканье, и Джемма увидела, как склянка с болотным бесом стукнулась об один из парящих каменных осколков. Повинуясь какому-то смутному зовущему чувству, Джемма пошла к развалинам, стараясь ступать как можно тише. Тернер и Армо потянулись за ней.

— Где художник? — услышала она шепот Тернера, и Армо ответил тоже шепотом:

— Совсем в уме повредился. Батюшка рассказывал, что он Вороньему королю отдался за вечное вдохновение, так вроде. Ну вот, вдохновение есть, а рисовать может только кровью. Своей. Вот и ходит, руки режет.

Джемма поежилась. Почему-то ей казалось, что теперь несчастный Матиас Штрубе способен рисовать только глифы Вороньего короля. Подхватив юбку, она смогла забраться на развалины и, указав на склянку с бесом, сказала:

— Бен, его нужно достать.

Тернер не стал задавать лишних вопросов и полез по развалинам выше. В дымном сумраке было не разглядеть, но Джемме казалось, будто болотный бес принялся плясать и гримасничать, и почему-то это сейчас не казалось ни пугающим, ни противным. Просто живое существо, которое хочет спастись.

— Держи, — сказал Тернер, спускаясь, и протянул Джемме пузырек. — Армо, что это за липкая мерзость?

Он с безразличным выражением лица обтер руку о штаны. Армо пожал плечами.

— Не знаю, но тут в округе все в ней.

Джемма с усилием вытянула пробку из пузырька, и болотный бес тотчас же выпрыгнул и принялся увиваться возле нее, тереться головой о ноги и ластиться, словно кот.

— Спасибо, деточка, ой спасибо! — просипел он, бодая лбом ногу Джеммы. — Ну сил уже не было никаких! Ох, натерпелся!

Он энергично растер ладонями лицо, сел на камень и важно заметил, вычищая из шерстинок на хвосте какую-то дрянь:

— Значит, за доброту твою слушай. Этот белобрысый дяденька — отпетая сволочь. На глаза ему не показывайся. Он нас с братуней в болоте отловил и отправил по поезду прыгать. Хотел проверить, в какой силе хранитель.

Джемма понимающе кивнула, чувствуя, как где-то в глубине ее души окончательно тают доверие и дружба. Артур много времени проводил на северных болотах и умел ловить их обитателей. Вот и отправил парочку навстречу Принцу-вороне, чтобы присмотрелись и доложили. То, что Дэвин убил одного из болотных бесов, не успев оправиться после сражения с драконом, показало, что он все-таки силен.

— Хранитель? — переспросила она.

Бес кивнул и принялся вычесывать шерсть на пузе. Джемме почему-то подумалось, что он прихорашивается. Армо осенил лицо знаком круга, и бес покосился на него с заметным презрением на широкоротой морде.

— Ага. Вот как тебе объяснить, он вроде сосуда, который вмещает эту мразь.

Джемма кивнула. Значит, если изгнать Вороньего короля, то с Дэвином все будет в порядке. Он не мертв. На мгновение ей стало легко и спокойно.

— Ты можешь мне помочь? — спросила она.

Бес вытащил из шерсти что-то, похожее на мокрицу, отправил в рот и с аппетитом захрустел. Армо издал безразличный возглас.

— Смотря что надо, деточка, — ответил бес. — Но постараюсь.

— Здесь в доме находится стеклянная рамка с аметистами и скелетом саламандры, — сказала Джемма и показала руками, какого примерно размера она была. — Можешь отыскать ее?

Бес выплюнул то, что не смог прожевать и проглотить, и ответил:

— Сейчас сделаем, деточка. Кажется, я ее видел.

С этими словами он юркнул в сторону и исчез среди камней. Некоторое время все молчали, а затем Армо кашлянул и шепотом спросил:

— Ваша светлость, а вам зачем?

— Саламандра — это неугасимый огонь, — ответила Джемма и с надеждой посмотрела на бывшего помощника полицмейстера. — Вам надо будет отнести рамку на развалины сторожевой башни и достать там саламандру. Огонь запустит старую цепь башен, и это загонит Вороньего короля обратно...

Она осеклась, вдруг ощутив, что Дэвин может этого и не пережить. Уходя, Вороний король уничтожит его просто из бессильной ярости и злобы.

В голове сделалось пусто и звонко, горло сжала невидимая рука. Если бы не болотный бес, который выскользнул из-за развалин со знакомой рамкой в лапах, Джемма бы обязательно расплакалась. Бес протянул ей рамку, и в сумраке сверкнули белые косточки саламандры.

— Вот, держи, деточка, — сказал он. — Целехонькая! Как заказывала!

Джемме показалось, что от рамки веет теплом. Разбить стекло, убрать камни — на кости нарастет плоть и вспыхнет неугасимым пламенем, которое озарит север. Она обернулась к Армо и протянула ему рамку.

— Ты же знаешь, где развалины сторожевой башни?

На мгновение Джеммой снова овладел непереносимый стыд. Она отправляла бедного доброго парня туда, где его могут ждать слуги Вороньего короля. Вряд ли он оставил бы развалины без охраны. Но чутье подсказывало, что она поступает правильно. Вороний король сейчас бросит все свои силы к ней и Тернеру, потому что ему нужен багряный всадник и та, что была обещана до своего рождения.

У Армо был шанс.

— Знаю, — кивнул он и взял рамку со скелетом. Джемме показалось, что саламандра дрогнула и под стеклом проплыла крошечная искра, словно плененное существо чувствовало, что скоро его освободят. — Что я должен сделать?

— Забраться на развалины, разбить стекло и убрать аметисты, — сказала Джемма и добавила: — Я могу только предполагать. В дневнике моего отца было об этом.

Ей казалось, что прошла целая вечность с того момента, как они с Тернером разбирали бумаги Эдвина Эвилета в сумрачной библиотеке, а за окнами летели хлопья серого снега, и мир казался умирающим, у которого отобрали последнюю надежду.

Болотный бес закивал.

— Точно, точно, паренек, — ответил он и махнул рукой в сторону поселка. — Есть тут тайная дорожка, проведу за вашу доброту. Здесь много кто шныряет, но нас не заметят.

Армо поднес руку к губам, словно пытался что-то сказать, но потом передумал. Болотный бес проворно спрыгнул с развалин и побежал среди яблоневых стволов.

— Удачи, — прошептала Джемма, и Армо бросился за бесом, стараясь держаться возле деревьев, чтобы его не заметили. Тернер посмотрел ему вслед и покачал головой.

— Думал ли я, что буду надеяться на помощь болотных тварей? — усмехнулся он, и Джемма ответила:

— Вороний король не по нутру даже болотным тварям. Хотя я полагала, что будет наоборот.

В это время сумрак дрогнул, и Джемма увидела, как воздух наполнили растрепанные черные нити — живые, извивающиеся, полные отвратительной злобы. Тернер взял ее за руку, встал так, чтобы закрыть Джемму собой, и над садом пронесся то ли визг, то ли стон.

Из-за деревьев выскользнул человек, и Джемма испытала моментальное и острое облегчение из-за того, что Армо с саламандрой и бесом отправился в другую сторону. Сейчас Матиас Штрубе был лишь бледной мертвой тенью того знаменитого живописца, который совсем недавно приехал в особняк Дэвина вместе с Элинор.

«В нем уже тогда жило безумие, — подумала Джемма, глядя, как движется художник: нервно, изломанно, словно в нем не осталось ни единой целой кости. — Он уже успел убить двух девушек ради вечного вдохновения».

Во что бы Вороний король превратил ее отца, если бы Эдвин Эвилет прожил бы еще несколько лет? Кем бы он стал тогда?

В левой руке Штрубе держал тонкий нож для очинки карандашей, и Джемма увидела, что запястья художника небрежно замотаны какими-то грязными лоскутами. Ее накрыло липким страхом и давящей тоской: Штрубе умел обращаться с этим ножом и вполне мог пустить его в ход.

Потом художник сделал еще несколько шагов к ним, и Джемма смогла увидеть его глаза — на миг, но этого мига было достаточно. За ледяной тошнотой безумия еще был человек: живой, разумный, который невыносимо страдал и раскаивался.

— Вудвилл... идет из Хавтаваары сюда, — услышала она хрип. — Уходите в лес.

Тернер, который по-прежнему закрывал собой Джемму, вздрогнул, и она увидела, как разжался его правый кулак.

— Матиас, — позвала Джемма, словно могла дозваться до его души, и лицо художника дрогнуло, озарившись тем живым вдохновением, которое наполняло его в то утро, когда он рисовал Джемму в саду.

— Мне... очень жаль, — прошептал он, и в его глазах блеснули слезы. — Если сумеете выжить, помяните. Я... я каюсь.

Джемме казалось, что сейчас она оглохнет от грохота крови в ушах. Штрубе посмотрел на нее в

последний раз и поднял руку с ножом.

— Идите в лес, — повторил он и быстрым отточенным движением левой руки провел по своему горлу — так, как сделал это уже восемь раз, принося в жертву Вороньему королю семерых дев и одну блудницу.

Джемма не удержалась: вскрикнула и зажала рот ладонями, пытаясь сдержать рвущийся вопль. Штрубе рухнул на землю, и почти сразу же Джемма услышала знакомые шаги. Артур шел в их сторону и не торопился: неспешно брел по дорожке так, словно эта прогулка доставляла ему невероятное удовольствие.

Тернер отработанным движением бесшумно извлек из внутреннего кармана пистолет, прищурился, его ноздри дрогнули, и он выстрелил. Джемма ахнула, и из дымного марева донеслись сдавленный стон и ругань. Тернер выстрелил снова, и Джемма услышала, как кто-то упал.

Над садом снова воцарилась глухая тоскливая тишь. Артур не шевелился.

— Убит? — шепотом спросила Джемма.

Тернер пожал плечами.

— Надо проверить, — тоже шепотом ответил он и добавил: — Держись у меня за спиной.

Они сделали несколько шагов во тьме, и почти сразу Джемма увидела тело на дорожке. Артур лежал, раскинув руки, из-под его головы растекалась кровь. Пуля Тернера вошла чуть выше переносицы. Джемма закусил костяшку указательного пальца. Артур был мертв — а ведь когда-то она доверяла ему, и все здесь доверяли.

— Интересно, что ему дал Вороний король... — прошептала она.

— Ничего, кроме смерти, — ответил Тернер, убирая пистолет. — Идем на развалины, время дорого.

Но уйти они не успели. Дымный сумрак ожил, растекаясь во все стороны, и над садом разлился свет полной луны. Тернера оторвало от земли и подняло над деревьями — несколько раз трянуло, как собака треплет лоскут, и перевернуло вниз головой. Джемма почувствовала отвратительный запах горелого мяса и услышала влажный хруст костей.

— Бен! — закричала она. — Бен!

Тернер не отвечал. Она увидела его лицо — мертвое, побелевшее, с отблеском мучительного осознания смерти в глазах.

— Не успел... — Джемма не поняла, что это было: то ли шепот умирающего, то ли его последняя мысль, которую она как-то сумела уловить. — Не успел... нагрешить.

От развалин дуло северным ветром, и Тернер рассыпался над садом горстью пепла.

Джемма осела в холодную траву. Из горла рвался вопль, но она не могла кричать. Ей казалось, что из нее выдернули что-то очень важное и теперь она лишилась опоры. Тернер — господи боже, он мгновение назад стоял рядом с ней, а теперь его просто развеяло над землей... Джемме захотелось забыть от страха, который завязывал внутренности в узел. Штрубе мертв. Артур мертв. Тернера не стало.

«Обморок», — с почти безнадежной мольбой подумала она.

Сейчас бы лишиться чувств, а потом прийти в себя и увидеть, что все это было сном, и она проснулась в столичном доме Дэвина, и нет ни Вороньего короля, ни Хавтаваары, ни всех этих смертей. Но блаженное забытие не шло, лишь в груди горячо пульсировала боль — та, о которой говорил отец после смерти матери.

Хрустальное яблоко темнело, наливалось кровью, рыдало по утраченной второй половине. Джемма машинально прижала руку к груди, пытаясь успокоиться, слезы хлынули из глаз, и где-то вдали призрачные голоса затянули грустную песню. Джемма узнала мотив: отец то ли пел, то ли выставлял ее на похоронах матери.

Должно быть, так ноют души, оплакивая свои потери.

Несколько мучительно долгих минут Джемма сидела в траве, потом что-то сильное и упрямое потянуло ее вперед, и она поднялась на ноги, смахнула слезы и заковыляла к тропинке, по которой ушел Армо. Надо было идти к развалинам сторожевой башни. Надо было добраться туда как можно скорее, потому что ни Тернер, ни Дэвин не должны погибнуть напрасно.

— Вот ты и пришла, — услышала она и обернулась.

Вороний король стоял у деревьев. Он был темнее тьмы, но Джемма видела золотые проблески его короны, тяжелые складки плаща и бледное знакомое лицо. Дэвин смотрел на нее, в его глазах плескалось расплавленное золото, и лунный свет играл на латных перчатках, похожих на птичьи лапы.

— Дэвин?.. — прошептала она, понимая, что Дэвина здесь больше нет.

Улыбка распоролла лицо Вороньего короля, словно сверкнувшая молния, и Джемма услышала:

— Семь дев, одна блудница, багряный всадник. Наконец-то.

Он протянул руку и толкнул невидимую дверь.

Над садом раскатился гром и хлынул ливень.

ГЛАВА 26

Государыня Тесс села в постели, захлебываясь криком. Она всем сердцем почувствовала, что ее старший ребенок, ее Дэвин сейчас умер в далеких северных землях. Муж бросился к ней, обнял, прижал к себе, пытаясь успокоить, но Тесс продолжала кричать, вспоминая пухлую ручку младенца и складочку на этой ручке, вспоминая ребенка, которого у нее отняла беспросветно лживая королевская честь и жестокие правила.

— Дэвин! — прокричала она. — Мальчик мой, родной мой мальчик!

Кормак прижимал ее к себе, повторял какие-то слова, которые не имели никакого смысла, и видел перед собой не королевскую опочивальню, а цветущий яблоневый сад и худенького черноволосого ребенка, который бегал среди деревьев и играл с невидимыми друзьями, ребенка, которого он должен был убить во имя долга перед страной и семьей, но оставил в живых.

По всему королевству дрогнула земля, затряслась, поплыла во все стороны, словно хотела сбросить с себя людей, их постройки, их дела. Ожили колокола и накрыли города и поселения грозными ревушими голосами. Завыли животные — жалобно, громко, почти по-человечески.

В этот миг убитый дракон, разрубленный на части, запечатанный в стеклянные ларцы и витрины, задрожал, словно пытался собраться воедино, раскрыть крылья и полететь на север. Тьма над севером развернула вороны крылья и затрепетала, озаренная светом бесчисленных молний. Люди Хавтаваары выбежали из домов и увидели, как над землей поднимается огромная черная птица. Аймо, который все это время провел на пепелище, оставшемся от храма, ударил было в бубен — и выпустил колотушку. Туман, что закрывал его разум все это время, медленно растаял.

— Вот ты какой, — зачарованно произнес Аймо, не сводя взгляда с птицы, и спокойным голосом без следа привычного истерического безумия спросил у отца, который бездумно теребил подвеску с глифом Вороньего короля: — Ты ведь и подумать не мог, батюшка, кому молишься. Вот кого вы все призывали.

Отец замахнулся на него кулаком, но опустил руку и заплакал. Кто-то из баб завыл тоненьким голоском, кто-то прошептал:

— Господи, спаси нас и помилуй.

Аймо вздохнул, бросил ненужный уже бубен в лужу, что стремительно разрасталась на дороге, и ответил:

— Поздно ты о нем вспомнила, Кайва. Поздно.

И, развернувшись, он устало пошел в сторону поля, за которым лежали заросшие развалины сторожевой башни, словно там еще была работа, что следовало выполнить. Отец задумчиво и растерянно посмотрел ему вслед, и Кайва, не сводившая взгляда с Вороньего короля, который занял собой уже половину неба, вдруг закричала:

— Смотрите! В когтях-то у него!

Джемма барахталась в золотых вороньих лапах — почти ослепшая от сверкания молний, почти оглохшая от мерного хлопанья крыльев. Вороний король поднимался все выше и выше, и иногда, когда внизу открывалась земля, Джемме казалось, что она видит крошечную человеческую фигурку на краю яблоневого сада.

Дэвин лежал там — мертвый, уже ненужный Вороньему королю, и Джемма видела, как над телом завиваются струйки белого света: хрустальное яблоко собиралось покинуть мертвеца.

— Пусти! — прокричала Джемма во тьму и тотчас же захлебнулась криком и горькой дождевой водой. — Сволочь проклятая, пусти!

Вороний король рассмеялся. Джемма видела, как огромные черные крылья раскрываются над миром, и видела, как Вороний король — черная фигура в золотой короне — идет к древнему алтарному камню, на котором билась человеческая фигурка, напрасно пытаясь освободиться.

— Пусти! — крикнула она, и страшный полет закончился.

Сверкнула последняя молния, встав белым деревом по всему небу, и Джемма увидела знакомые очертания сосен и черный алтарь. Золотые птичьи лапы мягко опустили ее на камень и разжались.

— Люди — мой корм, — услышала она.

Темный силуэт в золотой короне скользнул в сторону и встал за ее головой. Из-за стволов

выступили прозрачные человеческие фигурки: если в прошлый раз Джемма различила в них только девушек, то сейчас увидела и рыцаря в старинных латах, и философа в белой хламиде, и дворянина, богато одетого по моде начала века. Она с ужасом поняла, что сейчас к алтарю может выйти ее отец, но Эдвин Эвилет так и не появился. Джемма напомнила себе, что встреча со второй половиной смысла его грехи. Зато появился Артур — Джемме показалось: он так и не понял, что его убили.

— Люди — мой корм, — повторил Вороний король. Ваши души, ваша сила, ваша отвага, ваши гнев и ярость вот что меня питает. Вот что вы приносили мне много лет, чтобы я взамен исполнил ваши просьбишки. Но теперь я возьму сам все, что мне понадобится.

«Два яблока, — повторила Джемма, чувствуя, как сквозь страх и боль к ней пробиваются отчаяние и стремление сражаться. — Два яблока, которые способны развеять любую тьму».

— Дэвин! — прокричала она в лицо мрака, который склонился над ней, сверкнув зубцами короны и золотом глаз, так, словно Дэвин мог ее услышать и откликнуться. — Дэвин! Борись с ним! У тьмы нет власти!

Над Джеммой мелькнуло изогнутое лезвие вороньего когтя, и, словно откликаясь на ее предсмертный призыв, над лесом и болотами встала золотая заря.

Мертвый мир Вороньего короля заливало лучами рассветного солнца, и он становился белым, розовым и золотым. Дэвин поднялся по склону холма и увидел далекие крыши Хавтаваары, свой разрушенный дом и сгоревший сад, свое тело, что распласталось под деревьями.

Потом он увидел, как от холмов, заросших дикой ежевикой и камнеломкой, поднимается свет. Саламандра — яркая, живая, полная пульсирующего негасимого пламени, бегала по развалинам, и, впитывая ее огонь, камни оживали тоже. Из зарослей поднимались белые стены с узкими окошками-бойницами, за которыми вставало сверкающее войско. Лучшие маги мира — король Кормак отправил их спасти север, Вороний король испепелил их и развеял прах над болотами, но сейчас они вернулись и поднялись на своих постах. Над башней взвился красный флаг — огонь, который развеет тьму. Он затрепетал на ветру, и от него рассыпались золотые искры. Дэвин перевел взгляд вправо и увидел, как впереди, в дымном мраке, вспыхивает цепочка огней и ночь отступает.

Он всмотрелся и увидел, как Армо машет кому-то рукой возле первой башни. Знакомый болотный бес весело плясал на плече у бывшего помощника полицмейстера, и оба они выглядели такими счастливыми, словно сбылись их самые заветные желания, словно оба они увидели чудо — настоящее, живое, драгоценное. Аймо карабкался по холму к башне — вот он поднялся и обнял брата.

— Живой! — услышал Дэвин.

Армо рассмеялся, взлохматил волосы брата, и бывший шаман — теперь уж точно бывший — ответил:

— Живой! Я вернулся, и у тьмы нет власти.

Дэвин дотронулся до груди и почувствовал легкий укол в пальцы: яблоко откликнулось, вздрогнуло и медленно-медленно поплыло вперед. Хрустальная мякоть толкнула пальцы, отстраняя руку, и Дэвин увидел, как яблоко с величавым спокойствием поднимается над ним — выше, выше, почти под легкие рассветные облака, ловя солнечные лучи и вспыхивая звездой.

«Это все? — подумал Дэвин, испытал одновременно и страх, и облегчение. — Это все, я умер?»

Сверкающая звезда яблока вспыхнула в небе, и тотчас же отозвалась вторая — Дэвин увидел, как над болотами поднялось золотое зарево, в котором пульсировала звездная точка.

«Второе яблоко? — растерянно подумал он. — Джемма?»

Аймо схватил брата за руку, и они бросились бежать с холма от золотой защитной цепи в сторону леса и болот, туда, где, взмыв над деревьями, металось что-то черное, клокастое, истекавшее немислимой злобой.

— Джемма! — прокричал Дэвин и почувствовал, как земля под ногами пришла в движение, а буквы праязыка, которые он написал пером небесной птицы, вспыхнули и поднялись над миром. — Джемма!

Защитная цепь башен налилась огнем, и Вороний король вскинул черные крылья над болотами.

Сейчас он окончательно утратил хоть какой-то облик, став самым собой — сгустком вечной тьмы, порождением некротических полей, тварью, которая бежала от света. Тварью, которая принесла Джемму на свой алтарь и хотела присвоить и убить.

— Иди сюда, гадина! — крикнул Дэвин.

Тьма над лесом забила крыльями и кубарем покатила в его сторону. Свет яблока Джеммы и сила сторожевых башен язвили и ранили Вороньего короля, выбрасывая его прочь из мира людей. Теперь он хотел вернуться в свой мир, зализать раны, а потом, когда-нибудь, попробовать снова воцариться на севере.

И Дэвин точно знал, что не допустит этого.

Мир вновь содрогнулся, и на несколько мгновений сияние рассветного неба померкло. Вороний король вернулся в дом, ставший его темницей, и тьма над севером развеялась. Сторожевые башни мутнели и отдалялись, закрывались врата между двумя мирами. Последним, что увидел Дэвин, была золотая звездочка яблока Джеммы, которая мягко сияла над болотами.

Джемма осталась в живых. Все хорошо. Вороний король изгнан.

Больше всего Дэвину сейчас хотелось лечь, уснуть и проспаться несколько дней — настолько усталым он себя чувствовал. Но сгусток тьмы трепетал и бился перед ним, в нем то вспыхивало золото короны, то проявлялись очертания перьев и крыльев, и Дэвин знал, что со сном придется повременить, — надо завершить одно дело.

— Ну что, тварь? — спросил он. — Нравится?

Тьма издала тоскливый стон, наполненный непереносимой мукой. Буквы праязыка язвили и жгли Вороньего короля, они опутывали его тяжелыми оковами, и тьма смирялась, падала, клонила голову все ниже и ниже. Спустя несколько минут Вороний король был полон смирения и покорности — он понимал, что больше не сумеет покинуть свой мир.

Но Дэвин знал, что однажды все может измениться. Пройдут года, и сторожевые башни севера снова будут лежать в руинах, забытые и ненужные. Пройдут года, и очередной искатель чудес вспомнит о тьме, к которой можно воззвать с молитвами и напоить жертвенной кровью. И Вороний король, который успеет скопить силы, откликнется на зов и снова выйдет в мир. Может быть, тогда не найдется тех, кто встанет у него на пути.

— Я тебя остановлю, — устало сообщил Дэвии, глядя, как клочок черноты корчится на земле у его ног — ничтожный, беспомощный, обманчиво беззащитный. — Не на время, а навсегда.

Он протянул руку к небу, и хрустальное яблоко мягко легло в его ладонь. Дэвин в последний раз подумал о себе — том, который лежал сейчас под деревьями и смотрел в небо над садом: утреннее, свежее, пахнущее дождем и летом. Он подумал о Джемме — близнецы бежали как раз в ее сторону, и Дэвин знал, что через несколько мгновений ее снимут с алтаря. Он подумал о Хавтавааре, спасенном севере, отце и матери, о том, как же хорошо жить, любить и дышать.

Яблоко пульсировало на его ладони, как живое сердце. Дэвин зажмурился и сжал руку.

Он не увидел — просто почувствовал, как яблоко взорвалось и, обжигая кожу сотнями осколков, упало на землю. Тьма у его ног застонала и медленно растаяла. Через несколько мгновений от Вороньего короля остался лишь запах дыма, да и тот унесло утренним ветром.

Теперь наконец-то можно было отдыхать.

«Прощай, Джемма», — подумал Дэвин, схватившись за краешек последнего воспоминания: ясные глаза, которые смотрели на него с любовью, пушистые волосы, ласковое прикосновение рук...

Джемма будет жить. Это самое главное. Дэвин медленно опустился на землю и закрыл глаза.

Джемма увидела его издалека. Тьма развеялась. Над Хавтаваарой поднималось свежее утро, умытое ливнем. Дождь смыл грязь и копот с деревьев и травы, дождь очистил мир, и Джемма вдруг поняла, что в ее душе звучит песня без слов — торжественный гимн солнцу, свету, жизни и радости.

Но сейчас Джемма думала лишь об одном: лучше бы она умерла.

Слишком много было смертей и крови. Джемме хотелось сесть куда-нибудь в траву, закрыть лицо ладонями и никогда не вставать. Армо, который шел рядом с ней, смотрел испуганно и растерянно, словно очень хотел помочь, но не знал, что можно сделать.

— Пустяки, паренек! — негромко сказал болотный бес, который по-прежнему сидел у него на плече: кажется, Армо понравился ему и бес хотел с ним подружиться. — Это все обойдется потихоньку, уж поверь. Утрясется, точно тебе говорю.

— Ты-то откуда знаешь? — поинтересовался Аймо, и Джемма невольно обрадовалась, что к шаману вернулся разум.

Бес рассмеялся.

— Да так, наблюдаю за человечками. Заметил кое-чего.

А потом Джемма увидела сад и человеческое тело под деревьями, споткнулась и едва удержалась на ногах. Ей казалось, что она утратила слух, а зрение стеклось в одну точку, к Дэвину. Близнецы тоже остановились, и Армо вздохнул и осенил лицо знаком круга.

— Ох ты господи... — проговорил он, и Джемма бросилась бежать.

Она бежала так, как не бегала никогда в жизни, так, словно от этого зависела вся ее жизнь. Земля ударяла в ноги, кровь грохотала в ушах, и с каждым шагом Джемма все острее понимала, что опоздала и уже можно не спешить. Дэвин умер. Его больше нет, его не вернуть.

Джемма упала на колени под деревьями и схватила Дэвина за руку — тяжелую, холодную. Его лицо, красивое и постаревшее, очистилось от тьмы Вороньего короля и обрело глубокое спокойствие, как у человека, который наконец-то сделал трудную и долгую работу и теперь может отдохнуть. В темных волосах искрились серебристые нити.

— Дэвин... — прошептала Джемма, глядя его по голове и не чувствуя, как по щекам текут слезы. — Дэвин, вставай, пожалуйста. Слышишь? Вставай.

Он не шевельнулся. Джемма опустила руку ему на грудь в надежде: его яблоко почувствует, что она вернулась, но ладонь куснуло холодом. Сердце не билось.

— Дэвин? — позвала Джемма, уже понимая, что все напрасно.

Он не слышит, он не вернется.

Армо, который стоял чуть поодаль, негромко подал голос:

— Ваша светлость... Джемма. Он умер.

Джемма посмотрела на него с такой яростной злобой, что самой сделалось страшно. Как этот деревенский парень может так говорить о Дэвине? Он не мог умереть, он сейчас услышит ее и вернется!

— Умер, — повторила Джемма и, уткнувшись лбом в грудь Дэвина, прошептала: — Умер.

Неизвестно, откуда пришло это понимание, но сейчас Джемма знала, что Дэвин отдал свое хрустальное яблоко, чтобы окончательно уничтожить Вороньего короля. Тьмы под болотами больше не было, она никогда не наберет силы, она никогда не вернется. Дэвин пожертвовал собой, чтобы очистить мир от этой мерзости.

— Джемма... — снова окликнул ее Армо, и болотный бес сокрушенно вздохнул и посоветовал:

— Ты помолчи лучше, паренечек. Пусть поплачет.

Армо шмыгнул носом и кивнул.

Шаман какое-то время мялся поодаль, а потом подошел к Джемме, сел в траву, скрестив ноги, осторожно дотронулся до ее локтя и негромко спросил:

— У вас сейчас целое яблоко? Правильно?

Джемма подняла голову, не понимая до конца, о чем спрашивает Аймо. Да, она вышла замуж за Тернера, свою вторую половину, да, у нее сейчас целое яблоко. Он ведь был возле алтарного камня и видел, как над лесом поднялась сверкающая звезда, которая вырвалась из груди Джеммы и опалила крылья Вороньего короля.

— Да, — глухо ответила она. — Да, у меня целое яблоко. И что?

Шаман смотрел на нее с теплом и надеждой. Где-то далеко-далеко заголосил петух, потом к нему присоединился второй. Север оживал для новой жизни.

— Иногда его можно разделить, — произнес Аймо, — чтобы оживить человека. Иногда. Так нам в церкви читали. Давно.

Разделить яблоко? Только-то? Да Джемма отдала бы его полностью, лишь бы Дэвин открыл глаза и посмотрел на нее еще раз!

— Как это сделать? — прошептала она.

Интересно, хотел ли отец оживить маму?

Надежда, уколывая ее в висок, заставила волосы подняться дыбом.

Аймо вздохнул и ответил:

— Я не знаю. Простите, но я не знаю.

Джемме захотелось горько рассмеяться. Чего-то в этом роде она и ожидала. И скоро из Хавтаваары придут испуганные люди, которые зывали ко злу, не понимая до конца, насколько оно могущественно, заберут тело Дэвина и отнесут на кладбище. Все кончится. Джемма будет совершенно свободна — и сейчас эта свобода пугала ее почти до обморока.

Нет, ничего она не сможет исправить. Но пока можно было сидеть на мокрой траве рядом с Дэвином, держать его за руку и вспоминать тот день, когда она уехала из Хавтаваары, — последний день, когда они с Дэвином виделись по-настоящему и он смотрел на нее своими глазами, а не золотыми озерами Вороньего короля.

«Вот и все», — подумала Джемма, и именно в эту минуту хрустальное яблоко толкнулось в ней.

Над садом разливалось утро. По развалинам дома прыгала беззаботная птичка, чирикала, распушала крылышки. Джемма держала Дэвина за руку, и яблоко в ее груди росло и зрело, наливалось теплыми соками, умывалось дождем. Когда оно сорвалось с невидимой ветви и, в последний раз толкнувшись в груди Джеммы, выплыло на свободу, озарив сад золотым светом, Джемма почти перестала дышать. Сейчас она могла только смотреть.

Яблоко нависло над ними маленькой звездой, и в ее мягком сиянии Джемма увидела себя — беззаботную, легкую, заливающуюся звонким смехом. Потом появился и Дэвин — и он был жив, больше ничего не надо было. А потом яблоко взорвалось, рассеявшись над травой метелью серебряных снежинок, и издали донеслась песня. Жизнь продолжалась. Мир жил.

Когда мертвая рука Дэвина в ладонях Джеммы дрогнула, наливаясь живым теплом, то она расплакалась снова и засмеялась от счастья.

ЭПИЛОГ

Событие было невиданным. Его величество Кормак, разумеется, ездил по стране, но так далеко на север он никогда не забирался. Что делать королю в краях стылых болот и кислой клюквы?

Но теперь он не имел права не приехать.

На том месте, где год назад стоял особняк принца Дэвина, теперь поставили памятник: скромную плиту из черного мрамора, на которой были высечены имена всех погибших во время прорыва некротического поля. Армо, который помогал с уборкой и подготовкой к празднику, несколько раз останавливался возле плиты и читал по складам.

Болотный бес высовывался из-за деревьев и сокрушенно качал головой:

— Что-то ты, паренечек, совсем уже деревенщина. По складам и я умею.

Армо хмуро смотрел на беса, который прибил к ним с братом и теперь жил на правах домашнего питомца вроде кота, и продолжал читать. Первым шло имя его высочества Дэвина. Затем — Джемма Эвилет, Артур Вудвилл, Беньямин Тернер, Матиас Штрубе и много, много других.

Армо вздыхал, и болотный бес тянул его за штанину:

— Ладно ныть, парень, идем. Дома забот полон рот, а ты — тут.

К приезду короля готовились несколько месяцев. Разумеется, первыми приехали неприметные господа с каменными лицами и оловянными взглядами — приехали за месяц, пошныряли по поселку и окрестностям, а на тех, кто осмеливался задавать вопросы, смотрели так, что поселяне считали за лучшее закрыть рот и отойти подальше. Потом они снова прошли по Хавтавааре, отбирая тех поселян, кто может стоять в первых рядах и не вызывать у владыки отвращения своим видом. Армо с братом не вошли в почетный список, но это их и не расстроило.

На приехавшего короля смотрели с разинутыми ртами. Родители поднимали детей на плечи, чтобы те запомнили: вон тот высокий сидящий мужчина с аккуратно зачесанными волосами — государь. А женщина в черном платье с крошечной бриллиантовой диадемой в волосах — королева. Толпа сопровождающих — сплошь важные чины в мундирах и сверкающих орденах — впечатляла не меньше. Армо смотрел, как его величество с женой идет к памятнику, и думал о том, что о его приезде будут рассказывать, пожалуй, дольше, чем о возвращении Вороньего короля. Ну и хорошо.

Король встал у плиты с именами и несколько долгих минут молчал — то ли молился, то ли вспоминал о погибшем сыне. Потом он обернулся и спросил:

— Значит, здесь все и было?

— Здесь, ваше величество! — Кейво, поселковый староста, сделал шаг вперед и низко поклонился. Неприметные господа муштровали его несколько дней: что говорить, как смотреть и как дышать, но Кейво лишь довольно улыбался от такой великой чести. — Здесь его высочество победил Вороньего короля. И сам отдал Господу душу, в пепел рассыпался... Тут мы его и похоронили. Вон там пионы выросли, видите?

Эти пионы мать Армо посадила весной.

— Закрыв прорыв некротического поля ценой своей жизни, — объяснил господин из свиты: маленький, сухонький, с высоко зачесанным чубом седых волос.

Король кивнул.

— А его жена?

— Умерла до этого. — Кейво снова поклонился. — Ее Вороний король прямо когтями рвал.

— Так прошла отдача от защитного заклинания, — снова заговорил седой господин. — Имеет вид молнии.

Его величество снова качнул головой. Армо смотрел на него и не мог понять, о чем сейчас думает государь. Вроде бы взволнован и искренне переживает свою потерю, но в то же время как-то и рад, что все кончилось.

— Со святыми упокой, — негромко произнес король и провел пальцами по золотым буквам, а потом сказал уже громче: — Мой сын умер, защищая не только север. Он спасал от тьмы весь мир. Молитесь о нем, помните о нем!

Кто-то из баб разрыдался.

Королева поднесла платочек к сухим глазам, а потом посмотрела на поселян и встретила взглядом с Армо. И он вдруг понял: она знает, что случилось на самом деле. Сын ли нашел способ подать весточку или сила прощения и любви открыла ей правду — Армо не мог сказать. Но в ее взгляде он увидел звезду хрустального яблока Джеммы, которая разделилась на два маленьких целых плода, и они опустились к двум людям на траве.

— Нам ведь не дадут спокойной жизни, — сказал тогда Дэвин и взял Джемму за руку. — Так что лучше уйти отсюда подальше.

Армо смотрел на них — живых, счастливых, любящих — и не понимал, что плачет.

— Что нам сказать остальным? — Аймо всегда соображал быстрее, пока не стал шаманом, вот и сейчас понял, что надо делать.

Дэвин улыбнулся ему и ответил:

— Что здесь я сражался с Вороньим королем и мы оба рассыпались в пепел. Что он убил Джемму до этого, разорвав ее когтями.

Аймо кивнул и, улыбнувшись светло и беззащитно, поднял руку и осенил знаком круга Дэвина и Джемму, словно благословлял. А потом возле ног Принца-вороны закружился вихрь, и они исчезли...

Армо смотрел в глаза королевы и видел далекий юг, красивый дом с белыми стенами и красной черепичной крышей, море, что вечно лижет песчаный берег бесчисленными языками. Дэвин и Джемма, живые и радостные, шли по песку: Дэвин о чем-то рассказывал, и Джемма улыбалась.

Звезды двух целых яблок, сотканных из одного, светились в них так ярко, что было больно глазам.

Королева едва заметно улыбнулась и кивнула — ему, Армо. Они знают правду и всегда будут молчать о ней.

Набежавшие было облака утекли на север. Солнце озарило яблоневый сад, заиграло лучами на золоте букв. Армо смотрел и понимал, что знает кое-что еще, то, что сильнее и важнее всего.

У тьмы нет власти. И никогда уже не будет.